

Алексей Лебский

ПАМЯТНИК РУССКОМУ ОФИЦЕРУ

**Нижний Новгород
2014**

Лебский А.Ю.

Памятник русскому офицеру.

Автор книги - Алексей Лебский в школьном возрасте вместе с дедушкой и бабушкой совершил интересное путешествие в Карпаты, к месту гибели своего прадеда на фронте Первой мировой войны. Став взрослым, автор на основе личных впечатлений, рассказов родных, фронтовых писем, фотографий, журнальных статей и других сохранившихся документов семейного архива, написал многоплановую художественную повесть о жизни и подвиге прадеда, земского статистика Агапова, награжденного посмертно Георгиевским крестом.

*Лучшему другу моих детских и юношеских лет,
моей бабушке – Елене Григорьевне Агаповой
посвящается*

Часть I

Алеша

На запад. Цель поездки. Попутчики. Ужин. Вечер в поезде.

Мы разместились со всеми нашими немногочисленными вещами в плацкартном купе. Мне уже приходилось и раньше путешествовать с бабушкой и дедушкой, чаще всего именно в таких купе мы и ездили. Мне нравилось, что можно полазать вдоволь с одной верхней полки на другую, вверх и вниз, устроиться где-нибудь удобней с книжкой или порисовать около окна на небольшом столике, который почему-то был постоянно липким от пролитого лимонада. В вагоне стояла духота. Как это часто бывает, в нашем купе окно не открывалось, вероятно, было заперто на треугольный ключ. Моя морская фуражка с крабом и белым чехлом раскачивалась на крючке рядом с брюками. За окном, в тумане и паровозном дыму растворялся Киев, с его громадными проспектами, зеленым красивым парком с таким колесом обозрения, какого я больше нигде не видел, даже в Москве, где мы бывали у друзей. По правде, от Киева я устал, вот уж где много шума и суеты было, тем более, бабушка в последний день полностью оставила меня на попечение тети Лены и ее родственников. Дядя Николай утром возил меня по городу на своей «Волге», отчего меня с непривычки сильно укачало. Потом был замечательный обед с киевским тортом из цукатов и сухофруктов, чай и разговоры о Киеве, о Горьком и Москве. Наверное, навсегда запомнится Печерская Лавра, Софийский собор, Подол, Крещатик... Да и киевский зоопарк был великолепен – меня невозможно было оторвать от вольера с яванскими макаками, а «дитячий майданчик» даже у моей сдержанной бабушки вызвал бурный восторг.

Усталость брала свое, и мерное постукиванье колес поезда навевало сон, хотя было еще далеко до вечера.

Зимой я часто болел, поэтому в летний период бабушка старалась отвезти меня в теплые края: Крым или Кавказ, на Черное или Каспийское море, к оздоровительным соленым волнам и жаркому солнцу. Жили в пансионатах, в Доме отдыха актера, если же путевку не удавалось купить, то просто снимали комнату. Иногда, во время наших путешествий дед ухитрялся находить свободные дни, брал билет на поезд и неожиданно появлялся. Мог приехать из Горького в Крым или на Кавказ, где мы отдыхали, взяв отпуск на несколько дней. В разных городах он встречал знакомых артистов или просто своих учеников, разъехавшихся после окончания училища по всей стране, и все ему были рады, и я очень гордился тем, какой он у меня необыкновенный, замечательный. Его явления напоминали театр, которым он жил. И сам он был для меня – большой человек-театр.

Когда мне было 3-4 года, он легко усаживал меня на плечи, а сверху накрывал старым дырявым пледом, чтобы я через отверстия мог смотреть и дышать, и мы изображали жирафа. Это было незабываемое представление – несмотря на высокие потолки, я легко мог дотянуться рукой до люстры или достать книгу с самой верхней полки. В зимние вечера с удовольствием наблюдал я за тем, как он мастерил что-нибудь. В его больших руках из обрубка засохшего корня с помощью пилы и наждачки возникала красавица Жар-птица, из горы бесполезных обрезков досок – табурет и т.п. При этом он всегда доверял мне поработать пилой, молотком или отверткой, направляя мои действия. Могучая энергия творчества кипела в нем, подогреваемая любовью ко всему прекрасному. Он не мог пройти равнодушно мимо красивого резного наличника или старинного купеческого дома в стиле ампира, восхищался и зарисовывал или фотографировал узор кованых ворот.

В дороге он всегда жадно смотрел в окно поезда, был задумчив и поглощен красотой окружающего мира, будто, в нем зрели какие-то дивные и одному ему ведомые замыслы...

В этот раз, после окончания мной второго класса школы, мы ехали в сторону Карпат все вместе и потому, спокойствие и безмятежность были на лице у бабушки. Она лежала на ниж-

ней полке и с упоением читала австралийские рассказы Генри Лаусона. Мы ехали, чтобы посетить могилу ее отца, погибшего в бою за Ворохту в 1916 году.

По книжкам чешских и венгерских сказок я очень расплывчато представлял себе Карпаты. Были ли это горы с заоблачными заснеженными вершинами или нет, паслись ли там овцы или горные козлы на склонах, поросших сочными травами – все это мне казалось очень загадочным и интересным. Когда я попросил деда рассказать мне что-то о той войне в горах, он нахмурился. Он люто ненавидел всякую военную технику для убийства большого количества людей, и среди огромного количества моих игрушек, в основном, приобретенных им, не было ни танков, ни автоматов. Исключение составляли пистолет с пистонами и доставшиеся в наследство оловянные солдатики. И сейчас в поезде он отвечал на мой вопрос сдержанно. Он рассказал мне о храбром солдате Швейке, об Австро-Венгрии, об убийстве в городе Сараеве, которое привело к войне и вторжению немецких и австрийских солдат в Россию. В мою голову почему-то приходили мысли о буденновцах в остроконечных шапках, буржуинах в цилиндрах и фраках с галстуками-бабочками из враждебной загадочной Антанты. Вопросы из меня сыпались как из рога изобилия:

– Дедушка, а Швейк за кого воевал, за австрийцев?

– Да, конечно.

– Так ведь он был чех, как же так, – я начинал запутываться. Я знал Швейка только по рисункам Йозефа Лады.

– Понимаешь, Ленька, Чехия входила в состав большой Австро-Венгерской Империи и обязана была посылать своих солдат сражаться на её стороне, против русских. Швейк вовсе не хотел по собственной воле идти на фронт и убивать людей.

– А что такое Антанта? На чьей стороне она?

– Да, а вот Антанта, т.е. военный союз Англии, Франции и Америки как раз сражалась на стороне Российской Империи.

– Но как же так, ведь они были очень далеко от России, – я ткнул пальцем в маленький дорожный атлас.

– Да, ты прав, поэтому государства Антанты сражались с Австро-Венгрией на фронтах с ее западной стороны. Несмотря

на то, что главный враг России был окружен со всех сторон, на суше и на море, русские войска и Антанта несли ощутимые потери. Дед задумался и добавил:

– А еще ту войну называли Первой мировой оттого, что втянутыми в нее оказались очень многие страны... Слушай, Ленька, война – страшная мерзость, помни всегда об этом!

Поняв, что разговор о войне закончен, я забрался на верхнюю полку, и сидел там, болтая ногами. У меня была с собой книга, зажатая в откидной полочке для полотенец, но читать не хотелось, я задумался обо всем услышанном. Много было непонятого и как мне казалось, неправильного во всей этой истории. Я покрутил ручку громкости радио: мой любимый Марк Бернес пел «просто я работаю волшебником, волшебником». Мне нравился Бернес и его песни, такие простые и понятные. В них была огромная любовь к жизни. И голос, голос очень доброго человека. Я слушал и смотрел в окно.

Скоро должны принести чай в купе. Чай в поезде под стук колес, с кубиками сахара в крохотных упаковках, что может быть лучше?

Народ устроился в вагоне окончательно, перестал хлопать дверьми и полками, кто-то закурил в тамбуре рядом с нами и дед недовольно заворчал, (он не любил курильщиков и воевал с ними) и отправился закрывать все двери, и пожурить виновника. Вечерело, и августовское небо проявило контуры серебристого месяца. Месяц летел вперед, вместе с поездом, двоясь в окне, а деревья и кукурузные поля неслись назад, к Киеву. Попадавшие вдоль дороги синие столбики-указатели с цифрами стали еле различимы. Ночные картины все больше захватывали меня, и я даже не заметил, как появился проводник со стаканами. Дребезжание ложек в стаканах с подстаканниками дополнилось общим оживлением в вагоне. Сидевшие напротив нас около окна молодая девушка и ее спутник готовились к ужину. Молодой человек весело шутил, отрезая толстый кусок поджаристого круглого белого хлеба, говор его был быстрый, настоящий киевский. Девушка, закрепив привычным движением, золотистые волосы в хвост, занялась приготовлением салата из

больших розовых помидоров, красиво, залиvisto смеясь. Оба они, загорелые, возвращались домой, наверное, отдохнув на юге. Мы тоже занялись едой.

Дедушка на какое-то время залюбовался блондинкой, а затем достал перочинный нож и стал чистить краковскую колбасу, напевая что-то из своего спектакля по пьесе Лопе де Вега. На столе появились вареные яйца – вечные спутники железных дорог, картофель в мундире, немалых размеров огурец, соль в коробочке и завернутые в фольгу котлеты от тети Лены.

Когда с ужином и чаем было покончено, я уговорил бабушку на партию в карты (обычно резались в «пьяницу»), а потом снова отправился на верхнюю полку и выключил верхний свет. У меня накопилась еще уйма вопросов, но дед просил не приставать к бабушке с военными историями.

– Бабушка, а мы скоро приедем? – спросил я.

– Алеша, я думаю, часов через пять – шесть.

И она объяснила, что предстояло выходить на станции ночью, а потому мне нужно как следует выспаться, а ей приготовить наши вещи, чтобы ничего не забыть.

Григорий

Утро. Прибытие. Площадь у вокзала. Прощай, поезд!

Дежурный поднял за час до высадки. Дальше этот поезд не шел, – в городе Проскурове принимали пополнение. Предстоял длительный поход на запад, новая жизнь, военная работа, полная тревог и неясности...

Григорий Агапов проверил еще раз чемодан, сложив в его внутренний карман письма из дома и небольшой блокнот в клетку, в черном лаковом переплете. Всю ночь лил дождь, но почти никто в вагоне второго класса не спал, будто это была последняя ночь в человеческих условиях в сухости и тепле. Дождь бушевал, стучал, что есть сил, по крыше и в стекла пульмана несколько часов кряду, и теперь только к утру затих. Прапорщик Александров рассказывал в соседнем купе анекдот «с бородой», а Юдин, с отсутствующим видом на нижней полке раскла-

дывал пасьянс, пытаюсь скрыть, как и другие, тревожное настроение. Ничто не могло отвлечь Григория от его мыслей. Ему вспоминался вчерашний день, торжественный вечер, прощание с друзьями. Сборы... Неизвестность – хуже всего. Солнце, чуть прикрытое рваными остатками туч, показалось из-за кукурузных полей и осветило небо нежно-розовым светом. Чуть позже начала проявляться окраина города – выбеленные хатки, сады, огороды. Вон мальчишка чуть свет повел пастись козу, она заупрямилась, и он огрел строптивую хворостиной...

За подворьями пошли заводские строения с трубами, склады, мельница, невысокие дома, мощёные булыжником улицы, церковь. Вдоль шоссе потянулся бесконечный плетень, тополя да шелковицы, засыпавшие землю кругом черными жирными ягодами. Вот он, Проскуров, промышленный центр Подолии, разделенный полосой железной дороги на две части. С 1914 года здесь стояла 9-ая армия Юго-Западного фронта, куда и направлялся Григорий после киевской школы прапорщиков.

Вчерашние курсанты стояли в проходе, смотрели в окна, курили, чистили сапоги. Двое в утреннем свете с интересом рассматривали карту из планшета штабс-капитана Петраченко и о чем-то с жаром спорили. Сам же старший офицер, собранный и готовый к высадке, широко расставив ноги в начищенных хромовых сапогах, причесывался у зеркала и что-то напевал себе под нос, возможно, как и остальные, пытаюсь себя успокоить.

Поезд, долго тащившийся вдоль города, стал снижать скорость вблизи вокзала.

Проехали надпись: «Проскуровъ». Заскрипели тормоза, и паровоз дал небольшой ход назад, вагоны дернулись и громыхнули.

Большая часть состава осталась за пределами перрона, но вагону, в котором ехал Григорий, повезло. Офицеры, проходя по одному с вещами вдоль узкого вагонного коридора, не торопясь, покинули поезд и направились в арку здания. Вероятно, когда-то этот вокзал являлся центром отдыха горожан и расквартированных здесь военных. Собрание, ресторан притягивали офицеров из лагерей, расположенных севернее и кавалерийских казарм. Проезжавшие на запад и на восток поезда, останавливались

тут, девушки из окон первого класса заглядывались на бравых кавалеристов, а те, покручивая усы, прогуливались по перрону, будто ожидая кого-то. Картина эта невольно промелькнула в воображении прапорщика, как некий праздный штамп. Впечатления дополняла реклама парфюмерии товарищества Брокеръ. Картина изображала красавицу в шляпке с букетом роз. Около левого глаза девушки краска совсем осыпалась, а в том месте где рыжий локон, завиваясь, падал на плечо, зияла дыра с кулак и болтался на ветру клочок оторванной холстины.

Вид облезлой рекламы у входа в ресторан и разбитого стекла витрины вернул Григория на землю. Все теперь тут переменялось...

Зал ожидания был полностью переоборудован. Присесть с вещами негде, кругом по периметру стояли столы, за которыми сидели заспанные писари и офицеры, производящие прием. Большое количество вооруженных людей, на вокзале в столь ранний час, поразило воображение прибывших. Кого тут только не было – инженеры, санитарный батальон, казаки, холеные штабные офицеры и прочие. Доставляя донесения, пробегали ординарцы, все двигалось и кипело, докладывало и отдавало честь.

Не без труда Григорий отыскал того офицера, который ведал вопросами размещения и передвижения пехотных бригад. Измученный с раннего утра заполнением бумаг, маленький подпоручик с усиками, стараясь не отвечать ни на какие вопросы прапорщика, сделал необходимые отметки о прибытии в документах, да отправил к офицеру, ведавшему формированием. Многие, ехавшие в поезде, здесь в Проскурове должны были разделиться по своим командам.

Очередь подвигалась очень медленно, и Григорий стал заглядывать через засиженное мухами окно зала небольшую площадь, вымощенную брусчаткой. Тут стояло несколько зенитных орудий с расчетами, (говорили, налеты вражеских аэропланов были вполне ожидаемы), два трофейных австрийских пулемета «Шварцлозе» и бронеавтомобиль. Площадь была оцеплена и, видимо, хорошо охранялась.

Улицы, впадавшие в вокзальную площадь, казались пустынными – предприятия еще не работали, только крохотная булочная на углу открыла ставни.

Над входом в соседний дом развевались флаги Антанты – союзники имели тут представительство: Проскуров был местом дислокации подразделений союзных войск - английского дивизиона мотопехоты и французского авиационного отряда. Но у входа в тот час не виднелось ни одной живой души, и окна были наглухо закрыты.

Новобранцев с поезда направили сюда, на площадь под присмотром вооруженной охраны. Переходя через мостки, они щурились от утреннего света, отряхивая с себя солому и хлебные крошки. Их доставили, как обычно, без удобств, как скот, по 40–45 человек в товарном вагоне. Некоторые ехали, вероятно, всю ночь стоя. Старший унтер ругался, покрикивал:

– Не растягиваться! – и, подгоняя тумаками пополнение, торопил освободить поезд. Новобранцев укачал этот перегон, земля еще плыла под ногами, вид у всех был потерянный и разбитый.

Очередь, как назло, совсем замерла, и прапорщик продолжал наблюдать за происходящим на площади. Одеты прибывшие были, как попало, во все то, чего было не жаль. Здесь только предстояло еще им получить амуницию и сделаться настоящим пушечным мясом, а пока это была просто неорганизованная толпа с узелками, котомками, мешками и чемоданами. Почти все они были из крестьян...

Агапов взгляделся в землистые лица, будто ища знакомых, и не увидел в них ничего, кроме животного страха и отчаяния.

Новоприбывших построили по другую сторону площади, и унтер мрачно прохаживался перед строем, глядя в брусчатку и ожидая указаний кого-то из старших.

Григорию стало не по себе при мысли о будущей ответственности за таких несчастных, испуганных, ничему не обученных людей. Думы эти и раньше посещали его, и чем ближе они находились к фронту, тем становились тяжелей. Григорий не был профессиональным военным, напротив, все его романтическое

существо противилось всяческому безрассудному подчинению и не принимало подавления человеческой воли.

Этот романтизм отлично уживался в нем с внутренней дисциплиной, любовью к порядку, порой граничившей с педантизмом. Земский статистик, плановик и неутомимый счетовод всего того, что поддавалось на этой земле учету, Григорий знал цену цифрам, верил в них и видел за ними реальный труд людей. Работая в статистическом отделении Нижегородского земства, он не раз ловил себя на том, что зримость и осязаемость чисел прошедших через его отдел и детально проработанных его сотрудниками, так же влюбленными в свое дело, как и он более чем реальна. Вот тут, пять процентов, – не что иное, как неурожай зерна, за ней – брошенные избы, ремесла, поиски работы в городе, нищета. А эти 10% – Ярмарка, договоры на поставки сельхозтехники в губернию и снижение налога... Вот купцы внесли в казну, вот статистика по народному займу, 6% прирост... Все просто складывается из цифр!

Григорий знал, что с помощью разумного планирования можно увеличить урожай, регулировать цену на молоко и мясо в масштабах уезда и губернии. Работа в Семенове, составление монографий крестьянских хозяйств дали ему представления о скотоводстве и птицеводстве, о высевах и сборе сельскохозяйственных культур, бесценные знания о нуждах, доходах и расходах крестьянина. Будучи сам выходцем из крестьян, он прекрасно представлял себе заботы человека, работающего на земле.

Его домашний блокнот содержал записи обо всех важных покупках, он всегда грамотно планировал скромный бюджет своей семьи, для того, чтобы из обязательных трат выкроить средства на платье, лечение или поездки, подарки детям.

Так уж сложилась судьба, что в 37 лет Агапов оказался здесь, среди этих военных, опытных кадровых, и таких же временных, как он сам. Он совсем еще не представлял суть войны, психологию таких разных людей, оказавшихся здесь с ним, но ему предстояло понять это, просто не было иного выхода.

Война, тоже состоявшая из цифр, ни за что не вписалась бы в монографию.

По другую сторону вокзала началась разгрузка поезда, с которым он прибыл. Пульманы, вымытые за ночь дождем, светились на солнце яркой зеленью и золотом орлов. Еще вчера вечером этот поезд был прокопчен и забрызган грязью, а сейчас его и не узнать – игрушка!

Платформы освобождали от инвентаря, многочисленных ящиков с продовольствием, оружием и инструментом. Везли пулеметы разных марок, пожалуй, больше кольтовских «Максимов», много патронов к ним, станки Соколова, новенькие в масле и восстановленные трехлинейки Мосина образца 91 года. В одном из вагонов приехал радиотелеграфный аппарат, занявший аж пять мест фанерных ящиков. С поездом прибыло и немало артиллерийских снарядов, в основном для 76 мм пушек, их с нетерпением ждал ненасытный Юго-Западный фронт. Два взмыленных интенданта носились по всей длине платформы, ведя в ведомостях подсчет прибывшего груза и погоняя работавших, а самим грузчикам из солдат не было числа.

Вот и его очередь подошла. Григорий прошел в узкую комнату. Разобравшись с предписанием прапорщика, офицер шлепнул печать в документ и хрипло прорычал:

– В тридцать пятые! Григорий пытался что-то уточнить, штабной подпоручик, не желая ничего слышать, рявкнул:

– Там все написано, выполняйте! Следующий! – и выпроводил его.

– Тебя тоже опеределили в 35-ые? – он обернулся, у окна стояли Александров и Юдин, уже прошедшие все инстанции и изучавшие выданные бумажки.

– Говорят, жуткий клоповник. Надеюсь, до костей насекомые нас не успеют обглодать, надо же и немцам что-нибудь оставить, – мрачно пошутил Юдин.

Григорий не успел подружиться ни с тем, ни с другим, но все же это были товарищи по школе. Оказалось, 35-ые казармы Драгунского полка находились на южной стороне города недалеко от вокзала, там и формировался тот самый 86 армейский запасной маршевой батальон. *(В 1908 году А.И. Куприн проходил службу в этих казармах. Повесть «Дуэль». Прим. А.Л.)*

– А Бобылева не видели? Куда его? – справился Григорий. Немногословный Александров только развел руками. Некоторые офицеры, прибывшие с тем же поездом, получили иные указания. По северную сторону железной дороги находились военные лагеря, там тоже собирали бригады для следования на фронт.

Они вышли снова на перрон, поезд, тот самый Киевский, был готов к отправке. Паровоз уже переместился на восточную сторону и стоял под парами. Кто-то возвращался с этим поездом в Киев, но счастливых этих было немного. Скорее бедняги раненые, отпускники, да особое начальство...

День разгорался, тумана и в помине не было. Пирамидальные тополя, стоящие за путями отбрасывали на плетень короткие полуденные тени. Прапорщики поставили вещи около металлической решетки платформы и несколько минут любовались видом Северной части города.

– Ваш благородь, дай закурить! – Старик на костылях стоял рядом с ними, прислонившись к столбу. Одной ноги у него не было, а лицо, загорелое и давно не бритое, заросло до самых прищуренных глаз седой бородой. Александров оглянулся и протянул кiset.

– Где тебя так, отец?

– Бонбой, сынок, на японском. Досталось нам, не приведи господь, – отецдохнул перегаром. – Душистый у тебя табачок, служивый, спасибо, милок – забормотал инвалид, сворачивая дрожащими руками толстую самокрутку из куска «Ведомостей».

– Если бы не умница-подпоручик, кормить бы мне червей в той китайской земле. Вывел он людей из под огня. Главное – от паники спас, от дурости... Григорий сообразил, что стариком калека не был. Если вычсть те десять лет, что прошли с японской кампании, пожалуй, столько же будет, как ему. Прапорщик поежился от этой мысли.

В это время звякнул латунный колокол, паровоз свистнул и дал малый ход. Выпущенный им пар низко пригнул траву у путей. Вагоны громыгнули, тронулись, и взоры всех обратились на уходящий поезд. Как будто где-то внутри у каждого само

собой зазвучало «Прощание славянки», и, не сговариваясь, офицеры, стоявшие на перроне и усталые от разгрузки солдаты подтянулись и расправили плечи, будто отдавая молчаливый салют уходящему на восток поезду..

Ярмолинцы 1915

Кадиевка. Выходной. Тоска. О песнях. Ночь

«В селе Кадиевке около Ярмолинцев с 4 сентября поместился в хате с двумя прапорщиками. Наша хата по обычаю малорусских селений обращена окнами и входом на сторону, противоположную улице. Чудесный вид через огороды на пруд, сверкающий между прибрежными деревьями. На другом берегу помещичий парк. Днем яркое солнце, ночью лунный блеск.

В полях протянуто бесконечное множество нитей-паутинок, заткавших своим золотистым блеском все пространство поля, куда хватает глаз по направлению против солнечного света.

Здесь у меня какое-то особое настроение. Жизнь всего мира кажется чужой и далекой; нет никакой заботы».

Григорий положил перо на чернильницу и потянулся.

«Как, в сущности, медленно тянется время. Кажется, я тут уже целых три месяца, а ведь прошла только неделя. Нет, определенно от безделья можно с ума сойти. А солдат мы должны учить. Если их не учить, в первом же бою пропадут. Или уйдут, разбегутся врассыпную. А этот Федоров? Каков прохвост! Рота вся поднялась по учебной тревоге, а он отсиделся в каптерке, не вышел. Может, я слишком мягко его наказал? Григорий вспомнил преподавателей из временной: «наказание должно быть суровым и неотвратимым». Однако минуло то время, когда все держалось на унтеровских пинках и зуботычинах. Сами унтеры теперь были в строю, лишь временами подменяя младшего офицера. Занятия проводили весьма мягко, даже не каждый день, особо не отягощая никого – запасной, он и есть запасной. Присмотра со стороны старших офицеров почти не ощущалось, что хочешь, то и делай, унтеры кулаки не распускали, во всяком

случае, на виду рядовых не обижали. Что касается «офицеров военного времени» – так те вообще непростительно либеральничали. В Кадиевке стояли временно, и это расхолаживало. Что дальше? Еще один городишко или село? Постоянно на чемоданах сидели. Все это создавало ощущение какой-то отстранённости и от ничегонеделания неодолимо клонило в сон.

Агапов достал черный лаковый блокнот с записями, книжечку с уставом. Отрывочные знания по тактике сражений... Что можно усвоить за три месяца? Офицеры в Киевской школе активно развивали новые идеи, упоминая Драгомирова. Новации означали переход от тотальной муштры к воспитанию «нравственных» качеств бойца и командира, индивидуальную работу, культурное отношение к солдату. Все это можно было принять лишь с большим сомнением. Невыполнимыми казались эти меры. К тому же драгомировское отношение к новым видам оружия, например скорострельным Григорий не понимал. Идти под пулями в штыковую в полный рост без поддержки пулеметов?... Гибнет первый взвод со вторым, а потом третий. Психологический натиск. Несопоставимость новшеств, устава и реальности пугали. Григорий не привык к такой недосказанности, слишком уж много абстракций. Вероятно, чего-то он недопонимал, не хватало армейского опыта, практических знаний.

А как это можно было понять? Нет ни патронов, ни винтовок со штыками. Небольшой учебный запас плюс оружие караула. Ждали подвоза оружия из Проскурова уже неделю, но напрасно. Солдаты, несмотря на суровые меры, не очень настроены служить и еще меньше воевать. Кому ж охота воевать. Крестьянин обеспокоен – землей, урожаем, чтоб был. Городские, их мало, те рассуждают о политике, о большевиках, эсэрах. Григорий вспомнил своих знакомых, тех, кто придерживался новых прогрессивных взглядов...

Да, Александр Иванович, например... На пасху был у них в гостях с Мэри и детьми. Марксист, а чудный человек, пасху отмечает. Не помню даже, чтоб вообще дома у Пискуновых о политике зашла речь, ну разве, о школьных реформах? А ведь, в самом деле, умнейший гражданин, патриот! Как он разговаривал

с Алей о Толстом... Бывает, же в самом деле так, что кому-то Господь дает все самое, самое. Ах, если б таких умных людей было больше в России. Как бы зажили! Никакой немец никогда не сунулся бы воевать с нами. И родной дом жил бы спокойно.

Нет, не думать о доме! Нет, решительно, лучше не думать, и о Толстом тем более. Может, я напрасно переживаю, все не так плохо, и все образуется?

Агапов встал из-за стола и подошел к маленькому окну, смотревшему во двор.

Муха, проснувшись на подоконнике, завертелась и зажужжала, прервав ход размышлений прапорщика. Свернув зачитанную до ветхости газету, он прибил ее. Отправив газету в печку, он почему-то в мыслях вернулся к марксистам. Несомненно, идеи их он разделял. Вера в справедливость и свободный творческий труд, правильное будущее и развитие науки в последние годы поддерживала не его одного, а работа в статистике давала ему новые знания и пищу для ума каждый день.

Но статистика переживала в начале века потрясения. Война с Японией, реорганизация вооруженных сил, подъем промышленности, миграция населения, несомненно, вызвали большие перемены в его жизни и ежедневной кропотливой работе... Чаще, чем раньше, Агапов в последние месяцы гражданской жизни вглядывался в статьи М. Плотникова, вновь и вновь удивляясь прозорливости этого замечательного теоретика новой науки. Одной из главных заслуг сего ученого мужа было детальное исследование влияния урожаев и цен на различные аспекты деятельности человека. Одна из основных его книг так и называлась: «О влиянии урожаев и хлебных цен на кустарные промыслы».

К сожалению, многие работы его остались в Петербурге и не были доступны Григорию, но и того, что он прочел, было с лихвой достаточно, чтобы увлечься на первый взгляд довольно скучной работой земского статистика. *(Плотников Михаил Александрович – земский статистик и публицист. Окончил курс в Московском университете по юридическому факультету. Служил в статистическом бюро нижегородского губернского*

Григорий Агапов.

го земства. В 1896 г. переселился в Петербург, где был до 1899 г. одним из ближайших сотрудников журнала «Русское Богатство», работая по преимуществу в отделе внутренней хроники журнала. Умер в 1903 г. Главные труды Плотникова: «Кустарные промыслы Нижегородской губернии» (Нижний Новгород, 1894, издание нижегородского губернского земства); «О влиянии урожаев и хлебных цен на кустарные промыслы» (в сборнике «Влияние урожая и хлебных цен», издано под редакцией профессоров А.И. Чупрова и А.С. Посникова, СПб., 1897 – примечание А.Л., источник – Википедия).

Применяя некоторые положения и формулы Плотникова, Григорий в своей работе с кустарными промыслами впервые убедился в их эффективности. Регулирование цен, рынка продуктов труда человека открывало новые возможности развития села. Конечно, многое было доступно лишь теоретически. Необходимы были новые законы ведения хозяйства и понимание проблем наверху.

А это понимание, надо признать, было.

Просматривая сводки Центрального статистического Комитета при Министерстве внутренних дел (*Комитет был в 1894 году переименован в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ, а с 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия – примечание А.Л.*), опубликованные как «Урожай 1894» и последующих годов, Агапов видел, какие удивительные изменения в крестьянском хозяйстве произошли за последние годы.

Григория охватывало радостное ощущение победы, когда он собственными глазами наблюдал, как у людей на селе поднимался дух и интерес к новым средствам производства. Внедрялись удобрения, новый посадочный материал давал надежды на большие урожаи, развивались кустарные промыслы, приносящие людям доход, и, как ни странно, рос спрос на эту продукцию.

В своих работах, посвященных росту кустарных промыслов, Агапов анализировал взаимосвязь множества влияющих

факторов, и многие цифры его отчетов были лично получены на селе с помощью опытов и измерений.

Заготовленный заранее статистическим отделением губернского земства бланк заполнялся чиновником, ответственным за волость, уезд.

Например, в своей монографии крестьянского хозяйства от 1905 года в Красной Рамени Семеновского уезда (домохозяин Иван Васильевич Голубев), Григорий собрал данные о распределении усадебной площади хозяйства, площади лугов, сведения о постройках, детальные данные о полезном и «мертвом» инвентаре.

Особые графы заполнялись данными о производимых продуктах, о расходах на фураж, топливо, удобрения и корма скоту.

Очень важными являлись сведения о лесном хозяйстве, пчеловодстве, найме рабочей силы и отпуске ее на сторону для производства работ или торговли собственным продуктом. Каждая квадратная сажень, семья пчел, ведро молока, рубль прибыли и убыли были вписаны в бланк, который в дальнейшем обрабатывался в отделении. В конечном итоге, по такому документу можно было проработать дальнейшее планирование отдельно взятого домохозяйства, подсказать нужные решения для получения максимальной эффективности производства. Этот индивидуальный опыт имел огромное значение для развития сельского хозяйства, он позволял регулировать урожайность, создавать необходимые промыслы, производить в разумных количествах наем годовых и срочных работников и пр.

Как всегда мешали формальные подходы, недобросовестное заполнение бланков, лень и стремление некоторых сотрудников превратить живой опыт в бесчувственную бюрократию.

Большое внимание Агапов, как земский чиновник, уделял личным консультациям людей по вопросам ведения хозяйства, приобретения земли, развертывания кустарного производства. Чувствовалось и доброе отношение крестьян.

Он вспомнил как один из хозяев – Павел Чуев уже после заполнения бланка на другой день вернулся в контору Григория и заявил:

– Григорий Иваныч, прости, любезный, совсем я забыл сказать, я ведь еще в этом году винишком приторговывал, впиши, дорогой!

Сам по себе, факт сей откровенности не был единственным, и лишний раз напоминал Григорию – люди понимают важность того, что он делает, знают, что сведения, предоставляемые ими, нужны для развития их же хозяйств. Но были и те, кто этого не понимал.

В целом, баланс такой деятельности, несмотря на недолгий опыт Григория Агапова, был положителен. Кое-кто имел, все же, потери, многие риски работы в сельском хозяйстве невозможно было предусмотреть, но, тем не менее, люди стали чаще приходиться к нему за советом.

Он вспомнил благодарственное письмо одного из нижегородских купцов, которому помог принять правильное решение в закупке продукции кустарных промыслов. Речь шла о заказе большой партии хохломских изделий, которые к тому времени уже прославились в Европе. Конечно, эта помощь была почти частным делом, однако выиграла от разумного решения и город, и Семеновский уезд. Разве это не было здорово, что от такой сделки на промыслах для людей открылись новые рабочие места?

Все эти добрые статистические раздумья были прерваны шагами во дворе, Григорий быстро убрал письменные принадлежности и черный блокнот со стола. Он не любил делиться своими мыслями. Во всяком случае, сейчас не готов был к этому. Соседи по квартире возвращались с прогулки. Юдин и Александров ходили осматривать окрестности. Они были такими же младшими офицерами, как и он, и в их документах тоже значилось «Приказом по 21 армейской маршевой запасной бригаде за № 214 назначен на службу в 86 армейский запасной маршевой батальон».

Пока это было единственным, что их всех объединяло. Вечно недовольный всем Юдин, красавец повеса Александров, рассудительный и принципиальный Григорий.

Шумная компания приближалась к дому. Денщик Юдина, Иван Луговой, двигаясь впереди остальных, появился на пороге

чуть раньше с какой-то поклажей. Не иначе, запасся плодами чьего-то огорода. Григорий осуждал это в душе, но ничего не говорил. Было заметно, война многих сделала другими. Дело было даже не в том, что этот солдат не знал устава, не в двух-трех морковках, взятых им, пускай, даже с разрешения хозяина. Полноватый Юдин, в темноте сеней наткнулся на Ивана и выругался:

– Вечно путаешься под ногами, что, рассыпал овощ? Собирай. Иван завозился впотьмах, что-то приговаривая, собирая просыпанную из корзины морковь.

– Гриша, ты зря не пошел с нами, право, денек отменный. Мы ходили к пруду, неплохо в тени отдохнули, часок-другой, а ты сидишь, здесь киснешь с мухами...

– Будто вы там мух и слепней не кормили – усмехнулся Агапов. – Да их тут везде полно. Что там интересного на твоём пруду?!

Юдин снова затараторил по-екатеринбургски.

– Рыбалку бы наладить! Там в пруду у ивняка под корягой, ей-ей, щучища гуляет фунтов на 10. Своими глазами хвост видел, вон с ту лопату, что в сенях стоит. Ушицу бы сварили славную, надоели мне что-то каши...

– Болтун ты, Юдин. Ну откуда здесь такие шуки?! Агапов никак не мог привыкнуть к его речи, а в запасном было немало и солдат-сибиряков, изъясняющихся подобным образом.

Юдин был из потомственных сибирских мастеровых. Сельская школа, затем ремесленное училище, завод. Иногда, Георгий рассказывал о своей работе, о том, как прошел путь от подручного до мастера, о производстве, о новых станках и о смене хозяев. Правда, Агапов ни разу не замечал в нем живой увлеченности в работе. Карьера Юдина не была выстрадана им, это был некий механический путь из одной ипостаси в другую, не более. Рассказы Георгия зачастую носили шуточный характер. Юдин вспоминал смешные истории, произошедшие с ним в заводе, всякие сибирские анекдоты и байки. Эти его шутки, многократно повторенные во Временной школе прапорщиков, у всех курсантов уже сидели в печенках. Рассказы о зимней и

Прапорщик Юдин.

летней рыбалке на Патрушихе и Ольховке (*притоки Исети прим. А.Л.*) были его коньком. Он мог бесконечно рассказывать о грузилах, поплавках, жерлицах и прочих рыбацких снастях, о вываживании хищной рыбы и тройной ухе. Тут уж он считал себя непререкаемым специалистом.

– Щук не люблю, – вставил молчавший до сих пор москвич Александров. – То ли дело налим, али сом. Но рыбалка, я вам скажу – занятие увлекательное, тут я с Жорой согласен!

Разговор затянулся до ужина, почему-то на самом деле захотелось ухи, да посидеть у костра, как когда-то в ночном, на Керженце. Тогда ребята наловили немало окуней, ершей да сорожки. Долго чистили всю эту мелочь, варили с луком, морковью в большом котелке. Григорий явственно представил ту холодную ясную осеннюю ночь, встающую из-за леса огромную луну, будто вырезанные из черной бумаги, темные силуэты лошадей. В общем, воспоминания снова навеяли грусть и тоску по дому, по картинам родной природы.

После простого и обильного ужина они посидели за картами, играли просто так, не на интерес, чтобы убить время.

Стемнело. Откуда-то послышалась украинская речь, затем пьяная песня, заунывная, щемящая и немзыкальная.

«Так воет барбос у помоек на окраине города, голодный, одинокий» – подумал Григорий. Одиноко было ему, несмотря на присутствие этих двоих. Вечер вовсе не пробуждал в нем желания спеть. В школе бывали дни, он затягивал песню, под настроение. Голос не выдающийся, но сколько куража в нем было! Слова знал ко всем песням. Ребята подхватывали. Его настроение моментально всем передавалось, и особенно, если пелось о родных местах – у друзей на глазах появлялись слезы. Но больше любил он песни веселые, семеновские. Цвет у них был яркий, золотистый, как у хохломских ложек, что раскрашивали девки-художницы с кустарных семеновских промыслов.

Любил он и песни малоросские, что помнил с юности, когда учился в Уманском училище.

Пел в хоре и в театральном кружке. И в Киеве друзья отлично знали запевалу Агапова, и в школьных компаниях он был всеми охотно принят.

За окном засиял, отражаясь в пруду, растущий, низко стоящий месяц. Пение сменилось бормотанием, где-то рядом скрипнула калитка, стукнула дверь.

– Ну, голубчик, угомонился. Сейчас жинка-то ему устроит – сказал, смеясь, Юдин, натягивая на себя одеяло до самых усов, и только он это произнес, послышался женский голос, визгливый, властный.

Слов было не разобрать, но прапорщики дружно захохотали, тут уж Григорий совсем расхотел спать, встал с кровати и в одних брюках вышел во двор.

Осеннее небо было усеяно звездами, и Агапов залюбовался им, как мальчишка в том ночном, запрокинув голову. Цикады неистово стучали своими невидимыми молоточками, ночной скандал в соседнем доме затих. В самом деле, все мирское отступало на второй план, когда царила такая красавица ночь! Неслучайно вспомнился ему Гоголь и то, как он Юре и Але читал его рассказы про Малороссию. На краю небосклона скатилась, будто с невидимой горки, звезда, и Григорий успел загадать желание.

Иван

Пан из Лондона. Лагерь. Следы войны.

В крытом брезентом кузове грузовика Красного Креста трясло и мотало. Шли уже вторые сутки путешествия, дорога ближе к востоку становилась просто непроезжей. В раскатанных грунтовых колеях стояла вода, которая с шумом вырывалась из-под колес студебеккера на обочину. Иван Карлович в очередной раз проверил содержимое карманов и рюкзака, с которым старался не расставаться в дороге. Документы и часть денег держал в отдельном карманчике, подвешенном на сыромятном ремешке под рубашкой на шее. Попутчики – волонтеры Красного Креста, двое чехов и полька, не унывали в дороге, стараясь занять себя песнями и шуткой, Иван не сторонился их, иногда подпевал, и время в дороге пролетало быстрее. Ехали не торопясь, можно было разглядывать бесконечно тянущиеся по обе стороны поля

бескрайней Польши. Только во вторую половину дня ландшафт сменился – пошли леса и перелески, а дорога то опускалась под гору, то вновь поднималась.

Калеки, цыгане, беспризорные дети – встречались на пути часто. Стайками тянулись они по дорогам и обочинам. Давно уже Иван не видел такого количества неприкаянного народа, бездомного, голодного, побирающегося. Кризис широко прогулялся и по этой, самой бедной окраине Европы, кукурузные поля которой, совсем недавно были полями сражений мировой войны.

Сквозь окошко в брезенте уносилось назад полотно грунтовок, кривое и ухабистое. Водитель, седой чех, старался объезжать камни и пригорки, все чаще попадавшие на пути. Старенький студебеккер дышал на ладан, уже не однажды останавливались на ремонт, а времени было в обрез, до места – еще 100–120 верст и вот – вот пойдут дожди, не дай бог, и тогда завязнем тут и прости – прощай вся затея с Гришиной могилой и памятником.

Ивану вспомнились солнечные дни в Швейцарии, очереди в Красном Кресте и у графа Н.П. Игнатьева. «Только мы, русские обречены теперь на вечные очереди...» – слышал он от бывшего денкинского офицера в Берне. Тот выправлял себе какие-то бумаги для воссоединения с родственниками, а дело его совсем не клеилось, к тому же средства его были совсем на исходе. Иван тоже провел немало часов в очередях БТП (Бюро по трудовой помощи), хотя ему вовсе не нужна была работа в Швейцарии. Но именно в этом офисе можно было получить необходимую информацию о поездках к местам захоронений солдат, собрать сведения, найти единомышленников. Сам Бог привел его в «Красный Крест», так много удалось узнать здесь о точном месте гибели родственника, о том, как быть, что делать дальше...

Сейчас Швейцария осталась далеко позади и казалась теперь светлым красочным сном. Проехали сотню верст ужасной, разбитой дороги. Иван только крепче надвинул на лоб шляпу и стиснул зубы. Только бы скорей добраться!

Из Нижнего Тагила Иван и Екатерина Гибсоны уехали в 17 году еще до октябрьских событий. Сначала это была эмигра-

ция в Шанхай, затем Сидней. То был стандартный исход из России очень многих. Только после войны перебрался он с женой в Лондон. Тут что-то значили еще родственные связи, но с работой было совсем плохо. Жили скромно, сбережения почти все проели, перебивались случайной работой. Вскоре и родственников не стало.

Британский лев зализывал военные раны, страна поднималась из пепла, Иван поучаствовал и в строительстве метро, и потаскал камни на реконструкции зданий и площадей. Везения с работой очень долго не было, пока не появились новые знакомые. Знание языка и хорошее российское техническое образование, наконец, пригодились. Конечно, Иван хотел бы идти по стопам отца – строить лодки и корабли, но у нанимателя на него были совсем другие виды. Больше пришлось работать с клиентами и решать не только технические, но и юридические вопросы. Работал много и тяжело. Особенно трудно было отслеживать длинные цепочки заказов, тащить на себе бухгалтерию. Но выхода не было.

Постепенно они с Екатериной встали на ноги, даже сняли квартиру побольше, да и поближе к службе Ивана Карловича. Жизнь стал налаживаться, несмотря на скромную зарплату и дороговизну продуктов.

Он вспоминал сестру часто, ругал себя за то, что тогда не смог уговорить ее уехать из России, так же, как он. Теперь можно было сказать, что он уже давно жил в Лондоне, даже старался говорить, как кокни (*в соответствии с поверьем, истинный кокни — это житель Лондона, родившийся в пределах слышимости звона колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Бо. Для диалекта кокни характерно особое произношение, неправильность речи... прим А.Л., источник - Википедия*)

Способности к языкам у него были! Видит бог, жена его Екатерина помогала во всех делах и делила с ним нелегкую жизнь. Все-же, стабильность пришла к ним только в Лондоне, а там, в далекой России или Шанхае он не видел своего будущего. Как знать, что будет дальше?

Конечно, все эти годы Иван писал ей в далекую, чужую Россию. Письма довольно редко приходили и от нее – с красными

звездами, серпами и молотами на марках. На открытках тех лет Кремль, Красная площадь. Как и раньше, она с детьми проживала все в том же двухэтажном доме в Нижнем Новгороде. Прошло всего-то пара десятков лет, а как далека теперь, как недоступна стала та – советская жизнь! После получения очередной открытки от Маши, Иван задумался о судьбе ее второго мужа – Григория Агапова, погибшего на Юго-Западном фронте. Тогда многие искали своих родственников, живых и мертвых, разбросанных по миру войной. Решение о поездке к месту захоронения пришло само собой вместе с ответом на запрос в Красный Крест. То был уже второй короткий отпуск на новом месте работы. Хозяин конторы выслушал Ивана и даже пошел навстречу, в счет будущего ссудил некоторую сумму денег на дополнительные расходы. Вероятно, сия миссия показалась этому достойному пожилому джентльмену весьма правильной и полезной. Иван в тот же день собрался, выслушал все наставления безопасности от супруги и отбыл в Париж.

Он старался в дороге экономить, питался взятыми с собой консервами, покупал только хлеб, овощи. Старался не ходить в придорожные трактиры и деньги берег на непредвиденные расходы. Их было немного, в разной валюте. Здесь, в этих диких местах в качестве платы принималось все. Временами страхи брали свое и Ивана донимали мысли о нападении разбойников, о том, что не доедет, что не найдет...

– Боже мой, Россия совсем рядом – Иван Карлович изводил себя, – нет мне туда пути, я должен только сделать, то, что я должен Мэри. И убраться потом отсюда.

Опять вынужденная остановка. Бедный грузовик совсем не тянет, чех отправился на поиски воды для мотора.

Иван выбрался из кузова размяться и встретился глазами с водителем, тащившим полное ведро. Помог ему открыть капот, чех, надев рукавицу, отвернул пробку, пар вырвался струей.

– Иван, близок конец пути – через 7 миль будем в лагере польской миссии Бюро Красного Креста. Поедим, переночуем и обратно завтра вечером. Ты возвращаешься с нами?

Иван замотал головой, что нет, но услышав что лагерь уже рядом, обрадовался. Но для него это еще был перевалочный пункт, и как добираться дальше – непонятно. Но, будь, что будет!

Действительно, к ночи добрались до миссии на краю леса, до перевала отсюда было совсем рукой подать. Военная охрана придирчиво изучила каждый документ гостей. На ночлег мужчины устроились в одной из больших армейских палаток, а полька – в основном административном здании. Бюро Польского Красного Креста основало тут госпиталь для инвалидов и освобожденных военнопленных, нуждавшихся в медицинской помощи. Вторых, правда, вовсе в настоящий момент не было. Обстановка, в которой жили сотрудники, весьма отдаленно напоминала боевую. Поддерживали также больных и обездоленных жителей окрестных поселков. Работала полевая кухня, кипели на кострах котлы, девушки были заняты стиркой, днем и ночью волонтеры дежурили в больнице, таскали дрова и воду...

Среди медперсонала русских он тут не встретил, да и поздно было с кем-либо знакомиться. Дорога полностью его вымотала.

Он сходил к колодцу и с удовольствием умылся прямо из ведра. Через какое-то время ударами по куску рельса позвали всех к ужину в столовую. Она представляла собой огромную армейскую палатку с длинным столом и лавками.

Насытившись больничным кулешом с редкими вкраплениями пеммикана, Иван Карлович лежал в спальном мешке и после утомительной дороги наслаждался сосновым ароматом воздуха, звуками леса, спокойствием. От всего этого у него кружилась голова, он наблюдал, как под крышей раскачивался фонарь – «летучая мышь», отбрасывая причудливую тень на край палатки, и вилась облачком мошकारа. Затем вдалеке он услышал чей-то разговор на польском или на чешском, но не разобрал, зазвучал патефон. Ветер доносил обрывки фривольной «Puppchen du bist mein Augenster», потом завели «It's a long way to Tipperary» (*шлягер 1912 г. «Куколка, ты звезда моих очей» в исполнении Вилли Розе; английский шлягер «Путь далек до Типперэри» прим. А.Л.*). На «Типперэри» патефон заикался, игла соскакивала с дорожки. Где-то на другом конце леса был слышен женский смех, люди отдыхали после тяжелого трудового дня. Но скоро музыка и голоса затихли, и на передний план выступили ночные голоса птиц, да шум ветра в соснах.

Наутро снова предстояла дорога, нужно было добраться до узкоколейки и моста через Прут. Еще миль тридцать. А там уж и до Ворохты рукой подать.

Проснувшись позднее, чем бы хотелось, Иван отправился на поиски руководителя миссии. Начальник лагеря, он же главврач, полненький лысоватый пан Тадеуш Рекунский внимательно выслушал Ивана Карловича и изучил его паспорт и бумаги. Он неплохо говорил по-русски, этот Рекунский, вероятно, за последние десять лет немало пришлось лечить белогвардейцев в этих новых юго-восточных землях. Гражданство Ивана вызвало у него уважение и даже некоторую зависть. Да и немудрено – русин из Лондона, несмотря на слегка запыленную одежду и нуждавшиеся в смазке сапоги, выглядел респектабельно.

– При всем моем уважении к Вам, дорогой пан Гибсон, – закивал головой пан Тадеуш, сложив маленькие ручки на животе, – прямо сейчас помочь не смогу, поговорите обо всем с нашим интендантом Майком, думаю, он довезет Вас до Ворохты, если, конечно, это ему будет по пути. Я же не могу предоставить машину от госпиталя, сегодня она уйдет в хозяйство за продуктами и будет только через два дня. Конечно, Вы можете и подождать. У нас тут неплохо, воздух замечательный, комары только едят, холера их побери, – он хлопнул по тыльной стороне руки и раздавил насосавшееся насекомое – Вы хорошо устроились – кушали, спали хорошо?

– Да, все чудесно, пан Тадеуш, спал, как убитый. Я, пожалуй, обращаюсь за помощью к интенданту.

Наслаждаться сосновым воздухом и кормить комаров еще два дня Ивану Карловичу никак не улыбалось, короткое, драгоценное время отпуска уходило.

После завтрака, который отличался от вчерашнего ужина наличием вареных яиц, он разыскал – интенданта – румына, которого звали Майк. Он сидел возле своей палатки за дощатым столом в наброшенной на плечи застиранной гимнастерке, и, борясь с похмельем, пытался разобраться с накладными и счетами, но у него что-то не сходилось. Это была незаурядная личность. Иссиня-черная двухдневная небритость, торчащие

Иван Карлович Гибсон.

«ежином» короткие черные волосы, голубые глаза с громадными ресницами. Нос с выразительно очерченными ноздрями, черт, прямо красавец – потомок римских легионеров.

– Иван Карлович Гибсон, – представился он.

– Майк Спэтару, просто Майк. Я Вам обязан? – он поднялся из-за стола, и стал одного роста с Иваном. Запах изо рта и его варварский русский были ужасны.

Иван Карлович вкратце рассказал о своей проблеме, не теряя надежды уговорить его, поскольку нанять на дороге какой-то попутный транспорт было вообще невозможно. Да и кто еще поедет в богом забытое место?

Потомок римлян выслушал его как-то не особо внимательно, и снова погрузился в свою арифметику. Ехать наотрез отказался, сказал, что не совсем по пути, понес что-то невнятное про переднюю подвеску, про горючее и т.д. И еще, дохнув перегаром, добавил про отчет, накладные и головную боль.

– А не хотите-ли кофе, пан? – не сдавался Иван Карлович. Румын с изумлением приподнял на него голубые глаза с красными прожилками на белках – последствием бурной ночи.

– Да, что ж это, в самом деле, настоящий кафэ?

Иван запустил руку в рюкзак и раздобыл потертую жестяную коробочку из-под печенья с надписью по диагонали «Эй-немь». И, хотя жестянка малость проржавела на петлях и краска по бокам облупилась, Иван привыл к этой памяти о России, и не расставался с ней в дороге. Майк снял с малиновых углей закопченный чайник, и они прямо в стаканах заварили бодрящий душистый напиток. Кофе был самый настоящий с Риджен стрит, без цикория и всяких там желудей.

Аромат разлился по утреннему лесу, проникая в соседние палатки, вскоре из соседней даже высунулась хорошенькая головка санитарки. Польшка, потянув носом воздух, с завистью глянула на наполненные стаканы, затем, ворча, удалилась, потеряв надежду быть приглашенной. Иван почувствовал себя неудобно и кивнул головой в ее сторону.

– Магда, выходи, настоящий кафэ! Czy chcesz prawdziwej kawy pani? – позвал румын.

Полька, проявив гордость, не появилась. Легионер, отложив в сторону бумаги, очистил стол, расстелил на нем старую бухарестскую газету, затем извлек из палатки краюху белого хлеба, несколько кусков комового сахара, польские колбаски, спички, папиросы. Вид этих колбасок с прилипшими крошками табака и хлеба был крайне сомнительный, и Иван под предлогом того, что уже завтракал, не стал их есть. Некоторое время они сидели молча и пили кофе. Потом Майк закурил и заговорил первым:

– Езды до твоей Ворохты – часа 2-3, доллар, кабель? Чем ты можешь заплатить? (*cable* – устаревшее название фунта стерлингов, основной валюты, действовавшей при международных телеграфных расчетах и переводах, прим. А.Л.)

Путешественник предложил ему несколько долларов, и Майк, подумав, согласился, при этом обещал доставить Ивана Карловича только до железнодорожного моста. Это было и так значительно дальше того места, где интендант должен был повернуть к месту своего назначения. Иван Карлович отсчитал зеленые купюры и передал румыну.

– Хорошо, что не германский марка – добавил контрактник, сложил деньги в конверт, убрал его в карман гимнастерки и снова засел за бумаги. Через полчаса все счета были выверены, и румын, аккуратно упаковав их в папку, отправился к начальнику за подписью и печатью. Он долго не возвращался, прошло минут двадцать, а затем тридцать. Иван нервничал, меряя шагами поляну.

Наконец, он явился и с важным видом приступил к подготовке транспорта. Он долго возился с машиной, не обращая внимания на Ивана Карловича, который с утра весь извелся, понимая, что теряет еще один световой день. Да и каким он будет день следующий? Ну, как зарядит дождь, тогда пиши – пропало, придется отсиживаться под елкой в этой Ворохте, да найдешь ли еще там ночлег?

Румын, будто читая его мысли, объяснил, что выбраться от моста к Ворохте по железной дороге – пустяковое дело, с едой и ночлегом там можно устроиться всегда, любая семья возьмет на постой за скромную плату. Напоследок проверил воду в ра-

диаторе, пнул передние колеса, заглянул под бампер и сказал, что готов ехать. Заднюю часть авто занимали какие-то фляги, потому Иван Карлович забросил туда свой вещевой мешок со всеми своими пожитками, а сам занял место рядом с водителем. Кашлянув пару раз, старенькая открытая «прага-гранд» завелась и, съехав с лесной дороги на грунтовку, потряслась по ней. Разговаривать было особо не о чем, и Иван больше смотрел по сторонам, не переставая удивляться. Лесной пейзаж постепенно сменился индустриальным, они проехали нефтяные разработки, текстильную фабрику, затем какой-то населенный пункт остался по правую сторону от дороги, затем железный мост через Тису. Вокруг все более прорисовывалась холмистая местность. А затем дорога стала ровнее, и Майк прибавил газу. Временами он гнал, выжимая из машины все возможное, и, если попадался камешек или ухаб, «прагу» резко подбрасывало. Иван хватался, что есть силы, за поручень, ругаясь по-русски и английски. Водитель что-то буркнул на своем языке, и по табличке, которую они миновали, Гибсон понял, что они выехали на Раховскую дорогу.

Алеша

Станислав. Комната матери и ребенка. Снова в путь. Готель.

Ночью пошел сильный дождь, и дедушка плотнее закрыл окно нашего купе, чтобы меня не продуло. Я все равно уже не спал, больше не хотелось. Еще час, полтора и мы приедем. Бабушка открыла ящик под нижней полкой, начала собирать вещи. Поезд на полустанках сбавлял ход.

– А как называется наша остановка? – спросил я шепотом, поскольку многие спали.

– Ивано-Франковск – отозвался шепотом дед с нижней полки, – Станислав – его старое название.

– Вот, ты всегда про старое... Сейчас же новое время, да?

– Да, Леша, время новое, но я застал старое. Вообще, это все относительно. Кстати, времени – без четверти час. Может, поспишь еще?

Я перевернулся на полке ногами к окну и оглядел вагон. Горел скудный дежурный свет. Почти все спали. Наши соседи, расположившиеся у окна напротив, сложили нижний столик, девушка с золотыми волосами устроилась внизу, а мужчина залез на верхнюю полку и, лежа на спине, громко храпел. Сквозь оставленные щели нашего окна внизу мелькали редкие придорожные огни.

Я натянул брюки, достал фуражку. В вагоне заметно похолодало, и многие пассажиры спали, укрывшись одеялами.

Через час появился проводник и объявил нам, что скоро Ивано-Франковск и стоянка там 15 минут.

Мокрый от дождя перрон отражал свет вокзального ресторана, было прохладно, края платформы уходили в абсолютную темноту, только вдалеке еще покачивался маленький красный фонарик последнего уходящего вагона. В тот момент я ощутил какую-то тревогу, что мы вот так одни, ночью сошли с поезда, покинули удобное купе, что впереди?

Войдя в зал ожидания, мы поняли, что мест для отдыха нет. Большая часть кресел пришла в негодность, пригодные же сиденья были заняты людьми, спящими в самых причудливых позах.

Были тут, видимо, и постоянные обитатели, как сказала бабушка: «сомнительной наружности», и проезжий народ и пр. Мне сильно хотелось спать, но приткнуться было некуда.

Мест для нас просто не осталось в этом маленьком зале, даже на полу гнездились на случайных подстилках цыгане, и стоять всю ночь тут не представлялось возможным. К тому же, в несвежем воздухе над всем этим безобразием витали тучи кусачей мошкар. Дедушка, не на шутку взволнованный, обошел весь вокзал, но тщетно, все было наглухо заперто, кроме комнаты «Матери и ребенка». Увы, среди нас не было ни матери, ни ребенка, мне было 8 лет! После 10 нажатий на кнопку звонка, удалось с большим трудом вызвать заспанную заведующую, та замахала руками, что не пустит нас ни в коем случае.

– Будь ласка! Мне же при любой проверке несдобровать, хлопец уже большой. Ночлег у нас только для матерей с грудными детьми. А вы на него документы мае?

Документов не было, кроме моего свидетельства о рождении. К тому же бабушка носила фамилию Агапова, а мы с дедом были Лебские. (Так уж заведено у актрис – оставлять свою девичью фамилию). Что за невезенье! Дело казалось совсем пропащим, но дед взял за локоть заведующую и что-то зашептал ей, мы же тем временем с бабушкой уселись на невысокий столик около зеркала. Они удалились на несколько минут в коридор, потом я расслышал, как он произнес:

– Ну, я, конечно, подожду в зале и Вас не подведу.

Дедушка, убирая во внутренний карман пиджака портмоне из коричневой кожи, покинул комнату матери и ребенка, заведующая заперла ее ключом изнутри, а мы, переволновавшись, остались вдвоем в большой комнате со стенами, выкрашенными салатовой краской. Было очень неудобно, окно не закрывалось шторами, а, главное, совершенно некуда прилечь. Бабушка, сидя на табурете, привалилась к стене и попыталась заснуть, я взгромоздился на столик для пеленания малышей, свернулся калачиком. Какой уж тут сон! В спину упирались жесткие поперечины столика, я долго не мог удобно улечься. В полном неудобстве мы провели остаток ночи. Я, конечно, весь извертелся, несколько раз чуть не свалился со своего насеста, каждый раз будя несчастную бабушку.

Наутро мы покинули неудобную комнату без сожаления, нас встретил в зале невыспавшийся, с проклюнувшейся седой щетиной дед. Он уже умылся, прогулялся вокруг вокзала, и выяснил все про дальнейший путь и стал докладывать бабушке обо всем. Выяснилось, что автобусом ехать будет удобней и ждать придется меньше, но, зная, как я переношу автотранспорт, бабушка решила еще подождать до поезда на Ворохту, который отправлялся после обеда.

– В поезде уж выспимся! Да, Алеша? Я не возражал, оставив ее сторожить вещи, мы с дедом обследовали все киоски на привокзальной площади, выпили по стакану газировки с малиновым сиропом и купили в дорогу моего любимого овсяного печенья, (оно показалось особенно вкусным с утра). Конечно, замечательно было ехать не автобусом, но до прихода электрички я

совершенно извелся от скуки... Дедушка развлекал меня как мог рассказами, но, добравшись до места в поезде, изъявил желание «здать Храповицкого».

Дорога оказалась интересной, и мне спать совсем не хотелось. Иногда электропоезд нырял в тоннель, шел среди поросших густым лесом холмов. Станции с такими необычными, иногда смешными названиями, каменные мосты над глубокими оврагами и расселинами, все было необычно красиво и величественно.

В Ворохту прибыли уже поздним вечером, здесь дедушка нашел гостиницу. В этом не было ничего трудного, очевидно, это была единственная гостиница в поселке. Заспанная служащая за стойкой потребовала наши документы и почему-то не стала придирается к нашим фамилиям. Она сразу выписала нам квитанции, бесстрастно смела рукой наши рубли и мелочь в ящик стола и сняла со щитка на стене ключ от девятого номера на первом этаже. Проходя по коридору, мы обратили внимание на то, какая гробовая тишина здесь стояла, будто мы были тут единственными постояльцами.

При входе в номер по левую руку я увидел рукомойник, кроме него тут находилось два стула и три кровати. Комната, несоразмерно длинная и узкая, оканчивалась окном, за которым в этот час на фоне полной темноты раскачивались ветки клена. Под потолком на проводе раскачивалась одинокая лампочка без абажура. Как выяснилось позднее, никаких удобств, кроме того самого умывальника тут не было предусмотрено, а туалет находился во дворе гостиницы, метрах в тридцати от нее. Я, конечно сразу же захотел туда, и дед, взяв китайский фонарик отправился со мной на разведку. Пробираться в него приходилось по дощечкам, служившим мостками, через канаву с водой...

Потом таким же образом они отправились в темноту с бабушкой. Она, конечно, была в ужасе от всех этих «удобств», но дедушка успокаивал ее, говорил, что все не так уж и плохо, и даже вспомнил, как они жили во времена коллективизации в Выксе. Мы разобрали вещи и стали располагаться на ночлег. Постельное белье оказалось чуть влажным, его серый застиранный вид был жалок.

Ночью опять накрапывал дождь, в номере было сыро и холодно, но все же мы заснули очень крепким сном, так как ужасно устали.

Григорий

На плацу. Владимирские грузди. Аэроплан. Что нужно солдату? Досуе.

Большой плац для занятий 7 роты в Кадиевке расчищали всей ротой. Мусора образовалась целая гора, несколько ясеней пришлось спилить и выкорчевать, чтобы площадка стала шире. С одной короткой стороны этого прямоугольника и частично длинной естественной оградой явился вал из глины, поросший колючим кустарником и сорняками, с другой соорудили плетень из подручных средств, замыкали все это пространство брошенная сторожка и прилегающий к ней обломок стены из красного кирпича, построенной видать, еще при царе Горохе. Солдаты трудились истово, не догадываясь о том, что и занятий-то тут не будет, грядет новый переезд. Никто не думал о переездах. Жили сегодняшним днем.

Григорий приметил на окраине в кустах несколько кусков старых ржавых железных труб, велел принести их, две укрепили вертикально в земле и одну привязали стальной проволокой поперек горизонтально, выше человеческого роста. Получилась перекладина, вполне пригодная для занятий. Агапов и сам трудился в охотку, а когда строительство было закончено, стал показывать, как надо подтягиваться и даже сделал ногами угол. Было желание у прапорщика и бревно установить для тренировки равновесия, да подходящего размера не нашли, оставили это на следующий раз. Площадка получилась ровная, то, что надо.

Затем жгли ветки, мусор, да перекуривали. Сладкий дым осенних листьев приятно щекотал нос. Солдаты болтали о своем, мечтали о печеной картошке, Федоров рассказывал о походах за груздями во Владимирские леса.

– Черный груздь я больше всего люблю, а по осени в нашем крае их премного будет. Ставлю бочку под домом, чтоб водой

дождевой наполнялась. Сам иду в лес, самые мелкие, еще не развернувшиеся беру, палкой лист разгребаю, а под ним их – хоть косой коси. Мамка, нянька, тоже мешками тащат, да в бочку. Дня за два полна набирается. А лишняя вода стекает сверху в дождь и так дней 20-40, пока шляпки у них черный цвет скинут и покраснеют. Тут их бабы солью пересыплуть с чесноком и листом смородины, да под круг дубовый и голыш над ним вот-такой – он показал своими огромными ладонями размеры камня. Солдаты закивали – эх, стаканчик бы под соленый грибок пропустить, было б дело...

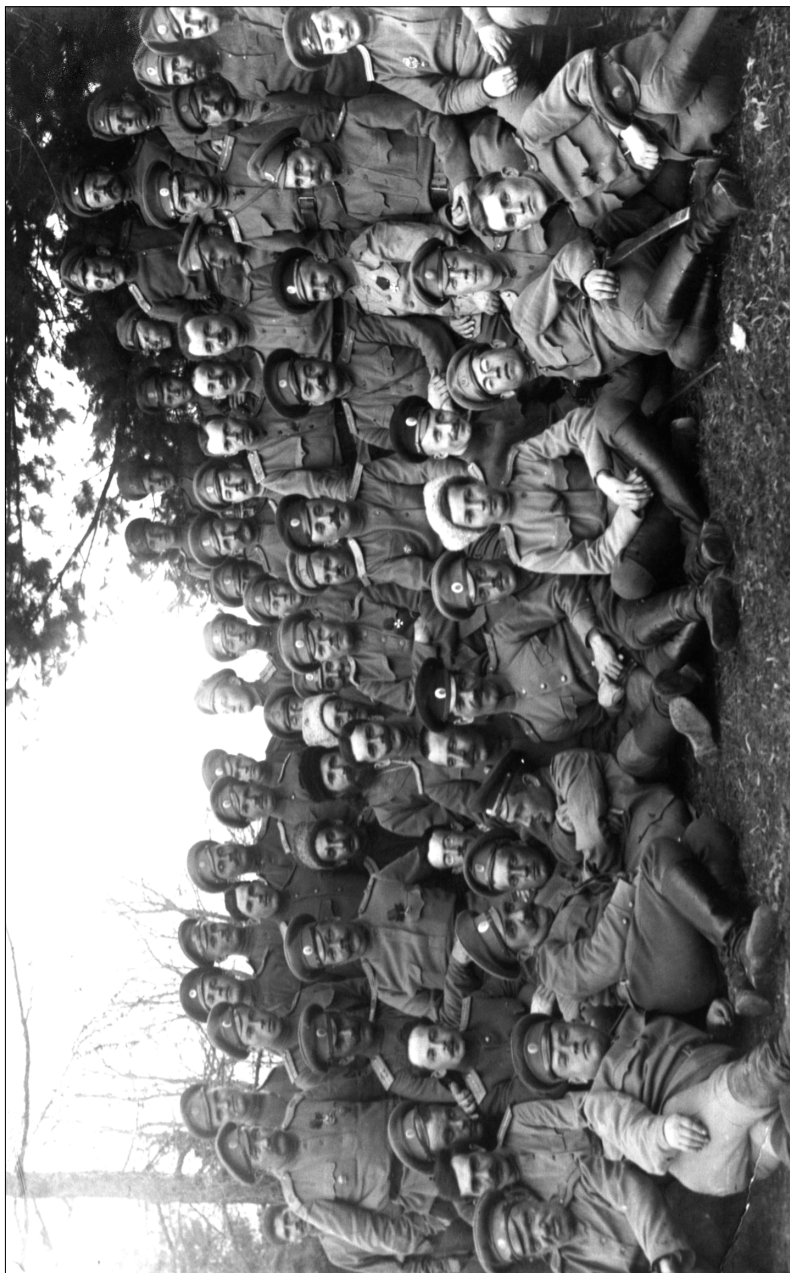
Надо же, – подумал Григорий – а Федоров, оказывается, земляк, и трудился сегодня больше остальных...

Выбравшись из плаца на небольшой холм, Агапов окинул взглядом окраину села. Погода стояла сухая, и Григорий всей своей крестьянской натурой радовался этому. Как много можно успеть сделать всего, пока не начались дожди. Дома, наверное, копают картошку, запасают корм скоту на зиму. Боже, как руки соскучились по простой деревенской работе!

Нити паутинок поблескивали кое-где, повиснув на начавших желтеть березах, солнечные блики играли в пруду, все было наполнено добрым патриархальным спокойствием и неторопливостью. Что за чудо, ничто не предвещает дождя, столь привычного в этих местах. Перистые облака плыли высоко-высоко, небосвод наполнялся золотым светом, и даже казалось, цвет убранного поля отражался в небе. Где-то, совсем высоко, беззаботно пролетели два жаворонка, и Григорий долго смотрел на их витиеватый полет, любуясь. Жаворонки скользнули вниз и скрылись за верхушками тополей. Далеко на горизонте, в юго-западном направлении проглядывались размытые в мареве очертания гор или, пожалуй, холмов. День разгорался, становилось жарко.

Маленькая точка возникла из-за облака и, приближаясь, приняла очертания летательного аппарата.

– Ба, аэроплан, бойцы! – кругленький Юдин тоже заметил его и карабкался на холм, доставая самодельную подзорную трубу.

Группа однополчан.

– Ой, что-то не вижу опознавательных знаков. Супротив солнца ничего не разглядеть.

Аэроплан шел на большой высоте и знаков никто не видел, но ровное монотонное гудение его двигателя сразу же вызвало беспокойство командира, который немедленно скомандовал рассредоточиться и находиться в роще, покинув площадку.

Агапов и Юдин спустились к подпоручику.

– Это не француз, ребята, австрияк, разведчик. Они, гады, до Проскурова и дальше летают, ничего не боятся.

– А вот мы его сейчас, – Александров передернул трехлинейку.

– О-отставить, Александров! – подпоручик одернул его, - сидеть тихо! Не было команды атаковать. Все равно промажете. Тем более, мы не знаем что у него на уме. Еще раз высунетесь с ружьем, получите взыскание, – добавил он уже негромко, так, чтобы только прапорщики слышали. Подпоручик, молодой рыхлый, полноватый парень, только начинал свыкаться с должностью, и, проявляя власть, краснел, как девушка.

Мирное, доброе утро было испорчено этой нежданной напряженностью. Казалось, война, смерть напомнили о себе, хоть и издалека.

Немцы, австрийцы активно вели разведку на просторах от Бессарабии до Прибалтики. Их аэропланы, оборудованные фотокамерами, по всей длине фронта добывали сведения о готовящихся перебросках частей, о составе и приблизительной численности технических батальонов русских и союзнических. Оперативность разведки помогала врагу, используя железные дороги, тянущиеся вдоль фронта, передислоцировать свои части и соединения для прорыва фронта русских. Присутствие моторизованных бригад дивизиона англичан притягивало воздушных разведчиков как огонь мотыльков, частенько союзники, заметив вражеские аэропланы, открывали по ним огонь из зенитных пушек и пулеметов, но почти всегда им удавалось, сделав большой круг, выйти из обстрела и ретироваться. Только однажды у Каменца атака истребителей нанесла тяжелый урон неприятельским птицам, наши аэропланы понаделали в них ды-

рок. Две машины тогда сразу были сбиты и, чадя, погрузились в воды Смотрича, остальные, сильно потрепанные, развернулись на Запад и еле ушли, получив тяжелые повреждения. Об этом Григорий прочел во фронтовой газете, которую Юдин нашел в Драгунских казармах, и из этого сложилось впечатление, что авиация врага многочисленна и хорошо вооружена. Тот визит вражеских аэропланов, возможно, был связан с прибытием в ставку царя, а, может быть, и не только.

В ту пору у наших героев и винтовок не было в достатке. Григорий и его товарищи из рассказов подпоручика и бывалых воинов слышали, что наспех обученные в учебных и запасных батальонах бойцы, побывав в бою, иногда возвращались без оружия, в страхе бросив его. Какой-то ответственности за столь халатные действия предусмотрено не было – солдат не хватало, поэтому провинившихся почти всегда снова ставили в строй, ограничиваясь внушением. В тяжелые периоды австро-германских наступлений русская армия теряла до 150–200 тысяч человек в месяц. Многие попадали в плен, но кто-то, более смелый, расторопный и удачливый, наоборот, раздобывал себе трофейное ружье. Так появлялись в ротах пехотинцев наряду с трехлинейками – манлихеры да девяносто восьмые маузеры. Много их было захвачено в предшествующей Карпатской операции, оттуда же пришли и пулеметы шварцлозе с запасами патронов. Для снабжения патронами трофейных пулеметов и винтовок в России поставили производство австрийских патронов, но сделать это в достаточной мере не удалось, поэтому занялись переделкой трофейного оружия под русский патрон. Прожорливый фронт требовал много больше ружей, а возможности русского производства были ограничены. ИТОЗ, работая в три смены, не справлялся с заказом государя; союзники поставляли винтовок и пулеметов крайне мало. В результате запасные батальоны, вроде того, где находился Агапов, плохо снабжались стрелковым оружием, а пулеметов в них не поставлялось вовсе.

Когда нарушитель сделал разворот и скрылся за облаками, седьмая была построена. Подпоручик поднял бойцов, и они, сложив лопаты и прочий инструмент около сторожки, продол-

жили занятия строевой. Прапорщики, будучи на войне волею нелепого случая, не видели в муштре особого смысла. Тем более, ружья со штыками отсутствовали (может, бутафорские деревянные им выстрогать?! Григорий вспомнил нижегородский театральный кружок). Кто-то погнался свой взвод более ретиво, кто-то нет, в целом, настроение у всех было абсолютно наплевательское, и они просто отбывали на плацу время. Если старших офицеров рядом не было, почти всегда раздавались командные окрики унтеров. Младшие просто не могли не скинуть на них эту неблагодарную работу. Да они, подчас, добросовестнее делали ее. Подпоручик, видя авторитет бывалых воинов, смотрел на многое сквозь пальцы, и сам при первом же удобном случае норовил не присутствовать на занятиях и улизнуть в Ярмолинцы. Григорий полагал, что тот завел себе девчонку в городке и пропадает у нее, но Юдин не соглашался с этой версией, слишком уж робок и застенчив был их командир.

Время было строить солдат-запасников, да двинуть на обед. До места расположения кухни было рукой подать.

В дни отдыха и накануне, после «тяжких занятий» вечерами офицеры собирались в так называемом «клубе 7 роты». Собрания в традиционном смысле не состоялись – выглядело все по-походному. Просторная хата, одна из обычных офицерских квартир. Конечно, карты, вино, дым коромыслом. Особого разнообразия не было. Григорий обычно не пьянствовал, кроме того, и не был азартным игроком, больше читал газету или журнал, скучая и поглаживая усы. А вина выпивалось в клубе немало, несмотря на запреты. Душой компании был сосед по дому – тот самый прапорщик Александров, настоящий кутила-гусар. Высокий, красивый русоволосый парень с черными глазами разбил, вероятно, не одно девичье сердце. Если затевались попойки и вечера с песнями, без него не обходилось. Тут он чувствовал себя, как рыба в воде. В обыденной обстановке этот герой был скучен и немногословен.

Мастера винта с азартом играли на интерес, ставили на кон все подряд. Агапов посмеивался, что некоторые родную мать бы проиграли, и был недалек от истины. В самые первые дни пре-

бывания в Кадиевке Александров выиграл у командированного подпоручика Николаева диковинный фотографический аппарат, делавший двумя объективами с разных точек стереоскопические снимки, которые в дальнейшем предназначались для просмотра сквозь специальный аппарат, напоминавший бинокль. Конструкция камеры состояла из массивного медного корпуса с двумя объективами. В магазин можно было зарядить несколько стеклянных пластин, которые менялись после выполнения экспозиции специальным рычажком. Правда, особого качества в тех мелких снимках достичь не получалось, т.к. регулировка резкости выполнялась регулятором по условным числам, которые обозначали непонятные меры длины. Зато, целая коробка пластинок досталась с этим аппаратом! Подпоручик божился, что камера трофейная германская, а линзы, якобы, настоящий Карл Цейс. Выбитое на корпусе клеймо фирмы было нечетким и о том, кто ее произвел, можно было только гадать. *(Вероятней всего это была французская камера Verascope образца 1895–1897 г.г. – прим. А.Л.)*

Фотография входила в моду. Царь Николай, как говорили в войсках, был тоже страстным фотолюбителем. Его камера следовала за ним во всех поездках по фронтам и тылам, и всегда была наготове на случай запечатления важных моментов и прочего. Визиты в ставку, встречи с союзными военачальниками, военная техника, войска на марше – государь и его адъютанты фиксировали с лучшим по тем временам качеством на пластинки, для того, чтобы им потом суждено было войти в историю...

Агапов и Юдин быстро освоили камеру и занялись фотоделом с необыкновенным рвением и воодушевлением.

В кадр попадало все: друзья по службе, денщики, квартира, хозяин дома Николай Балак, его двор со скотиной. Некоторые снимки удалось отослать домой, а когда с проявкой и печатью возникали трудности, экспонированные пластинки аккуратно заворачивали в темноте в черную бумагу и ждали благоприятного случая для их обработки. А вот Александров как-то не особенно проникся этим сложным искусством и по-прежнему больше проводил времени за картами.

Два прапорщика.

Перед домом.

Прапорщик Юдин.

Но все они, конечно, бывая в городе по каким-либо вопросам, с удовольствием делали фото на память у профессиональных фотографов.

Иван

Ворохта. Ночлег.

Они остановились, чтобы набрать воды.

– Тут был бой, *uite*, Иван, снаешь, ты, сколько сгинуло людей? Вот! – и он указал промасленным пальцем, на тропу, поднимающуюся по склону. Майк присел на траву у обочины, закурил – тут прошла румынская армия!

Вдоль тропы, вокруг неё и даже на тропе – совсем недавние следы войны. Патроны, остатки амуниции, котелки, фляги, чашки и бутылки разных видов – чего только тут нет! Майк наклонился и поднял позеленевшую пуговицу.

Здесь был узел обороны австрийцев, а позднее, может, здесь стояли русские или Пилсудский, черт его знает. Иван Карлович подумал про себя, что если бы румынское войско и вовсе не участвовало в той войне, было совсем не хуже. Помощи от них России большой не было, а урон румыны потерпели огромный, почти все были перебиты. Но вслух он ничего не сказал, только покачал головой, выражая понимание.

Они поднялись на тропу, прошли вперед метров двести и осмотрелись. Справа внизу показались следы землянок. Влево – несколько рядов заросших осотом окопов и рыжая от ржавчины колючая проволока.

– Ищем тут воду. Надо налить, Иван. Мне назад ехать! Uite, Ivan (*смотри, Иван- рум.*) – продолжал с трудом изъясняться румын.

По той же тропе примерно в двух сотнях ярдов от стоянки нашли воду. Она текла в небольшом овраге с правой стороны от тропы. Весь склон оврага светился голубыми огоньками незабудок, Иван полюбовался на них, зачерпнул ковшом из ручья и не мог напиться. Он наполнил свою походную флягу, румын набрал ведро воды для автомобиля, и напился сам – *buna miniere de ara!* (*хорошая горная вода! рум.*).

Они проехали по извилистой дороге еще пару миль до самого подножия каменного железнодорожного моста, а затем водитель развернул «прагу» в обратную сторону. Тут они вышли из машины и огляделись.

– Uite, пойдешь тут, выше... там насыпь, рельса, ясно? Иван кивнул.

Румын глянул на часы.

– В полчаса твой поезд – румын развел руками. Адью!

Они пожали друг другу руки, Майк запрыгнул в машину и завел мотор. Выпустив облачко сизого дыма, «прага» скрылась за поворотом.

Иван Карлович сошел с дороги и полез вверх по тропинке, поднимающейся к концу моста. Вечерний запах трав и полевых цветов ударил в нос. Откос оказался крутым, но путешественник, боясь пропустить поезд, поспешил, и скоро был наверху. Отдышавшись, он перелез через насыпь и рельсы. Постелив на траву плащ, Иван присел передохнуть после подъема. Насекомые сразу же, почуяв добычу, облаком окружили его. Сломав веточку ясеня, он интенсивно отмахивался ей от назойливых комаров и мошек, которые вились над ним. Теперь солнце закатилось за горы совсем, быстро темнело и становилось жутковато. Гибсон забеспокоился, он много слышал о рысях и медведях, населяющих Карпаты. Становилось холодно, минут сорок еще он сидел на обочине узкоколейки, а потом стал ходить вдоль склона, разминая затекшие члены. Поезда не было. Прошел час, другой, и он уже готов был пуститься в пеший путь по шпалам, когда сквозь стрекот цикад и вой комаров послышалось отдаленное постукивание колес на стыках рельсов. Через 5-6 минут из-за поворота на мост, попыхивая, выехала одинокая мотодрезина, которая приближаясь к мосту, замедлила ход. Фары ее были включены, и машинист, заметив у ограждения путника с поднятой рукой, притормозил, и с удивлением выглянул из рубки.

– Ты кто? – закричал он сквозь шум двигателя на долгожданном русском языке

На секунду Гибсон растерялся: – Русин я, Иваном зовут!

– А что тут ночью делаешь?

– В Ворохту иду, в Ворохту мне надо...

– Ну, тут до Ворохты один шаг! – голос машиниста с трудом пробивался сквозь тархтение двигателя

Он сделал знак путнику рукой, и Иван без промедлений сначала закинул в дрезину свой рюкзак, затем сам вскочил на подножку.

Дрезина дала полный газ. В кабине было тепло, пахло махоркой и машинным маслом, маленькая тусклая лампочка освещала тесное помещение. Иван, привыкший за последние месяцы понимать любую речь, отметил про себя, что русская

или малоросская ему гораздо милей ломаного немецкого, на котором приходилось изъясняться почти со всеми во время этой поездки по Европе. Все русское, доброе было здесь так близко и так неуловимо!

– Роман, – указав на себя, представился машинист. Потом добавил: я, вообще-то тоже почти русский, так вот, – с некоторой гордостью добавил он.

Они говорили, несмотря на то, что работа двигателя и стук колес заглушали их. Роман, конечно, был поражен таким необычным появлением. Поняв, зачем приехал Иван, он был очень тронут самоотверженности путника, его любовью к близким и настойчивостью.

– Ну, ты, это, того, из самой Британии? Це ж бісова даль! В уме у него не укладывалось, как можно было проделать такой путь, через всю Европу?

– Понимаешь, Роман, для меня важно сохранить могилу Григория. Наверное, это нужно и для потомков, чтобы знали, кем он был.

Машинист замолчал и снизил скорость. Дрезина теперь катилась по инерции.

Длинная черная спина горы кончилась, за ней узкоколейный путь делал поворот, и перед ними неожиданно открылась долина.

Огоньки хат как звездочки, упавшие на ее дно, то тут, то там были разбросаны в тумане, это Ворохта! Машинист остановил дрезину, и, переведя стрелку, загнал ее в тупик. Они спрыгнули с подножки в густую траву, затем Роман вывел их на тропу. Действительно, от того места, где так долго ждал поезда Гибсон ехать было минут 10–12, не больше, можно было и пешком дойти.

В фонарике машиниста батарея быстро разрядилась, теперь они шли в сумерках, едва разбирая повороты тропы. Постепенно глаза привыкли к темноте, появились очертания крон деревьев, чернеющая трава. Скоро в тумане показались едва заметные тени забора и дома, слабо светящееся окно: еще несколько шагов и они были на месте. Почувствовав хозяина,

собака еще издали радостно залаяла, а когда они вошли в калитку, завертелась у его ног и завилыла большим лохматым хвостом.

– Сегодня переночуешь у меня, – куда же ты пойдешь ночью. Место для тебя найдется. Если понравится – оставайся хоть на неделю. Жинка у меня добрая, ругаться не будет.

– Я готов заплатить, сколько возьмешь за постой? Благодарность переполняла путешественника.

Само провидение послало ему такого замечательного железнодорожника!

Роман пожал плечами, – живи так, ты нас не стеснишь. Конечно, если понравится. В поселке есть и постоянный двор, правда в другом конце. Паспорт-то у тебя в порядке?

Иван полез в карман за документами.

– Конечно, в порядке!

– Не, мне можешь не показывать, и так верю. Но если встретишь полицию, могут и проверить.

Пригнув голову, чтобы не задеть низкую притолоку, Иван прошел в хату и снял сапоги.

В доме вкусно пахло кукурузными лепешками. На столе уже ожидали вареная картошка, сало, козье молоко. Перед ним стояла крестьянского вида женщина лет тридцати пяти. Она не была красива, но от нее веяло таким домашним спокойствием, что напряженность Ивана мигом отпустила. Неловкость ночного визита прошла сама-собой.

– Оксана, – это Иван. Он приехал по делу и поживет у нас дня три, четыре.

– Звичайно, коханий, – она приветливо улыбнулась.

Оксана, несмотря на поздний час, спустилась в погреб за огурчиками, пластовой капустой. Потом она принесла для гостя постельные принадлежности, и не вдаваясь в расспросы, сразу отправилась ко сну на другую часть хаты. Видно, она привыкла к сменной работе мужа и ждала его с ужином.

Иван только услышал, как задернулась занавеска на проволоке, отделявшая кровать. Детей в этом доме не было видно, и Иван не стал задавать хозяину лишние вопросы.

Будто угадывая мысли гостя, Роман сказал:

– Мы тут с жинкой одни... Отец мой в прошлом году преставился, а детей у нас, наверное, больше не будет. Оксана три года назад мертвого мальчонку родила. Он нахмурился.

– Да ты ешь, давай, тут у нас все свое.

Путник за последние три дня впервые ел в домашних условиях. Все было просто замечательное, и горячие лепешки и картофель с маслом. А такой вкусной квашеной капусты в Лондоне днем с огнем не найдешь! Они закусывали и вполголоса говорили о войне, об истории, о России и Речи Посполитой, Германии и Англии. Машинист обещал помочь в поисках. Из его слов Иван Карлович понял, что поселок разбросан вдоль реки, есть кладбище, а значит, есть надежда найти Гришину могилу. Может, есть здесь и очевидцы боев.

Отправив последнюю картофелину в рот, Роман отодвинул глиняную тарелку.

– Иван, а знаешь, откуда возникло название – Ворохта?

– Нет, откуда ж мне знать.

– Когда-то давно, скорее, в наполеоновскую войну один царский дезертир, которого звали Ворохта, поселился тут. Сначала вырыл землянку, затем поставил куренную хату, завел скот. Взял с хутора добрую дивчину, которая родила ему двоих сыновей и дочь. Нанял работников, те тоже построили себе хаты, вот и возник поселок.

– Да, складная история. Выходит все вы его потомки?

– Много эти места хранят разных историй. Это только начало... Тут теперь и поляки и мадьяры живут, русских немного. Да и поселок-то невелик. Мы сюда с отцом не так давно приехали, он тоже на железной дороге служил, и меня к этому делу приучил. Иван, а как в Лондоне? Есть ли работа?

– Всякое бывало. Как у вас говорят – «дуже погано». И голодно было и голодно... Я ведь после того как покинул Россию, много где побывал. Поначалу очень трудно было, однако, выбрались. Это – невеселая история. А работа? Что ж, работа, она дурака любит. А всяким там жуликам, казнокрадам и ростовщикам – везде хорошо. Правительство у того дурака все готово

отобрать, и он за всех платит. Простой человек всем должен. Дошло до того, что женам запрет на работу наложили, ну да что я, в самом деле жалуюсь... После войны везде непросто.

– Это точно. Слышь, мил человек, давай спать, а? – Роман зевнул и убрал посуду.

Поблагодарив за гостеприимство и доброе угощение, Иван Карлович устроился на широкой лавке около окна. Стрелка жестяных ходиков перевалила за два часа ночи, лишь одна, две мысли успели промелькнуть в голове усталого путника, и он заснул сном ребенка.

Разбужен он был ранними хлопотами. Хозяйка во дворе задавала корм домашней скотине, гуси, гогоча, окружили ее со всех сторон, требуя добавки. Выйдя на свежий воздух, Иван осмотрел избу снаружи, ночью он не смог этого сделать. Обыкновенного достатка мазанка, четырехскатная крыша – стриха из соломенных снопов. Присев на призьбу (завалинку) из желтой глины, он с удовольствием наблюдал за происходящим во дворе. Удивительное ощущение близости Родины со вчерашнего вечера наполняло его непривычной радостью. Он прошел к колодцу и умылся холодной водой. Все эти деревенские неудобства пробуждали в нем какие-то смутные воспоминания детства...

Вернувшийся с охапкой сена хозяин, заявил прямо от калитки:

– Одевайся, пойдём на кладбище. Вчера ты спрашивал меня, есть ли тут каменотесы.

Каменотесов нет. Некому тут камни обрабатывать. Кузнец тут есть один, тоже из русских, мастер на все руки, думаю, сговоришься ты с ним.

Он отнес сено на двор, потом принес свежего молока, они выпили, Иван Карлович вытер платком белые усы, оставшиеся от кринки.

– Изумительно, good! – вырвалось у него. – Русский кузнец, говоришь? Откуда взялся? – Да оттуда и взялся. С войны. Поселок во время войны то к русским переходил, то к австрийцам, узкоколейка им принадлежала. Охраняли они ее от русских, для

них это была главная магистраль: поезда ходили с юга на север и обратно, подвозили солдат, да оружие. Русские взрывали, рельсы много раз, да только австрияки все восстанавливали.

Паровозик ходил у них узкоколейный, да дрезина вроде моей. Платформ пять или шесть таскал! Когда австрийцев отсюда погнали – они эту дорогу сильно покарёжили, русским не хотели оставлять. Да, так вот тот кузнец в самое пекло тут воевал, в 1915 или в 1916 году, был сильно контужен, ранен, но выжил. Ганка с хутора подобрала его в лесу, выходила. Смекнула, видно – богатырь, должен в хозяйстве сгодиться. Солдат и вправду выжил, глуховат только, а руки – золотые. Все в них спорится. Сначала при железной дороге исправно трудился, оттуда я его и знаю, только потом свое хозяйство переселило. И уговаривала управа его остаться, да только все без толку.

– Сметливы ваши женщины, право, – Иван Карлович заулыбался. К делу, говоришь, прибился? Случаем, он не Охотского полку был твой кузнец?

– То ты у него сам спросишь, когда увидишь. Слухай, пошли, пока дождя нет. Дожди тут знаешь, какие бывают? Маленький такой моросит, прямо туман, но за полчаса твоя телогреечка так водой пропитается, что ты двинуться не сможешь и в грязи утонешь по колено. Но Ивана Карловича не нужно было уговаривать...

Алеша

Поселок Ворохта. Чайная. План

Утро следующего дня было прекрасным. Приподняв голову над металлической спинкой кровати, и оттянув кремовую с разводами ржавчины шторку, я глянул в окно. Оно выходило во двор гостиницы, который плетнем был отделен от огорода. За участком стоял белый домик, с маленьким окном, совсем такой, какие описаны в украинских сказках. Только крыша его была не соломенной, а железной. Солнце уже поднималось из-за горы (или, скорее, пологого холма поросшего зеленью) и, попадая в лужу, зайчиком играло на стене за дедушкиной кроватью. Мне

уже совсем расхотелось спать, достав со стула не совсем просохшие брюки и носки, я оделся и, устроившись на стуле около окна, продолжал оглядывать окрестности. Чтобы было лучше видно, я забрался с ногами на стол и придвинулся к подоконнику. Слева, частично закрытый деревьями, вырисовывался зеленый склон большой горы, а под ним – центральная улица города. На одном из домов я прочел на покосившейся металлической табличке: «вул. Ленина». Правее белого домика с крашеной железной крышей простирались бескрайние огороды с капустой, желтыми тыквами и золотыми зонтиками укропа. В одном из хозяйств возвышался колодец – журавль, и женщина, притягивая к себе за веревку рычаг, доставала из него ведро с водой. Панораму вида из окна замыкал тот самый туалет и шаткие временные мостки, ведущие к нему через канаву. Я попытался представить себе эти места во время войны, как по этой улице проезжали запряженные лошадьми обозы с оружием и продовольствием, шли солдаты с винтовками и скатками. Наверное, эти лужи существовали еще тогда, и эта ветхая гостиница и эти беленые домики из глины и соломы.

Увлечшись, я не заметил, что дедушка проснулся и потягивается. Он встал с постели, и, присоединившись ко мне, любовался видом из окна. Да, это был тот же, и в то же время совершенно другой мир, так далеко от нашего Горького.

Мы умылись, оделись и отправились на поиски завтрака. Выходя из гостиницы мы увидели вывеску, на которую ночью в темноте не обратили внимание: «Готель».

– Да, уж – проворчал дед. – Все как на западе.

– Ну, ведь мы и в самом деле на западе? – Пожалуй, Ленька. Только я Гоголя сразу вспомнил... На другой стороне единственной в местечке улицы стояла небольшая столовая или закусочная с заметной издалека вывеской – «Чайная». Вывеска была нарисована тушью на листе ватмана и вставлена для надежности в деревянную рамку под стекло. Строение представляло собой двухэтажный домик, весьма покосившийся от времени. Доски обшивки никогда не знали краски и сильно почернели от частых дождей. Заведение это можно было бы назвать и пивной и рюмочной. И как угодно, только не чайной.

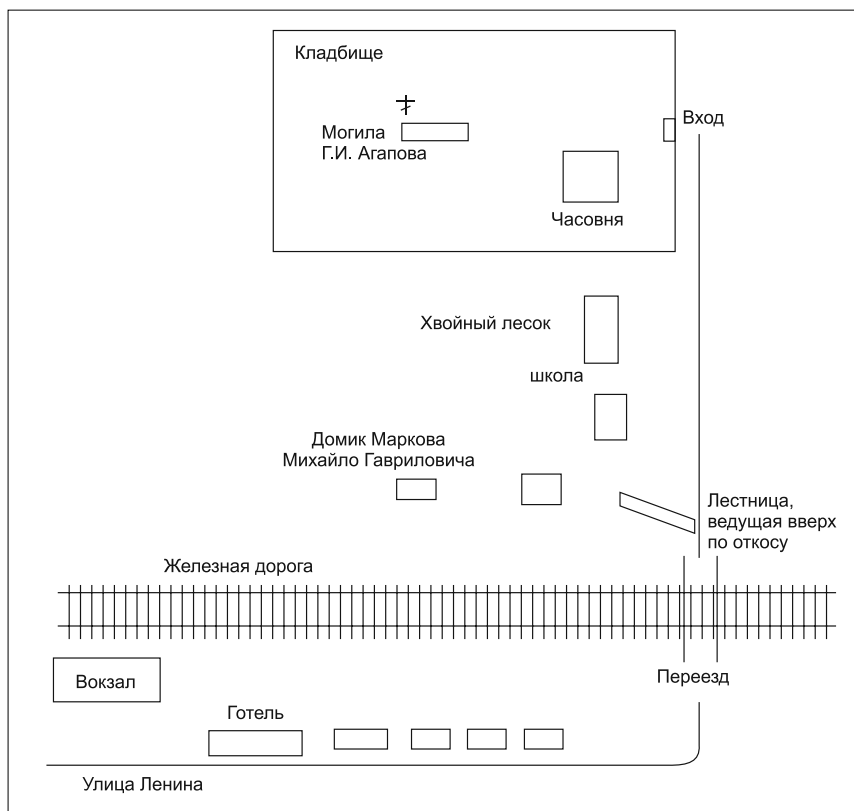
Чай тут подавали не всегда, но в буфете можно было взять бутерброды с сыром, купить яиц, сваренных вкрутую и даже заказать что-то горячее. Пахло кислой капустой, пивом. Я скупал, сидя за столом, пока дедушка с бабушкой пытались раздобыть что-то из еды у рыжеволосого человека с переброшенным через плечо полотенцем за стойкой. Бабушка спрашивала манной или гречневой каши для меня, но рыжеволосый то и дело вертел головой и предлагал что-то другое, наверное, совсем несъедобное. Я перевел взгляд налево и увлекся необыкновенным зрелищем: огромный дядька, взяв за стойкой две громадные кружки пенного пива, готовился их выпить. Он не просто собирался поглотить их, а открыв стеклянную баночку сметаны, в один момент вывалил ее содержимое в кружки с пивом и, всыпав щепоть соли из грязной солонки, размешал вилкой. Затем великан запрокинул голову назад, и махом опустошил сначала одну кружку, потом таким же образом другую. Меня этот метод употребления пива очень даже удивил, ничего подобного я ранее не видал.

Каши в чайной в тот день не было. Вместо каши дедушка с бабушкой раздобыли на завтрак три порции рыжей тушеной капусты с сардельками, и мы принялись за еду.

После завтрака мы вернулись к гостинице. Наверное, мы очень бросались в глаза своим видом – местные жители злорадно поглядывали на светлые китайские чесучевые брюки деда и нашу с бабушкой неприспособленную для передвижения по грязи обувь – легкие сандалии. Неторопливо преодолев пространство из скользкой глины и луж, мы устроились на одной из лавочек возле «готеля». Необходимо было обсудить наши дальнейшие планы. Дождливая погода Прикарпатья внесла перемены в порядок наших действий. Хотелось приступить к поискам немедленно, тем более мы имели план, поселок по своим размерам был очень невелик, и обойти все окрестности на первый взгляд казалось делом крайне простым. С другой стороны – прилегающая железная дорога, окружающие холмы и горы неожиданно запутывали наши поиски. В некоторых местах местность была перерезана ручьями, несущими свои бурные

воды в Прут. Конечно, трудностей особых не было, но было решено запастись резиновыми сапогами, зонтами и прочей защитой от сырости и возможной встречи со змеями.

Дедушка достал из кожаного портмоне сложенный лист бумаги с какими-то условными обозначениями. Это был тот самый план, нарисованный вручную. Такие планы встречались порой в книгах об искателях кладов, и мне сразу вспомнился «Золотой жук» Эдгара По.

План.

Здесь, в боях за Ворохту в первую мировую войну погиб Григорий Иванович Агапов, отец моей бабушки. Территория,

на которой располагалась Ворохта, вплоть до 1939 года была польской. Оказывается, в 20-е годы тут командовал Пилсудский, были тут недобитые петлюровцы и другие враги молодой Советской власти. Конечно, приехать в эти места из СССР было невозможно.

Однако, бабушкин дядя, Иван Карлович Гибсон, проживавший в ту пору в Лондоне, сумел раздобыть документы о раненых и погибших. Они были присланы после войны организацией «Красный Крест» в Швейцарии. Его поиски начались с бесконечных запросов, писем, звонков. Позднее, когда появились уточненные сведения, ему пришлось совершить длительное путешествие через пролив Ламанш, Францию, Швейцарию на поезде, а далее, на перекладных добираться через Карпатский перевал до Ворохты. Каким образом Иван Карлович нашел могилу и установил памятник в виде креста с табличкой, — осталось неизвестным, но в одном из своих писем он довольно точно описал ее расположение.

Уже после Великой Отечественной войны дедушкин учитель и друг Георгий Яворовский лечился в Ворохте в санатории. Уезжая на лечение, Георгий Аполинарьевич заходил к нам и взял то письмо с описанием. Ему очень хотелось помочь бабушке в поисках могилы ее отца. По описанию он и нашел кладбище, сторожа и могилу Григория Агапова, скромно украшенную бетонным крестом с табличкой. Георгий Аполинарьевич зарисовал план Ворохты и кладбища, стараясь соблюдать масштаб. Конечно, прошло несколько лет, произошли какие-то изменения, но мы очень надеялись найти эту могилу.

Я с большим интересом выслушал от бабушки всю эту историю, и мое сердце забилося: нас ждали интересные поиски, походы в горы. Потом она мне рассказала, как в самом начале войны в России не хватало офицеров для фронта и их начали обучать по срочной программе из простых штатских с высшим и средним образованием. Так Григорий Иванович Агапов стал прапорщиком и отправился на фронт. Потом, ближе к концу рассказа бабушка стала грустная-грустная, и дед перевел разговор на другую тему.

Часть II

Григорий

Переселение. Хата. Распутица. Думы о доме.

24 сентября.

«У меня нет никаких тяжелых предчувствий, за себя лично в смысле опасности, я совершенно спокоен; конечно, когда станешь к ней в непосредственной близости, наверно, ёкнет сердце. Теперь же я больше о вас думаю».

8 октября.

«В последнее время у меня испортилось настроение. Хотя оно и раньше не было веселым, все же в последнее время чувствую себя особенно тоскливо. Как я далек от вас, как бессилён утешить...»

31 октября

«В прошлое воскресенье ездил в Каменец. Осмотрел город, что я всегда очень люблю делать. Как город, не важен, но очень много красивого – глубокое скалистое ложе речонки и остатки разрушающейся старины.»

Переход батальона в соседнее село произошел неожиданно. Последовала команда из штаба, быстро собрали вещи, двинулись с обеда в путь, вечером того же дня расквартировались. Слободка была еще меньше Кадиевки и грязнее. Эти переброски запасных батальонов были неизбежны и не способствовали развитию учебной деятельности. Неопределенность всех угнетала, солдаты, совершенно подавленные, не могли выполнить простых упражнений, да и нечем было поднять их дух. Чаще офицерский состав получал депеши о дезертирстве из расквартированных по соседству войск. Уходили целыми ротами, занимались разбоем, прятались в лесах Малороссии, рассыпались и по одному уходили с фронта. Карательные отряды, предназначенные для таких случаев, лишь иногда ловили кого-то для острастки, люди все равно покидали свои части.

Плотникова М.К. 1915 г.

Григорий получал письма из дома. Иногда какие-то задерживались, из-за этого хронологии событий не получалось. Мэри подбадривала, не жаловалась на тяготы жизни и на то, что повысились цены на все. Впереди зима, как она там, с дровами?

Замечательная, сильная духом женщина, его Мария Карловна, Мэри, урожденная Гибсон, была наполовину английской крови. Отец ее – британский инженер, специалист по кораблестроению, работал по приглашению царского правительства сначала в Севастополе, потом в Нижнем Новгороде.

Там и свела их вместе с Гришей жизнь и судьба.

Бедная Эричка, ей, наверное, тяжело сейчас. Много Агапов думал и о работе, крепко связавшей их, без которой они не представляли свою жизнь. Надо же, а теперь он лишен её и всех тех важных, главных дел, что так нужно было доделать...

Война внесла свои коррективы: кто-то, несомненно, наживется на военных поставках, повышение цен ему нипочем – были яйца по 30 копеек десятков – стали по 60, на керосин прибавят, да на соль и все остальное...

«Сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войной» – вспомнились ему слова всеподданнейшего думского адреса. Чего стоили высокие слова без дров и хлеба?

Товарищи по работе из Семеновского уезда писали о новых призывах на фронт, о перестановках в правлении, о строительстве водонапорной башни, железной дороги и т.д. Так хотелось, так нужно было бы быть сейчас с ними!

Где-то там, в Нижнем, шли заседания, принимались решения, а он был вдалеке, место его – война, дело его – винтовка, все отложено до лучших дней. Боже, если бы удалось съездить в отпуск! Ох, столько бы он успел сделать! Как рассчитывать на это? Он уже пытался расспросить командира насчет этого, тот выслушал и только рассмеялся в лицо, мол, еще и не служил совсем, а в отпуск хочешь. То есть, раньше следующего лета и не мечтай. Он ловил себя на том, что обязательно в отпуске придет в земство, обо всем переговорит с друзьями. Надо найти время на это, ведь так много понято и прочувствовано за эти месяцы, такие перемены произошли!

Григорий гнал тоску и малодушие от себя всеми силами, старался лучше вникнуть в военную работу, но то, что происходило кругом, противоречило справедливости и здравому смыслу.

Для одних в этой жизни существовали правила, жесткие, безоговорочные, другие шагали по спинам и головам товарищей, без совести, безнаказанно нарушая все, получая благодарности, новые чины и отпуска. Да и тут, на войне, ловкость, хитрость, а главное – протекция значили все. Прапорщик Александров вот только что получил грамоту и отпуск. Чем он был лучше? Не было у него никаких достижений, Агапов мог биться об заклад. Был кто-то невидимый, дядька из столицы в штабе, может, адъютант Иванова или даже самого Алексеева. Сашка был нормальным парнем и лишнего о себе не говорил. Несмотря на отсутствие каких-то особых заслуг, Александров был исключительно обаятельным человеком, можно сказать, душой компании и сердиться на него не хотелось. К тому же, зависть была не присуща Григорию.

Хата на краю села, в которой они расквартировались, оказалась много хуже балаковской. Две койки стояли у окон, третья совсем продавленная, на которой разместился Григорий – в глубине. Над головой под потолком проходила массивная тесаная балка, увешанная разными предметами утвари. Там же, наверху сушились какие-то лекарственные травы, и от того во всей хате стоял особый, больничный запах. Правда, печь в доме была с дымоходом. Некоторым при переселении не повезло и они оказались в «куренных» хатах, где дым от печи не уходил в дымоход, а просто поднимался через отверстия, ведущие на чердак и в окна. Конечно, чего хорошего – кругом сажа, да копоть.

Вечерами становилось все холоднее. Непрерывный, мелкий дождь размыл дорогу между домами, все походы на улицу кончались промоченными одеждой и ногами. Грязь, липкая, глиняная, приставала к каждому сапогу и затрудняла передвижения. Месиво на улице к утру замерзло, лужи покрывались корочкой льда, потом все снова таяло. Офицеры стискивали зубы, несмотря на сухой закон, грелись спиртным, ругая высокое начальство, штабных крыс. Агапов горилку не пил, все

чаще замыкался в себе, думал о своем. Соседи удивлялись его замкнутости, не узнавали в нем того Гришу, неунывающего, с его песнями и шутками.

Темными осенними вечерами жгли лампу, с моторным горючим. Лампа коптила, но давала хороший, сильный свет, и можно было ночью почитать что-то за столом или написать домой.

5 ноября

«Очень меня печалит, что так много несправедливости, так много значит бессмысленный случай и так много (больше всего) знакомство, протекция и пр.»

12 ноября

«Пусть эта карточка прапорщика Бобылева лежит дома. Когда-нибудь потом буду вспоминать по таким карточкам это необыкновенное время, этот нелепый, дикий кошмар. Письмо я начинаю писать только тогда, когда все в хате уснут, до этого совершенно не могу. Здорово стесняют меня все эти... Когда примутся храпеть, тогда я чувствую себя свободным и могу мечтать...»

Ах, как все надоело здесь! Спасибо за письма...»

Григорий

Шпионы. Освобождение. Ода дивану. Стены крепости.

Утро выдалось морозным. В окно Григорий увидел льдинки на лужах, иней на стволах яблонь. Вспомнил о том, что пятница, что седьмая в наряде, что надо сходить в караул, проверить. Присел лишь на мгновение за стол, чтобы сделать записи в своем блокноте, и тут же услышал вопли денщика:

– Ваше благородие, взяли! Шпиёнов взяли двоих, святой крест! Бусурмане в черных платьях, чтоб ночью не видно было, совсем близко подобрались к деревне, тут, ваше благородие, Федор их и накрыл. Он в карауле стоял, видел их шапки изда-лека, затаился... и-и-и бац! Сразу двоих. На землю положил, связал. Ясное дело, шпионы, без оружия, с баком каким-то и шлангом. Ну, наверное, колодец отравить хотели, не иначе.

– Погоди, что ты несешь, какие шпионы, какой колодец?! – Григорий приподнялся.

– Самое натуральное дело – австрияки, на своём лопочут: йя-йя, немцы, мать их, прости господи...

Григорий смекнул, что что-то тут не так, стал натягивать сапоги, накинул шинель, второпях опрокинул ковш с водой, разлил, пожурил денщика:

– Фуражку что не почистил, вся в пыли, не видишь, лентяй!

Перед глазами вдруг мелькнула картина удачи, почетная грамота, признание заслуг, заслуженный отпуск, затем розовое виденье в сознании погасло, сменилось опять здравым смыслом, за который в последнее время Григорий себя все больше ненавидел.

Взволнованный, спотыкаясь, он двинулся по замерзшим лужам на другой конец села, в караулку.

В маленькой комнатке было натоплено и невыносимо душно. Солдаты, сняв сапоги и шинели, мертвым сном спали прямо на полу. Григорий велел позвать Федорова, отличившегося поутру.

И тут же увидел пленников, сидевших в соседней комнате на лавке в плотно связанном виде. Глаза одного из них с мольбой поднялись на офицера:

– We are friends! – он попытался высвободить руку.

– Sergeant, check our papers, please!

Ситуация внезапно для офицеров перешла из драматической в комическую, вошедший неслышно Юдин еще безмолвно улыбался, а Григорий, не сдержавшись, захохотал. Вытянув у пленного бойца из нагрудного кармана комбинезона документы, Юдин, непристойно ругнувшись, громко прокомментировал:

– Мотопехота его королевского величества Георга V!

Протиснулся в дверь могучий Федоров, и вытянувшись по струнке, выпалил:

– Так точно, ваше благородие, они самые, бусурмане австрийские задержаны в 5.00 утра на входе в расположения наших войск со злодейским умыслом!

– Да не ори ты так, всех разбудишь, – шикнул на него Агапов.

Агапов Г.И. 1915 г.

Тут от хохота зашелся Юдин, уронив стул на одного из спящих на полу солдат.

– Федоров, развяжи их.

Федоров с неохотой принялся развязывать пленников.

– We needed water for engines ... – неуверенно заговорил один из них. Григорий, уловив знакомые слова, тут же налил из чайника воды в стакан и протянул англичанину.

– Дринк, там разберемся.

Англичанин удивленно посмотрел на мутный стакан с теплой водой, сделал глоток и отставил его.

В 8 часов пришла смена караула. Застегнув шинель, Григорий Иванович взял с собой денщика и пошел проводить англичан.

Пока добрались до хаты Григория, англичане в своих комбинезонах из «чертовой кожи» изрядно продрогли, попрытали посиневшие от холода руки в карманы и стучали зубами. Вот так, вышли на минутку за водой! Григорий молил бога, чтоб он не послал ему навстречу каких-либо старших офицеров. Не хватало еще излишних вопросов. Скандал! Надо было просто спрятать союзников на время, обогреть, а потом уж спокойно отправить в свое расположение, как положено. Тут на дороге, спускавшейся с пригорка вниз, как назло, возникла широкая фигура капитана Петраченко, который, покачиваясь, и перебираясь через колдобины, поднимался им навстречу и сосредоточенно смотрел под ноги. На солнце сверкнули его погоны.

Григорий Иванович, уже кляня судьбу, стал думать, что он будет докладывать командиру по поводу англичан, как в тот же момент капитан нагнулся к дороге, поднял что-то и, приблизив к носу, стал изучать.

До плетня оставался один шаг, Григорий распахнул калитку и пригласил гостей: – Please!

Пронесло! Никаких происшествий нет и не было, все кончилось. Солдат караульных даже не нужно было инструктировать, все, что они видели – не существовало, было плодом их сонного воображения, не более. Смена на отдыхе после наряда – всем спать, отдыхать, никаких вопросов и ответов.

Лекарственный запах после свежего воздуха резко ударил в нос. Гостей усадили за стол, Григорий отдал распоряжение денщику принести чего-нибудь горячего, а сам добыл из потайного места за шкафчиком со столовыми принадлежностями бутылку горилки, принесенную Александровым по случаю отъезда и недопитую и несколько граненых стаканчиков. В бутылке плавал тонкий пламенный стручок перца, а сама настойка уже приобрела от него аппетитный золотистый цвет.

Налил себе и подданным королевы, выпил, крякнув, подавая пример. Те тоже, переглянувшись, (как это без разбавления водой???) подражая ему, махом выпили и даже вздрогнули от неожиданной крепости. Григорий и сам на несколько секунд как будто оглох с непривычки:

– Да, зело сильна! (Видела бы это Мэри!)

Затем налили по второй. Горло нестерпимо жгло, но тепло стало пробираться по всему телу, до конечностей.

– This swill makes me burn inside! – вырвалось у порозовевшего британца. – Steve – он показал пальцем на себя, – Billy – на своего незадачливого напарника.

– George – сообщил Григорий, улыбаясь, тыча себя в грудь пальцем.

Денщик принес козий сыр, краюшку хлеба, поджаренную колбасу. Все было кстати. На плите заворчал, закипел, сильно закопченный чайник, стали пить чай. Денщик только успевал куски нарезать. Англичане со смехом и совсем без обиды вспоминали раннее утро и Федора:

– He had thrown us at one blow, a real bear!

У того, что назвался Стивом, на глазах после второй порции горилки выступили слезы и начали скатываться к верхней губе. Дошло дело и до колбасы, и она была очень вкусной, но тоже с острым перцем.

Однако на часах было уже полдвенадцатого, и гостям давно уже пора было собираться на свою диспозицию, они поблагодарили за угощение и собрались в путь. Григорий достал с печки пару телогреек, чтоб бойцы не простудились, и они вместе вышли за порог, офицеры набрали в колодце воды в

свой бак и, стараясь нигде не останавливаться, спустились под горку, в долину, где располагался их лагерь. Лагерь в долине был тщательно замаскирован натянутыми сетками с имитацией листьев и кустов, поэтому Григорий издалека не сразу разглядел его. Тут стояли машины доблестных мотопехотных войск его Королевского Величества – мотоциклы, бронев автомобили с пулеметами.

Приподняв сетчатый зеленый полог, он прошел за Биллом внутрь и увидел временную стоянку англичан. Два механика, несмотря на холод, промасленные и разгоряченные, подтягивали гайки, заливали смазку и горючее в машины.

Он с любопытством разглядывал бронев автомобиль «Остин» британского производства, постучал по броне, внутрь не полез, стесняясь не столь выпитого, сколь своей неловкости. Англичане предлагали еще погостить, но Агапов заторопился. Билл, прощаясь сказал:

– Thank you! Visit us next time, Steve is having birthday soon!

– Yes! – Григорий закивал головой.

Здесь они расстались; Агапов, размягченный спиртным, с двумя телогрейками под мышками, довольный тем, что пригнулся его английский, покинул лагерь союзников, а затем, покачиваясь, влез в горку. Передохнув мгновение, он прошел, не замечая ничего вокруг, несколько дворов и, оказавшись дома, повалился спать.

Проклятая продавленная кровать изрядно надоела прапорщику. Порой утром от нее ломило поясницу. Григорий долго ворочался, днем при свете он вообще заснуть не мог. Думал о предстоящем перемещении батальона в другой населенный пункт. Опять устройство на квартиру, может, еще худшую, чем эта. А, может, окопы? Поневоле в голову опять полезли мысли о доме.

Как он любил свой диван в гостиной с двумя круглыми валиками и тремя подушками! Вот это был отдых. Летом в выходной после обеда хорошо было растянуться на нем у раскрытого окна, положив валик под голову, все тело отдыхало, наполнялось радостью бытия, на комод в пепельнице тлела папироса –

так далеко от него сейчас этот нехитрый комфорт. Зимой в голландке пощелкивали поленья, в трубе завывал ветер. Под рукой оказывалась любимая газета, интересная книга...

Можно было просто лежать на диване и мечтать, глядя в потолок, чудесный потолок с аккуратной лепниной, без особых излишеств, гладкой и прямолинейной. От таких созерцаний мысли Григория приходили в порядок. Прямолинейность успокаивала и помогала сосредоточиться. Агапов ловил себя на том, что, отдыхая на диване, он подсознательно продолжает думать о работе, и мысли, правильные, новые идеи именно тут осеняли его. В общем, диван не раз вдохновлял его...

Перевернувшись на другой бок, он в окне увидел, как прошла смена караула, начищенные штыки сверкнули гранями на солнце. Вспомнил про Федорова: молодец, он проявил бдительность. При всей комичности ситуации он повел себя решительно и правильно. Может, другой с испугу и пальнул бы в союзников из трехлинейки, но только не Федоров. Еще раз горько ухмыльнулся над своими мечтами об отпуске, что ж оставалось обратиться с силами и ждать. Спать не хотелось, он встал с кровати, достал перо и чернильницу.

Иван

Горы. Кладбище. Радость победы

Иван Карлович последовал за Романом во двор и поприветствовал хозяйку, занятую нехитрой крестьянской работой. Он поблагодарил ее за гостеприимство и вкусное молоко. Оксана расцвела в улыбке:

– Будь ласка, залишайся, скільки захочешь!

Хозяин в добром расположении духа ласково потрепал собаку, и, закрыв за собой калитку, повел гостя от дороги в сторону свежей просеки. Машинист все больше нравился Гибсону, он напоминал ему русских простых людей, по общению с коими он так изголодался.

– Пройдем просекой, так к склону быстрее. Вон та гора, что в тумане сейчас еле видна – Хомяк, та, что осталась сзади нас около реки – Штовбан.

Иван обернулся и залюбовался величественным видом Штовбана.

– Хіба ж це гора? Горбок слабкий!

Он, спохватившись, перешел на русский.

– Хочешь, завтра отвезу в сторону Говерлы – то гора. Две тысячи метров! Хочешь, поедем, но это на целый день до вечера – с гордостью сказал Роман.

Иван Карлович замялся, – времени в обрез, а ничего еще не сделано.

– Сьогодні все вирішиться, не знемагай! Если должен быть тут твой Григорий – значит, так оно и есть, больше ему негде быть.

Они еще прошли метров пятьдесят или семьдесят вдоль густого малинника, и начался небольшой подъем, ведущий по склону в подлесок, состоящий в основном из хвойных деревьев. Перед елками была лужайка, поросшая высокой травой, и Иван полюбопытствовал:

– А грибы растут в этих местах?

– В иной год – полно грибов, особенно маслят в таких местах, как эти. Солнышко тут, высокая травка, хвоя, опять же, что им еще нужно? Растут вплоть до зимы. Выйдешь поздней осенью на склон, а они, голубчики, светятся янтарем, а сами замерзли в камень, что и нож не берет. Ну, а если погода долго гнилая, считай, грибы пропали. Они, Иван, тепло и свет любят.

Иван Карлович, вздохнув, что сто лет не собирал грибов, подобрал еловую палку, срезал с нее ножом ветки, чтобы было удобней подниматься по склону.

В конце леска за малинником чернела плетеная ограда кладбища. Оно было небольшим, вместе с тем – широко разбросанным по равнинному участку. Кое-где плетень подгнил и повалился, но кто-то, видно, поправлял его время от времени и присматривал за могилами. Стали разглядывать кресты, да надписи на них. На некоторых совсем ничего невозможно было прочесть: надписи, выполненные карандашом или чернилами на фанерных щитках, окончательно уничтожила вода, щедро льющаяся с небес в этих краях. Сами щитки заплесневели и рас-

слоились, несмотря на то, что над многими были сделаны жестяные крыши для стекания воды.

Обошли все могилы, но не было и похожей на Агаповскую. Иван Карлович уж начал нервничать: просмотрели уже две трети! Хотел начать обходить по второму разу, но Роман позвал ближе к часовне. На могиле, стоящей далеко от солдатских сразу же бросились в глаза буквы, выведенные прямо на перекладине креста:

Пр..... Гр.г.....
Авгус 12 19 16 г

Казалось, могила могла принадлежать и кому-то другому – августа 12-го бойня унесла не одну сотню жизней. Иван достал из нагрудного кармана увеличительное стекло и припал к кресту. Да, судя по вмятинам на дереве, удалось распознать еще несколько букв. Теперь уже четко можно было увидеть:

Прап..... Гр. ...Агап... пог...ъ
Авгус 12 19 16 г

Заглянув в какие-то записи в своем дорожном блокноте, Иван опустился на колени перед крестом и произнес: – «Я нашел тебя!»

Затем он достал огрызок карандаша и, торжествуя, дописал недостающие буквы, огляделся, запоминая место, встал и снял кепи.

Душа Ивана Карловича наполнилась теплотой и радостью победы. Хотелось плясать от радости, бежать куда-то, отбить немедля телеграмму сестре в Нижний – нашел, он здесь, здесь... Он шел, задумавшись, бросив еловую палку, как будто ничего вокруг не замечая, не слушая Романа, который шел сзади и о чем-то рассказывал.

Алеша

*У Прута. Штовбан. Медянка. Дождь меняет наши планы.
О погоде.*

Следующее утро опять радовало чистым небом и солнышком. Двор подсох и не нужно пробираться между лужами. Наш путь снова на завтрак в чайную. Яичница, глазунья! С засохшей прозрачной корочкой по краям, мечта! И жареные пирожки с грушевым повидлом, хоть и вчерашние, но вполне съедобные, какао. Наша чайная будто исправляется на глазах.

Куда же мы пойдем сегодня? Вчера бабушка в ворохтинском «сільмаге» купила мне высокие черные резиновые сапоги. Теперь можно совершать длительные походы. Мы должны ознакомиться с поселком и его окрестностями. Дороги кругом грязные, разбитые коровьими копытами, всюду глубокие лужи. А густая и высокая трава вокруг и вовсе не успевает просохнуть с ночи от росы, в сандалиях далеко не уйдешь. Хотелось выйти к Пруту, может быть, дойти до моста. Дедушка, позавтракавший раньше нас, дожидался на лавочке с развернутым планом городка. В эти ранние часы завсегдатаев чайной не было, и мы могли спокойно посидеть на солнышке лишние полчаса и никуда не торопиться.

Чайную огибала тропинка и вдоль покосившегося плетня спускалась к реке. Вообще в этом месте река давала излучину ввиду близости двух больших холмов, это я понял из карты. Идти пришлось недалеко, тропинка выводила на открытое пространство у берега. Я представлял себе Прут другим. В моем воображении это была мощная, гордая и неприступная пограничная река. По правде сказать, границы тут поблизости не было. Мы пробрались на маленький, едва выступающий каменистый мысок. До другого берега, покрытого мелколесьем, было рукой подать, а глубина и вовсе была небольшой – ручей, однако, шума производил много: то тут, то там выпирали из воды здоровенные камни, и вода перекатывалась через них. Много мелких голышей быстрый и мутный поток с грохотом нес по дну. Наш разговор сразу же потонул в этом шуме. Но слова были ни

Берег Прута.

к чему. Мы с бабушкой, как зачарованные, стояли и смотрели на быструю горную реку. Вид ее, правда, был удивительный, необычайно красивый. Ясная погода радовала деда, он достал «Любитель» и, взобравшись на маленькое скалистое плато, сделал несколько снимков.

Этот любимый им большой фотографический аппарат он часто брал с собой в дорогу. Крупные негативы позволяли делать большие и качественные фото. Дед даже участвовал в городских фотоконкурсах и за одну из работ был удостоен третьей премии за удачную композицию. На снимке он запечатлел одну из башен Кремля над Волгой в обрамлении голых осенних веток вязов. Вид этот был, действительно, очень красивый и величественный. Дедушка умел видеть перспективу, ему не со-

ставляло никакого труда в совсем привычном и простом сюжете отыскать необыкновенную красоту, тогда как для других эти возможности были закрыты. Мы говорили с ним частенько об изобразительном искусстве, о рисовании карандашом и маслом, о скульптуре. Его рассказы всегда были очень интересны. Они восходили к Древнему Египту, Месопотамии. Античные истории, мифы – это вообще была любимая его тема. Я не переставал удивляться чудесам, сотворенным древними мастерами, перелистывая толстые книги с иллюстрациями. Мне хотелось тоже что-то нарисовать, я прочитал несколько брошюр о рисовании и черчении, перепортил несколько пачек бумаги, прежде чем научился видеть размер, свет, тона. Конечно, для маленького мальчика непросто было набраться терпения и усидчивости. Дедушка поощрял мои занятия, иной раз в выходные мы отправлялись с ним на другую сторону Волги, в луга. Он приобрел мне маленький мольберт, заготовки из грунтованного картона, комплект тюбиков с масляными красками «Нева». Пока бабушка наслаждалась чистым луговым воздухом, устроившись среди травы на принесенном из дома одеяле, а дед бродил по борскому берегу, собирая отполированные рекой, кусочки цветного стекла, я выбирал объект для рисования маслом. Сделав несколько неудачных набросков, я переключался со старого брошенного буксира на живописное устье Везломки... Работа на свежем воздухе была непроста – донимали слепни и комары. Я отгонял их, вновь и вновь правил рисунок, вглядываясь в горизонт. Но что меня совсем удивляло, дед никогда не вмешивался и не вносил своих исправлений в мои наброски или рисунки. Он мог иногда дать совет по технике работы, как заточить карандаш или правильно развести краску. Именно это отсутствие указаний за спиной вызывало у меня желание подходить к своему творчеству критически, не останавливаясь на достигнутом, стремиться к качеству теней и пропорций.

В результате на моем кусочке холста или грунтованного картона возникал окончательный карандашный набросок, а дальше в ход шли краски. Что-то получалось, а что-то не очень, но далее нескольких пейзажей и натюрмортов дело у меня не пошло. Я временно отложил рисование...

Мне надоело сидеть на одном месте и захотелось залезть в воду в новых сапогах, но бабушка удержала, наверное, в ее планы не входило внеочередное просушивание моей одежды. Я думал о бабушкиных рассказах, о бойцах, форсировавших такую бурную, непокорную реку, даже летом такую холодную.

Один из больших холмов, который заинтересовал меня еще в первый день стоял совсем недалеко от того места, где мы осматривали Прут. От местных жителей стало известно, что гора эта, столь похожая по форме на египетскую пирамиду зовется Штовбан. Пройдя пару километров по туфу, поросшему мхом и вереском, мы вышли на лужайку, окруженную ивняком. Едва обогнув гору, мы увидели тропу, уходящую наверх и усеянную следами мелкого домашнего скота. Коз и овец по утрам сюда пригоняли пастухи, уж больно хороши и душисты были пастбища на склонах. Поднявшись на естественную террасу, расположенную чуть выше верхушек деревьев, мы оглянулись по сторонам: вид прекрасен! Вокруг резвились мириады насекомых! Я сразу бабочек насчитал штук восемь-девять, и среди них были большие, на редкость красивые с причудливой окраской и простые капустницы и крапивницы, которые и в нашей полосе часто встречаются. В траве копошились жуки, одного большого, черного с рогами, я поймал и сразу же отправил в спичечный коробок для дальнейшего изучения.

– Осторожно! Змея, смотрите под ноги, не наступите – дед, хоть и был вооружен палкой, не стал ее трогать. Мухи не обидит. Бабушка забеспокоилась, взяла меня за руку, но когда мы увидели маленькую бронзового цвета змейку-медянку, поняли, что она не собирается на нас нападать, а ползет по своим делам.

В воздухе стоял насыщенный цветочно-луговой аромат. Бабушка присела и собрала небольшой букетик. Склон, как ковер был весь равномерно выткан узорами из синих и желтых цветов. Мы, не торопясь, поднимались выше, мимо каких-то руин из красного кирпича, изъеденных дождем и ветрами. Остатки колючей проволоки, проржавевшие стальные уголок, петли, кусок трубы и еще какой-то мусор. Что это? Военные укрепления? Скорее всего. Хороший обзор и возможность отразить

нападение с воздуха, а все подножье с другой, юго-западной стороны легко простреливается. Я забрался в укрепление и попробовал расшатать трубу, торчавшую из земли – не тут-то было, грунт оказался на редкость твердым и не поддавался. Дед объяснил, что мои попытки напрасны. Грунт под нами – не земля, а туф – мягкая вулканическая порода, слегка покрытая дерном. Конечно, небольшая пещера, вырубленная в скале, могла быть отличным убежищем от пуль и снарядов при обстрелах. Мы попытались найти какие-нибудь остатки гильз, но это было безуспешно, слишком много времени прошло.

Вскоре при движении вверх слегка заложило уши. Почувствовалась высота. Весь подъем, включая остановки, занял минут 40.

Вот мы и пришли к вершине. Здесь был вбит маленький гранитный столбик, на нем гравировка, неразборчивая. Этот рукотворный памятник, казалось, как нельзя лучше дополнял вид холма, делал его уникальным. А какой вид открылся с этой площадки. Вся Ворохта, растянувшаяся вдоль Прута и дорога, повторяющая изгибы реки – как на ладони. Вот наш готель, маленький двухэтажный домик. Вот внизу едет «газик», везет почту. За дорогой сады, окруженные плетнем и штакетником и на деревьях крупные желтые сливы, так и светятся на солнце. Вот железнодорожная станция, рельсы отсюда выглядят как из набора игрушечной железной дороги. Интересней всего смотреть в дедушкин восьмикратный полевой бинокль. Видно водонапорную башню, здание администрации. А вот и магазин игрушек выше по ул. Ленина. Я и не подозревал о его наличии, а ведь скоро мой день рождения.

Бабушку больше заинтересовал вид справа от готеля, где улица переходила в извилистую грунтовую дорогу. Она взяла бинокль и напряженно всматривалась в эту сторону. Дорога та сначала спускается вниз, затем сворачивает от Прута и идет вдоль пологого склона, поросшего травой. С утра там работали косцы и видно более светлые скошенные полосы и стожки. Если верить плану, там должно находиться старое кладбище. До обеда эти места в тени, и разглядеть что-либо против солн-

ца нельзя. Только ближе к вечеру, когда оно опускается на западную сторону, склон освещен. Конечно, ей не терпелось сегодня же приступить к поискам, только бы не было дождя. Она положила бинокль в сумку и продолжила путь, наслаждаясь удивительным, великолепным горным воздухом. Конечно, дед вовсе не случайно затеял этот поход. Обзор со Штовбана давал прекрасное представление о расположении поселка.

Мне нравилось на вершине. Ощущение победы над высотой ни с чем несравнимо, облака, казалось, проплывали так близко, что были почти осязаемы. Мне не хотелось уходить отсюда, я нашел палочку и вбил ее рядом со столбиком, как бы на память, что «я тут был».

Мы пошли вниз новой тропой, ведущей по северному склону Штовбана. Дорога стала круче и каменистей. Дедушка придерживал меня, чтобы я аккуратней спускался вниз и не разгонялся. Он заметил и обратил мое внимание на то, что кое-где в камнях путниками или солдатами были вырублены ступеньки для удобства. Скот этой стороной, видно, не ходил, следов козьих копыт и навоза мы не встретили. Не было тут и признаков каких либо окопов или укреплений. Еще через несколько десятков метров тропы мы очутились у подножья, и смотрели с восхищением на Штовбан с обратной стороны, гранитный столбик отсюда выглядел крохотным, а мою метку и подавно было не видеть. Таким образом, мы, побывав на берегу Прута, перешли через гору и вернулись на тропу, ведущую в городок. Она вдоль длинного плетня вела в город к готелю. Как-то совсем для нас незаметно, солнышко скрылось и облака стали темнее. Громыхнуло, и мы едва успели шмыгнуть под большую шелковицу, как полил ливень, да такой сильный, что даже густая крона не спасала. Хорошо, еще, что дождь не застал нас на вершине! Предусмотрительная бабушка достала зонт, сетуя на погоду, которая вновь отложила наш поход в сторону кладбища. Под ногами забурлили потоки воды, устремившиеся к реке. Перебегая от дерева к дереву, мы оказались рядом с магазином игрушек, благо, он еще не был закрыт на обед, воспользовались его гостеприимством, чтобы переждать непогоду.

Заведующий неодобрительно посмотрел на грязь, стекающую с нашей обуви, но был приветлив. Покупателей, надо сказать, тут было немного. Отпустив единственного продавца на обед, он возился с коробками, раскладывая товар. Наше появление заставило его отложить работу и заняться нами. Дедушка разговаривал с заведующим, а я устремился к прилавку и стал с большим любопытством разглядывать игрушки.

– Да, уж, погода здесь, переменчива – сказал завмаг, – отдельно стоит сказать о дожде. Сильный или морозящий дождь здесь в горах или долине с августа по октябрь – явление обычное. Пугаться этого не стоит, часто бывает и отличная солнечная погода, а вот водонепроницаемую палатку или накидку от дождя для себя и для мальчугана неплохо иметь, иначе можно не высохнуть до конца похода. Кстати, могу предложить, на Вашего мальчика 7-8 лет есть у нас дождевики из тонкой пленки. Новое изобретение, понимаете ли – «пластмассы – в массы». Стряхнул с него воду, свернул и убрал в сумку. А стоит удовольствие сущие копейки.

Дед заулыбался, полез за бумажником, ему нравился этот интеллигентный завмаг и его юмор. Пока шел разговор о погоде я уже осмотрел все игрушки, но взгляд мой не мог оторваться от желанной железной дороги «Пико». Миниатюрная точная копия паровозика и вагонов, крохотные рельсики с электропитанием и пультом управления, ну разве это было не чудо?! Я так и уткнулся носом в стекло витрины потеряв дар речи возле ценника с внушительной ценой – целых 10 рублей!

Григорий

14 ноября.

Хочется пометтать о том, как бы я был с Вами. Так себе и представляю, как я посидел бы в первом классе с ребятами после обеда, вспоминаю о диване с любовью. Сегодня или завтра переждем в Сказинцы в 15 верстах от Слободки.

Скрип калитки, голоса сослуживцев заставили отложить письмо.

– Василий, поди открой дверь, да скажи, пусть ноги вытрут хорошенько, нече сюда грязь наносить....

– Брось, Григорий съезжаем вот-вот, – на пороге, раскачиваясь, как жирная утка, показался Юдин, снимая свою папаху и портупею, – надоело целый день таскать на себе эту сбрую, тебе хорошо, ты отдыхаешь тут после наряда.

Он содрал с себя портупею и с остервенением бросил на койку, присел за стол.

– Иван, ужин тащи сюда, да давай, дуй быстрее, тут будем кушать, не пойдем в собрание. На выходе со двора денщик столкнулся с нарочным, который направлялся в дом.

– Что я тебе говорил, Гриша. Съезжаем. Сейчас получим приказ.

Письмо он дописал в Сказинцах, где стояли совсем недолго. Походные условия сменили общее настроение, застой всем надоел. На марше пели песни, Григорий знал уже, кто из солдат подпоет, и запевал. Бойцы даже развеселились от песен и смены обстановки, безделье всех заставляло думать о чем-то грустном, плохом, а поход развеял эти мысли, и занял пехоту привычной работой.

Разок сделали привал, тоже пели песни. Как будто прилив хорошего настроения нахлынул на Агапова. Романсы и песни, русские, малоросские (даром, что ли он свои юношеские годы провел в Умани), все было исполнено с чувством. Костер жечь было не велено, так грелись песнями.

Затем дорога их лежала в Каменец. 86-ой запасный вплотную придвигался к фронту, по всему это ощущалось. Грозные раскаты часто слышались с западной стороны – гаубицы противника выпускали свои заряды далеко из-за берегов Смотрича. Небеса ночью прорезывали мощные прожекторы, ощупывая облака в поисках аэропланов и цеппелинов. Зрелище это было удивительным и непривычным. Шли и шли дальше на юго-запад. Горизонт скрылся за нескончаемыми холмами. Небо делалось свинцовым, низким.

Давление упало, легкая поземка за три дня марша сменилась настоящей пургой. Порой пехота шла против ветра и летевшего в лицо колючего снега, согнувшись в три погибели,

только в лесу густо растущие деревья и кустарник ненадолго укрывали солдат от ветра. Снегом совсем занесло дорогу и передвижение затруднилось. По цепям передали: «привал вблизи города».

3 декабря.

Мы стоим в 8 верстах от Каменца. Только раненный могу я... увидеть. А пока здоров, надежды мало. Грустно мне. Еще когда на людях разным балагурством разгоняешь настроение, да еще глотку подерешь в компании.

Григорий подул на руки, растер их, потом вымарал несколько слов, ругая себя за слабость и малодушие. Стояли в брошенном наполовину разрушенном двухэтажном доме, в выбитые окна летел снег. Ждали рассвета, чтобы продолжить путь, томилась ожиданием неизведанного – рота должна была войти в соединение с армией на передовой.

Дом был немалых размеров, на первом этаже квартир не было и все пространство разделялось перегородкой пополам. Лестница на второй этаж была разобрана полностью, и попасть наверх не представлялось возможным.

Одну из голландских печей удалось разжечь, в двух других дымоходы были обвалены и тяга отсутствовала.

У очага грелись по очереди. Рассказывали разные байки, анекдоты, чтобы скоротать время, играли в карты, снова пели песни. Григорий вспомнил «Взяв бы я бандуру...», «Утес». Правда, многие романсы навевали грусть. Но что такое меланхолия против ожидания неизвестности, смерти? Ночью, когда все угомонились, Агапов устроился с письмом на кривом трехном табурете, чудом уцелевшем. Казалось все, что только можно было сжечь в этом доме, было сожжено. Кто-то уже пытался выломать оконные рамы, но они были приколочены огромными гвоздями и не поддавались. Он написал еще несколько строк, но сделалось совсем темно: огонь в печи прогорел, от пламени остались только тонкие синие языки. Алыми червячками в углях светились гвозди из сожженных досок. Задремал около письма

рядом с табуретом под вой метели. Она свирепствовала всю ночь, затем улеглась. К утру снегу намело столько, что окна на две трети оказались заваленными. Некоторые бойцы приспособили плащи для укрытия от летящего в дом снега, но ветром их сорвало. С утра Юдин сразу же приказал расчищать выход лопатками, и солдаты дружно навалились на работу.

Утро, выдавшееся солнечным, напомнило Агапову Пушкина – «великолепными коврами блестя на солнце, снег лежит...» Лес черным полукруглым мысом врезался в снежный массив. Дорога лишь угадывалась в просвете и вела на юг.

Крепость над городом высилась вдалеке в тумане – они стояли на подступах к Каменцу... Агапов в бинокль разглядел заиндедевшую красавицу над Трояновыми валами, вспомнил свою поездку в этот город по служебным делам в ноябре. Снег тогда еще не выпал, Смотрич не был скован коркой льда, а замшелые крыши башен старинного города римлян выглядели загадочно.

Обломленные зубцы стен горнверка напоминали о древних сражениях. Крепость строили литовцы и русские в XV и XVI веке, открывали здесь оружейные мастерские, развивали пушколитейное дело. Нашествие турок в 17 веке остановило строительство, османцы удерживали город до конца того века. В XVIII веке реконструкция освобожденного города над Смотричем возобновилась, и многие именитые архитекторы и воинские инженеры – англичане, немцы, голландцы, шведы потрудились на славу...

Затем годы забвения наступили для Каменца. По приказу Николая I фортификационные сооружения города оберегались законом от разрушения, равно они и не реставрировались ввиду отсутствия на это казенных средств.

Григорий опустил бинокль, мираж отступил. Рыхлый снег проваливался под ногами. Разгребать его лопатами не хватало сил, просто так и шли дальше – первые ряды по колено в снегу, последующие чувствовали под ногой твердую почву. Каждая верста давалась с трудом, а до цели было еще так далеко. Мороз давал себя знать, холодный ветер на подъеме усиливал-

ся. Агапов подбадривал бойцов, велел двигаться энергичней, отстающих заставлял ускорить ход, делал все, чтоб солдаты не замерзли, чтоб придти без потерь.

Что предстояло им дальше? Соединение с бойцами славного Охотского полка, история создания которого связана была вовсе не с охотниками, а с Охотским морем. Седьмая учебная, запасная, пойдет в окопы. Мысли о переднем крае, как о чем-то фатальном стали уже привычными. Меж собой бодрились и не показывали смятения и дрожи, задирали нос и храбрились, кто как мог. Григорий, в короткие дни стояния здесь любовался средневековым городом и вовсе не показывал волнения. В душе его просыпался романтизм, и он весь отдавался его власти в свободные минуты.

– Эх, сыграть бы принца датского на этих улицах! Какова декорация! Он вспоминал чаще театр, с любовью думал о Шекспире и его героях, таких романтических, таких близких. И будто в какое-то другое пространство уходил Григорий, душа его, изголодавшаяся по искусству, радовалась и наслаждалась чем-то удивительным. Никакие вояки и их грубые окрики в такие моменты не существовали для Агапова!

Фотографий он, к большому сожалению, не сделал, последние неэкспонированные пластинки в каменецком переходе разбились, и неоткуда было взять новых, Григорий жалел об этом, и, казалось, кроме Юдина никто не мог понять его.

43 Охотский встретил новых бойцов, как и подобает, с пристрастием, с придирками и издевательствами. По слухам, полковнику Носову не понравилось пополнение, досталось на орехи интендантам, ротному. Нажим на молодых прапорщиков усилился, Рославлев то и дело прибегал взвинченный, с горящими нехорошим румянцем щеками, отдавал совершенно дикие распоряжения, затем отменял их ввиду абсолютной невозможности исполнения. Часами сидел над какими-то бумагами и чертежами: помимо службы работал над делами Петраченко по фортификационным сооружениям, которые совсем не относились к сфере его компетенции. Зато штабс-капитан, выполняя особые указания полковника по строительству, и сваливая часть

этой работы на ротного, пользовался определенными льготами. Конечно, его это тяготило, поскольку отнималось время от основной учебной работы. Серьезность последствий при неожиданной проверке можно было предвидеть.

Информация о действиях противника на флангах периодически доводилась до среднего командного звена. Шли большие потери, судя по всему, они были значительно больше, чем об этом писалось в официальных сводках. Госпиталь переполнился. Кроме раненых поступило много бойцов с обморожениями, серьезными. Носов ходил недовольный, требовал срочной выписки легкораненых, угрожая медикам всеми карами. Гангрена, несмотря на оптимизм полкового начальства, витала в самом воздухе клиники и не собиралась отступить. Агапов навестил земляка в пятом отделении, увидев страдания несчастных, он не мог потом ночью заснуть, гнойный дух, казалось, влез глубоко в ноздри и преследовал Григория. Не давали спать и гарнизонные псы, завывавшие в своем вольере. Может, от голода, или они чувствовали тревогу?

Жили в постоянных тренировках и учебных стрельбах, унтеры не давали расслабиться бойцам, каждый чувствовал на себе тяжесть муштры и пристальное внимание начальства. Готовились к плановой проверке, по статусу команда оставалась учебной. Агапов лично гонял своих подопечных особо настойчиво, заставлял приседать с полной выкладкой, ползать по заснеженному плацу под «колючкой», не давая опомниться, заставлял бегать вдоль гарнизонной стены взад и вперед при любой погоде. Тренировал на выносливость, гоня страх и усталость, не давал людям никакого простоя, и себя не жалел – занимался раздетый по пояс на турнике, даже стал обливаться холодной водой, много стрелял в тире. Он занимался с солдатами основами рукопашного боя, учил правильно действовать штыком. *(В начале войны мало кто из солдат владел приемами штыковой атаки. Ежели доходило до рукопашной – в ход чаще шли удары прикладом с размаху. Прим. А.Л.)* Появилась и возможность изучения нового оружия, коего на складах в Каменце скопилось огромное количество. Разбирали, собирали,

смазывали, без дела не сидели. Агапов добился от Рославлева, чтобы открыли для тир для тренировок в стрельбе. В общем, занимались тем, чем и было положено. Люди его, правда, не мерзли, только тихо жаловались друг другу на Гришу, мол, заездил. Если выдавались свободные часы, собирались попеть песни, да посудачить о доме.

Григорий

Митроха. В окопе. На Западном без перемен.

Откуда появился этот солдат – никто не мог сказать. Митрофан (так его звали) клялся, что под Бережанами их саперный расформировали, и его, да еще нескольких бойцов отправили в Каменец на доукомплектование пехотных бригад. Документы у него были в полном порядке, а вот сам он... Роста мелкого, сутулый, левый глаз его судорожно подергивался, и был несколько больше правого. Это сразу же вызвало насмешки унтеров, которые и прозвали его – «Глаз». Простой деревенский парень казалось, да и все, однако, что это был за солдат – следовало описать отдельно.

Лицо его, от рождения рябое, делало невозможными все попытки определить возраст. Солдат не расставался с громадным заплечным мешком, постоянно нес на себе несколько подсумков с патронами, одному богу было известно, как все это держится на нем, и как он выдерживает такую ношу. Запасливость его не знала меры – Митроха собирал свой груз старательно впрок не только перед дальними походами. Иной раз сам свой хлеб не доест, да оставит на сухари. Солдаты то и дело подшучивали:

– Вот наш ослик идет груженный, маленький, горбатенький, а целый воз тянет на себе, и еще воз взвали на него – все вынесет!

Боец снисходительно сносил все издевательства, все замечали добрый и незлобивый нрав его, случись с кем беда – первым он приходил на помощь, готов был поделиться со вчерашним обидчиком сухарями, водой из своей громадной фляги, патронами, трофеями.

К Митрофану привыкли, более того, дразнить перестали. Народ стал поговаривать, будто Митроха грехи замаливает, вериги на себе носит. И в самом деле, мужик он был набожный, свободные минуты проводил в молитвах, да и не сквернословил. Он вообще очень мало говорил, а если что-то докладывал по службе, чувствовались дефекты речи. Командир не придирался к нему, делая скидку на убогость, однако, Митрофан, в самом деле нес службу исправно, был подтянут, следил за своим обмундированием и оружием лучше многих других. Прапорщички, в том числе и Агапов не раз уговаривали Митроху не тащить на себе большой груз. В бою эти вериги могли сослужить плохую службу, слишком уж приметен был солдат. Но Митрофан отшучивался, – запас сухарей и патронов никому еще не повредил.

Мир тесен и просочились слухи о том, как он воевал под Бережанами, и что с ним там приключилось. Семен Ломов, унтер, переведенный с ним вместе в 43 Охотский, нехотя, рассказал историю о том, как чуть было не попал к немцам в плен, но благодаря сноровке и хладнокровию этого блаженного выжил и вернулся к своим.

В холодную осеннюю ночь его небольшой отряд из троих разведчиков перешел в районе маленькой реки линию фронта с целью осмотреть местность, куда предполагалось нанести удар, да, при случае, взять языка. Ледяную воду перешли вброд с большим трудом, на другой стороне долго шли во всем мокром, так, как огонь развести не позволялось. Преодолев холм, поросший ельником, Семен обнаружил на его другой стороне впадину, то ли воронку от бомбы, в которой решили отсидеться до утра. Ночь выдалась совершенно темная, безлунная, в двух шагах ничего не видно, хоть глаз выколи.

Рассвета ждали мучительно долго, и Семен, оставив дежурить одного из солдат, сомкнул веки и задремал. Проснулся от звука передернутого затвора, в голове только мелькнуло – «Маузер», затем получил по затылку прикладом и потерял сознание.

Двое немцев, делавших обход, связали пленных веревкой в цепь и поволокли к себе через лес в штаб, или в караулку. Затылок трещал, на шее чувствовалась запекшаяся кровь, идти было тяжело, тошнило и мотало, поминутно Семен останавливался.

Was nun?! – немчик орал у него над самым ухом – Komm! Солдаты, шедшие на цугундере впереди подбадривали: – Ничего, может, обойдется, погоди, плен – не смерть.

Семен только застонал и продолжил путь. Светало, впереди показались какие-то избы, видно, враги тут держали склады, али еще что... Шедший в середине связки Глаз стал изображать, что худо ему с животом, стал валиться набок, показывать немцам на сарай, мол, хочу в отхожее место, спасу нет. Немец нахмурился, но развязал его руки и быстро снова замкнул цепь надежным узлом. У Семена все упало внутри от страха, ну как, этот юродивый выкинет какой фортель, тут им всем и крышка. Караульный штыком подтолкнул его к сараюшке – Дафай тут!... Митроха открыл дверь нужника и в мгновение ока скрылся за ней. Затем за дверью послышалась молитва. Это удивило всех, да что он с ума сошел, делай то, за чем пошел, да и все тут. И так жизнь на волоске. Недовольный немец терпеливо сопел, теребя затвор винтовки, и видимо, тоже недоумевал. Затем терпение его кончилось, и он постучал краем штыка по двери нужника. Еще постучал, но сильнее. Митрофан внутри, казалось, совсем затих, будто сдох на толчке от страха. Немчик несколько раз сильно двинул прикладом по двери, в последний момент она распахнулась, будто крючок слетел и он ввалился с ругательствами вовнутрь. Через мгновение Семен увидел страшную картину. Митроха, выломавший за время пребывания в сортире острую щепу из доски в задней стене, со всей силы на несколько вершков вогнал ее солдатику в шею. Завладев маузером, он тут же почти в упор выпалил в живот другому караульному. Выстрел, грянувший в полной тишине, должен был перебудить весь вражеский стан, во всяком случае, так думали вконец перепуганные разведчики. Освободившись от пут с помощью штыка, они бросились, не сговариваясь, к реке. Как очутились на своем берегу и в своем лагере – никто не мог потом вспомнить. Все руки и лица ободрали, пробираясь через колючую чащу. Задание было сорвано и, хотя Митрофан проявил героизм, о награждении его не могло быть и речи. В тот же день немцы атаковали их позиции цеппелином и аэропланами, забросали бомбами – многие были убиты и ранены...

Историю эту, весьма невероятную рассказывали и пересказывали многие сослуживцы, добавляя детали от себя.

Иван

На хуторе у Ганки. Дезертир. Сталь, бетон и самогон.

Иван после посещения кладбища вернулся на хату к машинисту и достал четвертинку бумаги и карандаш. Устроился за столом около окна и начал по горячим следам рисовать план, пока не стемнело. Роман косил траву далеко за склоном, и возвратился лишь к ночи. Они выпили козьего молока, принесенного хозяйкой, и собрались спать. На другой день хозяин должен был с утра выйти на смену. Так или иначе, поход на дальний хутор к кузнецу откладывался еще на день.

– Роман, может, я один схожу на хутор? – торопил Иван.

– Не найди тебе короткой дороги туда... – Роман замылся, – ну погоди уж, меня. Да и не станет кузнец с тобой гутарить, вот в чем беда. Если руки скучают, ты уж лучше работой займись. Дров наколи, сложи в поленницу у сарая. В корчму сходи, где деды собираются почесать языками, угости их горилкой, да расспроси, может, что и расскажут. Не заблудишься, одна тут корчма. Много, правда, времени утекло с тех пор.

На другой день он ушел чуть свет, Иван долго ворочался на лавке, затем оделся и вышел во двор. Туман то тут, то там оседал хлопьями, но по всему чувствовалось – дождя не будет. Пес не залаял, лишь лениво взглянул на гостя, и продолжил спать. За его будкой высилась гора давно напиленных потемневших поленьев. Хозяину не хватало времени на домашнее хозяйство, да еще он тут загостился...

Через пару часов он работал уже, сняв рубаху. Дрова оказались сырыми и плохо кололись, но Иван трудился в охотку, в Лондоне, насквозь пропахшем угольным дымом, он даже представить себе не мог ничего подобного. На отвыкших от такого руках, сразу же, возникли мозоли, но все это теперь было совершенно неважно.

Колотые дрова он сложил в начатую поленницу под навесом между забором и будкой пса. Солнечная погода после обеда

сменилась мелким дождем, потом он усилился и загнал-таки его в дом.

На хутор к Ганке они пошли наутро. День выдался хмурый, за Штовбаном двигалась на запад огромная серая дождевая туча, ветер усиливался.

Выходя из хаты, Роман окинул взглядом двор и, увидев увеличившуюся в размерах поленницу, присвистнул:

– Ты чесно заробив на хліб!

– Стараюсь, – отозвался Гибсон.

Роман широким шагом шел впереди, неся через плечо котомку с гостинцами – специально запасенными для кузнеца двумя бутылками палинки и кругом сыра. Бутылки были обернуты ветошью, чтобы не гремели, как объяснил Роман, чтобы жинка не заметила.

В руке он держал палку, не столько для опоры, сколько для защиты от змей. В эту пору в траве их водилось немало, и наступать на них ногами было небезопасно. Начался легкий подъем, продолжался он до тех пор, пока путники не вышли на плато, с которого открылся чудесный вид долины. Роман показал палкой в направлении хутора. Пути до него с этой стороны – версты полторы-две. Можно было дойти и по грунтовой дороге на Яблоницу, да такой красоты там не видать! Иван Карлович присел на край выступавшего туфа, поросшего мягким мхом. Роса успела высохнуть на ветру, и сидеть на нем оказалось очень приятно. Роман тоже сел и закурил махорку. Тучи начали разбегаться, появилось солнце. Долина засияла всеми летними красками, и путники с удовольствием наблюдали поразительной красоты и широты размаха вид.

– Может, продолжим путь? – заторопил Иван.

Дальше большая часть этого пути шла под горку, они словно спускались в гигантский кратер с одного края, чтобы потом подняться на другой его стороне. Запахи душистых луговых цветов дурманили, Иван спугнул несколько удивительно красивых бабочек, дотоле не виденных им никогда и вспомнил «Затерянный мир» Артура Конан-Дойла.

Спуск прошли легко, теперь, когда строения хутора приблизились, можно было судить о трудолюбии и деятельном

характере его хозяев. Чуть выше основных построек проходила грунтовая дорога, прямо у нее стояла кузница, да невысокий каменный амбар.

– Да, развернулась Ганя, ничего не скажешь. Давно не бывал я у нее, а сейчас удивляюсь, – сколько всего понастроила. Зависть берет на ее хозяйство. А земля тут какая! Иван, да знаешь, тут трускавка, что твоя бульба, в рот не влезет – во, какая!

Да и работы у кузнеца хватает. Кузница его – почти на самой Раховской дороге, Ворохтинские, да Яблоницкие то и дело едут к нему с заказами. Никому не отказывает, но, говорят, и цену себе знает. Может он сделать все, инструмент имеет превосходный, от грубой поковки до тонких работ со сложными механизмами.

Они еще прошли немного и двигались теперь параллельно изгороди, окаймлявшей немалое Ганкино владение. На деревьях за ней аппетитно желтели большие груши и сливы. Иван никогда раньше не видал таких огромных слив – размером с персик!

Вот и хата, причем, не глиняная – срубная, закладная!

На разные голоса залаяли собаки, бегавшие за плетнем. У ворот они остановились, ожидая появления хозяйки.

Почему-то такой он ее и представлял – высокая, сильная женщина лет сорока пяти стояла перед ними и сурово смотрела на гостей. Одета она была в черное платье и синий передник в белый горошек. Жилистые руки она скрестила на груди, к одежде кое-где прилипли перья – хозяйка, видно, вышла из птичника в момент их прихода.

– Проходите, гости в будинок, як звать приятеля? И тут же добавила в сторону кухни:

– Соня, оброби курку, бачиш, до нас прийшли!

– Иван Карлович – представился Гибсон. – Мы к Федору по делу. Есть заказ. Работу нужно справиться.

Проходя в хату, он оценил немалые размеры входной двери, Ганка, заметив его интерес, улыбнулась, не без кокетства сдунув с лица выбившуюся из-под платка прядь черных без признаков седины волос, далее она старательно заговорила по-русски:

– Федя переделал все под свой размер. В Ворохте дома не такие, заходя, шишек себе набьете. А что у вас за дело к нему?

У тебя, Роман, в локомотиве что-то сломалось? Да, он здесь, не ушел нынче в кузню, двор поправляет. Тут Иван заметил, что в её голосе чувствовалась едва заметная тревога, будто она не хотела беспокоить мужа.

– Не, с паровозом все в порядке. Дело у нас с кладбищем связано.

Тут Ганя еще раз изменилась в лице: – хіба хтось помер?

Со стороны внутреннего двора слышались шаркающие звуки шагов, и вскоре проем двери заслонила мощная фигура кузнеца.

– Ну, здравствуй, давно ты не заходил, Роман. Он произнес это таким громовым голосом, каким говорят люди плохослышащие. И далее недовольным тоном: – Есть работа, или случилось что?

– Пошли в дом, поговори с гостями, да, скажи, пусть остаются на обед! – таким же громким и отчетливым голосом позвала Ганя. Кузнец стряхнул свежие стружки с рукавов куртки и парусиновых брюк, и прошел в комнату, которая служила гостиной и кухней одновременно. Он сохранял терпеливо молчание, видно до обеда специально решил не начинать разговор с незнакомым человеком.

Роман представил ему незнакомца, и они устроились за столом на приставных скамьях, вырезанных хозяином из розового бука. Иван осмотрелся. Вся нехитрая мебель в комнате и, верно, во всем доме была самодельной.

Удивляло то, с какой любовью она была изготовлена, отшлифована, пропитана воском.

Каждая вещь тут впечатляла своей основательностью. Вместительный намысник (*то, что в русских избах – поставец прим. А.Л.*) с посудой доходил почти до потолка – рост супругов вполне позволял доставать до самых верхних полок. Над всей гостиной проходил сволок, в него была снизу вбита красивая кованая крученая скоба для подвешивания различной утвари. На этой скобе висели – дуршлаг, несколько еловых мутовок разного размера, медный тазик для варенья с точеной ручкой и набор начищенных до блеска половников. Около плиты высилась кованая стойка для кочерёг и щипцов с тремя закручен-

ными ножками. Все тут было аккуратно вычищено и уложено в строгом порядке, такова уж была эта семья, любившая во всем основательность и порядок.

Ганна сняла чугунок с огня и наполнила большие миски борщом.

Гости невольно залюбовались на хозяйку. Эта крупная женщина так красиво и пропорционально вписывалась в обстановку дома, как будто все здесь существовало именно для нее. Но даже сидя с ними за одним столом, она, будто оставалась в стороне, и никак не претендовала на участие в разговоре. Кузнец, поглядывая на них исподлобья, большими ломтями резал серый домашний подовый хлеб, а Роман, тем временем, извлекал из котомки гостинцы. Он знал, что Федор (так звали кузнеца) любит пропустить стаканчик – другой за обедом, но меру знает, и работу станет делать лишь в трезвом виде, храня свою марку.

– Вот это дело! – Федор открыл бутылку – сливовая, монопольная, ай да молодец!

– Это Иван нас угощает, – добавил машинист, подвигая к себе тарелку.

Сели обедать, и налили по стаканчику, выпили и сразу налили еще. Замечательный, обжигающий борщ. В нем было все, что надо, свежие свекла и капуста, картофель, сало, сладкий и острый перцы, только что сорванная с грядки зелень. Несколько минут они ели и похваливали, затем Иван осмотрелся. Дощатый длинный стол, за которым они сидели, оказался огромным – добрых футов 8 в длину и почти 4 в ширину, дерево, из которого он был сделан, от времени потемнело, но все же это был великолепно сработанный стол, на шести ногах, могучий и устойчивый. Иван подумал про себя: кузнец не посрамился бы перед британскими мебельщиками. Он снова налег на борщ, хозяин же попробовал из вежливости сыр, но есть не стал, отрезал несколько кусков к обеду и велел жене убрать остальное. Слишком уж прочно врезался в память недавний голод и волнения, чтобы пренебрегать запасом на завтрашний день. Однако, сливовая палинка, видно, пришлось ему по вкусу. Начался разговор о погоде, покосах, при этом хозяин ел, пил и несколько не был

расположен к деловой части беседы. Все же пришел черед и разговора с Иваном. К этому моменту вся неловкость общения растворилась без остатка. Федор крайне удивился тому, какой путь проделал он в столь смутное время через Чехию и большую часть Польши. Имя Агапова Иван Карлович пока не называл. Не говорил еще и о том, что ехал из Лондона.

– Хочу заказать крест каменный для могилы родственника, мужа моей любимой сестры. Видимо, Иван произнес фразу недостаточно громко, поскольку глуховатый кузнец сразу же переспросил:

– Для любимой сестры? – он удивленно поднял глаза, прислушиваясь.

– Нет, для русского офицера, погибшего в здешних краях, в Ворохте – поправился он.

Ганя, которая в тот момент привстала из-за стола, чтобы налить мужу добавки, выронила из рук половник, он со звоном ударился о печной блин и откатился к столу. Федор разлил остатки водки по стаканам и недовольно глянул на жену. Взгляд его, хотя и строгий, словно просил у нее какого-то прощения, гости заметили его смятение, возникла недолгая пауза, которую кузнец, впрочем, нарушил первым:

– Камень тут скверный, ломкий, долго не проживет. Сточит дождь, да ветер за десяток лет. Можно, впрочем, выковать крест железный, поворонить, да съест его ржа, рано или поздно, ясное дело. Дерево, самое прочное сгниет любое под этими дождями, язвы их. Может... – он задумался. Поднялся из-за стола и прошел к окну, выходящему во двор. Гости заметили, как сильно хромает Федор на правую ногу. Вероятно, хозяйину пришла в голову какая-то идея. Он указал огромным пальцем на мешки из пергамента, стоявшие под навесом.

– Цемент, вот это дело. Если правильно составить раствор – пойдет как материал для надгробия. Два года назад в Вороненке умер ее двоюродный брат, – кузнец кивнул головой в сторону жены. Тамошние мужики крест католический отлили из цемента в земляной форме... Смотрелся он плохо – серый, с неровными краями, даже углы были не прямыми, но таковы уж были сделавшие его, видать, с кривыми руками. Ясное дело,

если постараться, изрядно лучше выйдет. Добавить камешков мелких гладких, внутрь каркас заложить из стального прута для прочности, форму сделать красивую... Знатно будет! – кузнец хитро прищурился, поглядев на Ивана.

– Денег не жаль, а если помощь нужна, рассчитывай на меня, Федор, только времени у меня мало, пора в обратный путь, – Иван посмотрел ему в глаза и добавил – И табличка должна быть на том кресте с надписью – «Прапорщик Григорий Агапов, погиб 12 августа 1916 г».

Тут Ганка с недовольным видом встала из-за стола и удалилась в соседнюю комнату.

Хитрое выражение на заросшем бородой лице кузнеца сменилось явным удивлением, он ни слова не произнес в ответ, стремительно последовал за ней из кухни. Затем из-за толстой стены прилегающей комнаты гости услышали обрывки Ганкиной речи. Тон ее голоса повысился, отчасти из-за глухоты Федора и они смогли разобрать только: «я тогда сделала все», «я говорила тебе, ты же уже все отдал им», «Дева Мария!».

Через несколько минут Федор вернулся, а жена вдогонку добавила еще что-то по-польски и хлопнула огромной дверью комнаты так, что дом вздрогнул. Взволнованный, великан – кузнец весь будто сжался.

– Нам трудно забыть войну после стольких лет, ей тяжело все это вспоминать.

Федор устался в пол и замолчал, продолжая сжимать в могучей руке тяжелое кольцо со связкой ключей. Казалось, он готов сдавить и сломать кованое кольцо. У Ивана Карловича забилось сердце: может, он знал Гришу, этот великан, может, воевал рядом с ним?

– Пошли в кузню, там посидим и поговорим, Ганка расстроилась. Не выношу, я, когда она плачет, вроде давно все это было, а напомним что-то и... Характер у нее переменчивый, это точно. Она, ведь, тогда, в 16 году не одного меня вытасила, троих пыталась спасти. Да только выжил я один – Федор махнул рукой.

– Господь с тобой, – забеспокоился Гибсон, выжил – молодец, значит, так Богу было угодно.

С трудом после сытного обеда преодолев небольшой подъем, они вышли на Яблоницкий тракт. Федор, прихрамывая, шел все же большими шагами, и путники еле успевали за ним. Кузница и амбар темными силуэтами выделялись на фоне розового заката в просвете между синими горами. На дорогу спускался легкий туман.

Федор открыл ставни, запертые на замок снаружи, в кузницу ворвался свет, и гости, войдя, увидели, какой строгий порядок был во внутреннем убранстве: простая и прочная мебель аккуратно расставлена, инструмент разложен строго по размеру и по назначению, стружки подметены и убраны. Тут находилась и кузнечная и столярная мастерская, несмотря на, казалось бы, несовместимость огня и дерева. Внутри мастер разделил эти столь разные производства несгораемой перегородкой из глиняных кирпичей так, что горячие угольки и искры при ковке никак не могли попасть к стружкам и деревянным заготовкам. А тепло горна хозяин использовал для сушки дерева, запасенного для поделок. Брусья сохли под потолком, закрепленные на металлических кованых крюках в правой половине мастерской. Там же стоял верстак с огромными деревянными тисками, над ним в стеллаже лежали рубанки и фуганки всевозможных размеров, молотки деревянные, резиновые и металлические. В левой половине размещалась кузница и горн, еще хранивший остатки тепла. На полу высилась горка готовых подков разных размеров. Одному богу известно, скольких усилий стоила хозяину вся эта мастерская, но видать, здесь был весь смысл его жизни.

Будто угадывая мысли гостей, глуховатый Федор сказал:

– Бог не дал нам детей, конечно, если б был сын, помощник во всем и продолжатель дела... так уж вышло... Я тут и швец и жнец, мастер по дереву и железу. А кому сейчас доверишь дело? Доход – невелик, кто деньгами рассчитается, кто продуктом, али товаром каким, а все в дело сгодится.

Тут Федоров задумался, а затем снял добротные табуретки со стола и, расставив вокруг, предложил гостям сесть.

– 16-ый год... Охотский полк? А бог его знает, какой был полк, какая разница, к тому времени все перемешалось. Просто

от полков тех один пшик оставался. Агапов – знакомая фамилия, кажись, был такой у нас под Боришковцами. Пули поверху, под ногами – вода с грязью по колена. А снаряды к нам летели один за другим, да все мимо. Австрийские пушки против наших вдесятеро чаще стреляли, даром, без толку. Пушкарям зарядов сильно не хватало, но все же наши точнее били!

– Точно ли то был прапорщик Григорий Агапов? – загорелся Иван.

– Да, почем мне знать, Григорий или Николай, мы и имен то всех не знали. Но Агапов точно был. Но был ли он ротным? Из новых временных прапорщиков, разве. Ваши благородия-то при своих делах были, а нас бросали по нарядам, да по окопам... Он наморщил лоб, вспоминая что-то.

– Горько всем пришлось оттого, что уважения не стало ни к царю, ни к императрице, ни к старшим офицерам. Веры не стало ни во что! Мерзость одна. Слухи ползли гадкие о мини-страх, о Распутине. Здесь под Ворохтой стояли все остатки после большого наступления, которые, как мне кажется, вошли в армию Лечицкого. Новое маршевое пополнение только подошло, а что толку в нем было, то были совсем слабаки. Высоту брали с большими потерями. Колючкой там было все опутано, мы еле успевали ее резать, а снаряды летели один за другим. Уж не могу знать, отчего все так сложилось, только многие погибли, тысячи солдат и офицеров ни за грош на той проклятой войне. Генералам на это было наплевать.

Знаю точно, перед наступлением я был определен в гренандеры. Тащил на себе бомбы, ножницы для колючки. Наверное, меня тогда здорово шарахнуло мадьярским снарядом, я почти в самом начале сражения потерял сознание и до ночи провалялся на дне окопа, медленно приходя в себя. Потом уж санитары и местные жители подбирали раненых. Осколок вошел в бедро, побил кость, но артерию не задел, это меня и спасло. Но, конечно если бы не Ганна...

О том, что наши все-таки выбили мадьяр с высоты и уничтожили всю их артиллерию на другой стороне Прута, я узнал уже много позже.

Долго я чувствовал себя каким-то предателем, когда для меня война закончилась таким образом. Потом боль прошла, начались смутные времена... Каких тут только вояк не было! Натерпелись мы тут всяких страхов, голода, холода. Каждый правитель что-нибудь отобрать норовил. Да, только уж я отворачивался. У меня к тому времени уже никого из родных в живых не осталось, хотелось мне домой, да что-то останавливало, вроде, как и перетерпел. Наверное, всем воевавшим тогда здесь, за Россию нужно поставить памятник, давайте помянем их.

Вся эта несвязная тирада была произнесена кузнецом неторопливо по-русски, с каким-то северным акцентом, временами он нажимал на «о». Иван Карлович слушал все это, и на глазах его даже заблестели слезы, здесь, вдали от Родины этот человек говорил о самом близком, родном.

Федор встал и хромая, побрел в угол мастерской, открыл сундук с большим кованым кольцом на крышке и двумя пальцами извлек оттуда пыльную четверть зеленого стекла с узким горлышком. Нашлись там и граненые стаканы, в которые потекла молочно-мутноватая самогонка. Мужчины встали и выпили по-русски, после чего кузнец не говоря ни слова, вновь наполнил их.

Говорили и далее о войне, но мало было толку – хотя тема пробирала до слез, Федор ничего не помнил, кроме отдельных редких эпизодов. Путался во времени и в географии. Память его хромала больше, чем нога.

Роман толкнул Гибсона под столом – не пора ли возвращаться домой, на дворе становилось темно. Иван поддержал его – пора, в голове его шумело, выпито в тот день было уже более чем достаточно. Но кузнец согласился завтра же начать работу над памятником, а Гибсон обещал придти в мастерскую с утра и принять участие в работе. Это была победа. Домой пришли, когда уже совсем стемнело. Гибсон сразу же завалился спать, а Роман долго еще ходил во дворе, пил из колодца, и, только выкурив последнюю сигарку, отправился на боковую.

Алеша

Узкоколейка. Сало. Дождь. Утята. Легенда.

Дежурная по отелю разбудила нас, как и договорились, рано утром. В тот день мы собрались съездить на узкоколейке в сторону самой высокой горы Карпат – Говерлы. В этот же день планировалось возвращение в отель, в дорогу заранее были собран сухой паек – хлеб, шестигранный ярославский сыр, вода во фляге, овощи. Как всегда, на поезд опаздывали и волновались, особенно я. Впрочем, мы прибыли на станцию вовремя, а состав еще не был подан. Еще через 10 минут появились попутчики, ожидавшие того же поезда и железнодорожник в фуражке, вооруженный молотком с длинной рукояткой. Он успокоил отъезжающих, заявив, что рейс будет, и прошел в небольшой сарайчик, стоявший за путями. Спустя еще некоторое время к станции подъехал состав. Локомотив, ведший его, напоминал очертаниями гусеничный трактор, точнее говоря, верхнюю его часть. Впереди находилась небольшая площадка с ограждением, под ней располагалась сцепка. Звук, который издавал мотор этой дрезины, был уж точно тракторным. Вагончики, подцепленные к этому тепловозу, выглядели вообще игрушечными и напоминали аттракцион «Детская железная дорога».

Дедушка приобрел билеты сразу в оба конца, и мы заняли свои места в поезде. Сиденья, стоящие напротив друг друга, находились только с левой стороны – с правой же оставалось пространство для стоячих мест. Вверху, как в трамвае, на длинную штангу были нанизаны рукоятки для того, чтобы пассажиры могли держаться за них во время пути. К моменту отправления попутчиков прибавилось, но не все сидячие места оказались занятыми. Тепловоз низко загудел и тронулся, вагоны хорошенько трянуло, в окно пахнуло дымком солярки.

Наше путешествие уже продолжалось не один час. Поезд шел с частыми остановками, народу в вагонах прибавилось – люди ехали на работу, был будний день. Я уже было задремал, как напротив нас устроился плотно сбитый мужчина лет пятидесяти в круглых очках с большими диоптриями и сразу же заинтересовался мной.

– Мальчик, а ты сало украинское любишь? – обратился он ко мне, хотя не похоже было, что он собирался чем-то угощать.

Сало я, признаться, терпеть не мог и растерялся, не зная, что ему ответить.

– Нет, – засмеялась бабушка, – сало он не ест!

Дед, услышав разговор о сале, подключился к беседе:

– Да он вообще плохо ест... Котлеты, правда иногда ест, огурцы, помидоры... Мы, знаете ли, с Волги, приехали полюбоваться вашей природой, замечательными горами.

Дядька все не унимался насчет сала и уже полез в сумку, для того, наверное, чтоб продемонстрировать нам его великолепный вид и отрезать для пробы кусочек. Запахло чесноком. Мне это не понравилось, и я отвернулся влево и сделал вид, что меня что-то заинтересовало за окном.

Дедушка нахмурился, поняв, что обладателю сала мы неосторожно «наступили на мозоль». Тем не менее, его интеллигентность и дипломатичность возобладали:

– Спасибо, мы не будем пробовать Ваше сало, любезнейший. Мы признаем, что в здешних краях сало самое лучшее и не стоить спорить об этом... Вы просто кушайте, и не обращайтесь на нас внимание, мы сегодня хорошо позавтракали. Как зовут Вас?

– Николай Петрович – назвался попутчик, подобрев, – можно Мыкола.

Разговор тот не окончился ничем, так как за окном возник чудесный вид. Туристы энтомологи – студенты киевского университета, сидевшие впереди, в один голос воскликнули:

– Вот это да! Говерла, смотрите все сюда!

Весь народ в вагончике, который никогда не видел этого чуда (и мы), дернулся в правую сторону и прильнул к окнам, так, что даже образовался небольшой крен. В это время как раз состав шел по высокой насыпи, и все увидели в просвете между деревьями огромную гору, полукруглая вершина которой возвышалась над облаками. Зрелище это было невообразимо ярким, величественным. Зеленые покатые склоны не были освещены лучами солнца, судя по всему, где-то около вершины шел сильный ливень, небо там было прорезано темными полосами.

Внизу же погода продолжала оставаться сухой и теплой, солнце иногда прорывалось сквозь облака и ярко освещало долину.

Я не мог оторваться от окна, такой картины мне никогда не приходилось наблюдать, огромный темный силуэт Говерлы медленно приближался к нам. Я не видел ничего подобного ни в Крыму, ни на Кавказе, где вблизи моря горы каменисты и невысоки.

К сожалению, в тот день погода испортилась и у подножья. Деду не удалось сделать много снимков – небо стало совсем темным, и полил сильнейший дождь, около двух часов нам пришлось дожидаться обратного поезда, укрываясь от него в здании станции, грязном и душном.

– А как звать тебе, хлопчик? – обратилась ко мне старушка с большой корзиной, тоже ожидавшая поезд.

– Алеша. Я был не очень общителен в свои восемь лет, но женщина излучала такую добрую энергию, что я невольно улыбнулся ей. Я понял, что она не собирается нас угощать салом, и, удивляясь самому себе, спросил ее:

– Вы тоже в Ворохту? А что вы везете в корзине, можно посмотреть?

– Дивись, Алеша. Она развязала лямки и приподняла кусок полосатой ткани, прикрывавший корзину. И тут я увидел четырех замечательных маленьких желтеньких утят! Они сидели на дне корзины тихо, только беспокойно вертели головками. Один немного выделялся своими размерами и двигался шустрее остальных. Вдоль спинки его проходила темная полоска. («Это утенок Тим» – решил я, вспомнив героя любимой книжки).

– Какие они славные! – не удержался я. Бабушка и дедушка тоже с большим удовольствием любовались на них.

– Куда же вы везете такое чудо? – спросил дед.

– В Ворохту, – она вздохнула. – Думала дочке оставить, да не берет она их. На днях собирается в райцентр на работу переходить, надоело, не хочет в селе жить. Да, милый у нее в райцентре, справку оформили, что тут поделаешь, тут не до утят. Любовь! Свадьба у них скоро. Да я и рада, что у нее все хорошо. Не хотите купить их? Я хлопчику утят недорого отдам.

Бабушка с дедушкой отрицательно завертели головами:

– Мы скоро уезжаем далеко, нельзя, мы их не довезем, к тому же, мы живем очень далеко в большом городе. Скажите, а поезд всегда здесь так долго задерживается?

– Да, тут долго будем ждать, – сказала старушка, завязывая тесемку. – Приедем к ночи. Да, вы послушайте, я расскажу одну историю. Я много историй знаю. Алеша, ты ведь любишь сказки?

Сказки я любил.

Она хорошо, гораздо лучше тех, с кем здесь нам приходилось общаться, говорила по-русски. А история, рассказанная ею, мне запомнилась.

Вечная любовь

В одном селе жил парень, которого прозвали Прут. Как-то заработался он в горах и решил не идти домой, а заночевать прямо в лесу. Нашел он себе высокую стройную ель и расположился под ней. И приснился ему странный сон – будто пришла к нему красивая девушка, вся в зеленом. Девушка гладила его по волосам и пела песню. Но только парень протянул к ней руку, она тут же исчезла. Проснулся он, а вокруг никого. Заметил только на ветке зеленую ленту. Запала девушка ему в душу, и решил он ее найти. Следующим вечером он опять устроился под той же елью, но не спал. Уже стемнело, и он увидел, как из-под земли появилась та девушка и пошла прямо к тому месту, где спрятался Прут. Только подошла она к дереву, как парень выскочил и обнял ее. Он спросил, как ее зовут. Она сначала испуганно смотрела на него, но потом улыбнулась и сказала: – Говерла.

После той ночи Прут уже почти не появлялся дома. Все время он проводил в горах. Они полюбили друг друга. Однако Говерла была дочерью горного царя, поэтому она не могла спуститься с гор к людям.

Как только отец узнал о ее любви, он проклял ее.

Не смогла она дальше жить без него и прыгнула вниз с высокого обрыва. Сразу поднялся страшный ветер, который

разрушал все на своем пути. Утром снова засияло солнце, и люди увидели, что на месте долины теперь стоит огромная гора. Долго искал Прут Говерлу. Побежал он на гору и услышал ее голос. Не вернулся он больше к людям.

И с того времени потекла вниз горная речка, прокладывая себе путь между скалами. И прозвали люди речку Прутом, а гору Говерлой.

Григорий

На позиции. Разведка. Баня. Рождество

В окопах резерв жил уже неделю, и она казалась целой вечностью. Несколько дней бушевала метель. Ледяной ветер нанес тучи сухого снега, который засыпал бойницы, набился в узкие ходы сообщений. Агапов, будучи «полуротным» сутки не спал. Борьба с природой вымотала всех. Взводный с багровым от ветра лицом с утра уже два раза проходил по окопу и кричал, чтобы выходили на расчистку бойниц и ходов. Наверное, если потеплеет, весь этот снег в окопе станет талой водой. Григорий поежился от этих мыслей.

Война в ту пору сделалась позиционной, атаки противника стали редкими. Часовые на брустверах проглядели все глаза: австрийцы теперь почти всегда делали вылазки в маскировочных белых халатах, едва различимых на снегу. Для бывалых русских солдат это было непривычно...

Низкое свинцовое небо вновь и вновь обрушивало снежные заряды, лишь иногда где-то вдалеке ухал разрыв гранаты или слышались отдельные выстрелы.

Ротный в малой землянке грелся чаем, несколько солдат, сходявших ночью в разведку, спали на досках рядом с печкой. Агапов ухватил рукавицей за раскаленную ручку тяжелый чайник, налил стакан до краев. Руки дрожали. Пригубил с жадностью горячую влагу.

– Григорь Иваныч, сколь это безобразие еще будет продолжаться?! Еще немного и нас завалит тут, как в одной большой братской могиле! – в голосе ротного послышались нотки

рыдания, – порой так хочется броситься в атаку, чтоб хотя бы окоп захватить австрийский приличный или погибнуть героически, право все осточертело. Этот пейзаж наблюдать больше нет сил. Твои там держатся, копают?

– Копают вторые сутки, – Григорий обмакнул сухарь в чай, – насчет окопа с комфортом – согласен, давно пора. И чтоб патронов к этим – побольше, – он кивнул на сваленную в углу охапку трофейных ружей, – давно уже без дела.

Рославлев безнадежно махнул рукой и бросил взгляд на безжизненный со вчерашнего дня телефон.

– Связь не восстановили пока, прапорщик. И обед из собрания с вином не несут, – мрачно пошутил он и добавил: – А ведь носили? Помнишь Ярмолинцы? Какие обеды! Рассольник, котлеты по-киевски! Кофий со сливками. Нет, брат, шалишь, дороги назад нет...

Григорий закрыл глаза и погрузился в мечты. Он не ходил в то собрание, не ел обедов и не мечтал о вине. Панибратство ротного его не очень-то трогало. Что он видел в своей жизни, этот мальчуган? Может, я все же заболеваю... Он потрогал лоб, но ощутил только испарину. Метель завывала где-то высоко наверху ритмично, будто весь этот чертов окоп раскачивался, как качели, а вокруг не снег, а все в яблонево цвет, новые и новые лепестки цветов летят и кружатся, падают к ногам. И он увидел дом со слуховым окном наверху, комнаты, что он снимает у Глебского, Жуковскую, липы. Качели взлетают прямо к слуховому окну, выше, вот и Волга, откос, высоко, голова кружится. Внизу отплывает пароход, красивый, белоснежный, с «самолетским» золотым вензелем на носу. Салон сияет хрустальной чистоты окнами и карельской березой. Деревянные жалюзи. Он вздохнул. Мечты длились какое-то мгновение. Открыл глаза. Над ним низко нависли прогнувшиеся брусья, сдерживавшие земляной потолок. Где-то ухнуло совсем рядом, посыпалась земля сверху, затем еще разрыв – комья полетели в окоп. Рославлев, ругаясь, привычным движением прикрыл стакан рукой.

– Что ж им, сукиным детям, не сидится спокойно?! Звякнул нерешительно телефон. Затем уже настойчиво затрещал. Ви-

димо, связь все же восстановили. Поручик снял трубку, нахмурился, пытаясь сквозь шум и треск услышать далекий голос.

- Атлас, Атлас, я Шторм, пока семьдесят! – заорал он в трубку, – на левом еще лучше. Пошлю. Да. Слава богу! Доложу. Два фунта хлеба и углей побольше. Пока мы не играли. Говорили мало, и то, в основном кодами. Уже тогда точно знали – враг подслушивает и телефон, и телеграф.

– Скажите мне, Григорий Иванович, Вы же человек ума, так сказать, государственного – не возьму я в толк... Сербия против Австрии и Венгрии, и русские против них всех, ну а немцы-то причем? Зачем нам с ними приходится воевать? Государь против Вилли? Абсурд... Он вопросительно посмотрел на Агапова, но тот ничего не ответил и просто грустно взирал на свои промокшие сапоги. Григорий и сам многого не понимал...

– Готовьте наряд, прапорщик. К ночи, 22 часам, теперь пусть отдыхают. Иванова не трогайте, оставьте при себе, Климова, там, Митрофана этого, нового... ну еще кого-нибудь третьего. Чтобы осторожно, не высывались без дела. Он выплеснул из стакана чай, в который влетел ком земли, – помните, что вы – резерв. Вот снег разгребайте, смотри, сколь навалило...

Рославлев откинулся в своем импровизированном кресле из ящичков, широко расставив колени, одна рука его сжимала саблю, воткнутую ножнами в рыхлую землю, другой он активно жестикулировал, будто читал стихотворение на экзамене.

Григорию вдруг невыносимо стало жаль этого мальчишку, еще не видавшего в своей жизни ничего кроме этой гадкой войны. Стал думать, кого назначить в наряд. Вылез в узкое окно землянки, прикрыл его брезентом, встал, пошел по позиции.

Разрывы сделались частыми. Артиллерия вздымала фонтаны земли со снегом, земля сыпалась сверху все чаще и чаще, скатываясь с бруствера на дно окопов. Сами окопы являли собой жалкое зрелище. Канавы, да и только. Кое-где брустверы осыпались, их невозможно было использовать, бойницы отсутствовали, козырьки обрушились. Просто кучи мерзлой земли, никаких укрытий от артиллерийского и минометного огня нет. Где-то вдалеке, уже почти перед самой позицией противника стояли столбы с колючкой.

Дав солдатам указания, он отправился на правый фланг, посмотреть на работы по укреплению бруствера, разваленного недавно снарядом.

Рядовые, назначенные им, и не думали выполнять задание, а вместо того о чем-то ожесточенно спорили, часто поминая лозунги эсеров. Они даже несколько не смутились появления прапорщика, напротив, попытались привлечь и его к дискуссии. Не расположенный к политике и пустым разговорам, Агапов отмахнулся – лучше работайте, завалит тут, никакие эсеры не спасут. Продолжая спор, умники все же взялись за лопаты, но работы никакой не произвели, просто делали вид, что трудятся и продолжали болтать.

Агапов еще с гражданской жизни заметил эту «славную» привычку символизировать бурную деятельность, по сути, топчась на месте, если не вредя общему делу. Люди из окружения начальства, примазавшиеся правдой и неправдой к значимым проектам, грешили этим. Причем, в земстве хорошим тоном считалось поддержать заведомо выигрышные начинания, и по успешному завершению таковых, лишний раз побить себя в грудь, мол, мы трудились, не покладая рук. Однако, если речь шла о трудной и неблагодарной рутинной работе, ее старались передать кому-то, чтобы не рисковать. Так делались карьеры, звания, добывались ордена. Создавая толпу в курительной комнате Городской Думы, обсуждали они судьбы страны, не прилагая к сим судьбам ни капли труда. Неспособны они были к действиям на благо народа и державы, и работали с прохладцей, однако не забывали исправно получать немалое жалование. Эта категория чиновников с успехом существовала, в поте лица выправляя себе благополучие, карьеру, доходные места. Прав все же был Бенкендорф, гроза чиновников... *(Имеется в виду министр времен Николая I Бенкендорф, прогрессивный политический деятель, ярый противник мздоимства, принявшего среди чиновников угрожающие размеры. После выступления декабристов на Сенатской площади Б. просил царя проявить милость и заменить бунтовщикам смертную казнь каторгой. – прим. А.Л.)*

Конечно, то было не на войне, и параллели, проводимые Григорием по поводу бездельников, были не более чем грустная шутка в мыслях. Если бы эта проклятая война не началась....

Можно было бы продолжить реформу 1906 года по земельному вопросу, можно было бы найти деньги на приобретение у крупных и средних землевладельцев их собственности. Наверное, лет десять ушло бы на это, а может, и больше, но тогда государство бы уже процветало, и крестьяне были бы заняты на своей земле, и средний класс был бы не в обиде...

Проклятая реальность выросших за сутки из снега и грязи сугробов и колючий ледяной ветер пробудили Григория и вернули на землю, а точнее, под землю в блиндаж к более мрачным мыслям. Будто из вредности, война отбросила людей на годы назад.

Агапов собрал свободных от наряда солдат у тупого угла окопа, образованного правым и левым флангами. Митрофана он почему-то не обнаружил. Это некоторым образом обеспокоило его, Агапов привык к ясности, когда шла речь о наличии людей, тем более, на позиции. Бойцы только развели руками: да где же его сыщешь, небось, запасает патроны или к юдинским пошел. Григорий оставил себе лишь Иванова и Говорова с лопатами, да Семена при пулемете, а остальным, идущим в наряд, велел до ночи отдыхать.

22 дек. 1915

Сейчас ночь. Нет-нет прогрохочет пушка. Бесперывно слышится редкая ружейная стрельба. Почти каждую минуту вспыхивает зарево освещения, это австрийские ракеты. Все, в особенности последнее, очень интересно. Право, красивым кажется и рокот выстрелов и иллюминация. Как-то плохо вяжется и не укладывается в голове то, что ведь это дело разрушения и смерти.

Где-то далеко на горизонте зажглась тонкая полоска рассвета. Метель, видимо почувствовала усталость и прекратилась. Так прекрасно было без летящих в глаза ледяных колючек...

Спать совсем не хотелось. Агапов отряхнул комья снега и земли с шинели и вышел из землянки, преодолев несколько не-

верных ступеней у входа. Предстоял новый день, совсем рядом Рождество и новый 1916 год, новый месяц этой бесконечной зимы, новые заботы. Куда-то их бросит судьба еще?

Прошло еще несколько дней и ночей. Атаки и разведки австрийцев замерли к рождественским дням. По окопам ползли слухи о перемирии в период праздников, но они оставались только слухами, поскольку приказов свыше не поступало. Через два дня роту вывели в дивизионный резерв.

Ура, баня!!! Солдат мыли в наскоро построенных резервниками низких банях–землянках, топившихся по-черному. Несмотря на отсутствие всех удобств, все же это был не обстрел! Мытье получалось весьма условное – старую грязь смывали, но многие выходили из бани со следами копоти, совершенно угоревшие, тут же падая в снег.

Наконец, почта пришла, это всегда было так радостно для всех и тревожно, кто-то не получил весточку из дома, кто-то со слезами на глазах уже в десятый раз перечитывал свежее послание. Агапов ждал посылку из дома, да пока ее не было, только пришел один конверт от Мэри.

Дома топится голландка, наряжают елку в средней комнате, Вера делает для детей из бумаги звездочки и гирлянду... Юра уже такой большой, он почему-то представил его возле елки в бескозырке, рядом игрушки, лошадка и пожарная машина. Получат ли дети подарки на этот раз, будут ли мандарины? Сердце сжималось, они так далеко там, в заснеженном городе, одни, без него. Что-то тяжелое, плохое виделось между строк – война отобрала у них последние радости жизни, остались лишь надежды на будущее.

Как же нестерпимо долго тянулось время! Позиционное противостояние продолжалось, перемен не ожидалось...

26 дек.

Собирался я писать тебе вчера, но весь день у меня было такое плохое настроение, что никакого письма я написать не мог. Я думал, что у вас елка. Как хотелось мне быть с Вами. Найди в себе мужество примириться с совершающимся в жизни. Будь мужественна.

1 янв. 1916 г.

С Новым Годом поздравляю, – желаю, чтоб он был счастливее старого и я больше времени был бы вместе с Вами, мои дорогие людиночки, чем было то в прошлом году.

Вчера вечер выдался на редкость красивый, той особой красотой, где выступает не блеск, яркость красок, или изящество и мягкость пейзажа, а чувствовалась особенно сильно мощь природы. Какие-то несколько суровые тона, тяжелые, могучие, но не давящие облака, в другом месте почти открытое небо, прочерченное могучими линиями тонких слоистых облаков...

Я не могу дать хорошего рисунка, а только чувствовалась такая необъятность-безмерная могучесть природы, нашей извечной матери. Каким жалким казалось это щелканье орудий, эти разрывы шрапнелей, эти выбрасывания фонтанов земли и пыли. Казалось, что все это так, легкая забава, игрушка. О всяких возможностях я, конечно, думаю, но в сознании твердо и ясно стоит «пусть будет, что будет!» То, что должен, я надеюсь выполнить безупречно т.е., конечно по скольку хватит уменя и разуменья. Пусть будет, что будет. Конечно, я надеюсь увидеть тебя... Я надеюсь еще и пожить, попользоваться жизнью, сделать еще хоть что-нибудь нужное в жизни. Но пусть будет, что будет! Проникнись и ты фаталистическим настроением. Ведь неизбежное и случайное неотвратимо. Примиримся наперед, будем спокойнее ждать событий, не расстраивая себя наперед тем, что может и не случится.

Пришла пора Рождества. Офицеры промеж собой встретили его в маленьком охотничьем домике. Это был первый Новый год на фронте не только для Григория. Вспомнили тех, с кем начинали этот путь на юго-запад, тех, то погиб и тех, кто, выдвинувшись, проходил теперь службу в штабе или ставке.

– А недурно, в самом деле, быть на этом свете Александровым – вырвалось у Юдина, – ни тебе окопов, знай, сиди, пиши бумаги за генерала.

– Что-то он сейчас поделявает?

– Это тоже надо уметь, Георгий. Но быть Александровым не хочу. Что-то как-то ближе мне быть самим собой и на своем

месте – сухо парировал Петраченко, – а не пора ли нам поздравить наших бойцов, да и к общему столу, господа?

– Отчего ж, пойдем, поздравим! Господа без энтузиазма потянулись за головными уборами. Свежий воздух ударил в нос. Звезды рассыпались по всему безоблачному черному небу, ни малейшего ветерка, ни снега, будто война и погода затаились на время, готовясь к новому штурму. Было морозно, и снег приятно поскрипывал под начищенными сапогами. Офицеры направились протоптанной за эти немногие дни резерва тропой к солдатскому жилью.

Они заняли свои места на лавках, расставленных вдоль барака, украшенного еловыми ветками. Длинные сосновые столы для трапезы с простыми скатертями, простые белые тарелки, кружки, много свечей. Запах тяжелый. Полковник и священник отец Михаил вошли, и все встали в дружном приветствии...

После того, как священник размахивая кадилом, произнес молитвы, Носов как-то совсем безрадостно объявил, что, мол, Рождество, Новый Год, и командование всех поздравляет. Затем знаком дал понять, что можно садиться, и продолжил речь. Он долго гундосил обычное в таких случаях о том, какое положение на фронте, о государе императоре и императрице и благотворительности и пр., б-ээ, м-ээ, получилось долго, нудно, косноязычно.

Офицеры, те, что младше, этого не слушали, шептались о своем, вспоминали дом. Разыгрался аппетит, слава богу, закуска на столе была по военным временам неплохая и в большом количестве. На подносах лежали половинки жареных кур и уток, украшенных мочеными яблоками и брусникой, тут же в тесках стояла квашеная капуста, солености. Конечно, замечательный, свежий хлеб. Военный народ украдкой косился на дальний край стола, где вопреки сухому закону, как и в добрые старые времена Охотского стояло жестяное ведро, наполненное водкой, и унтер-виночерпий нетерпеливо ожидал команды к началу трапезы.

С официальной частью было покончено, и, наконец, приступили к еде. Приставленный к спиртному старший унтер Матвей

Громов степенно, с чувством достоинства наполнял кружки. Полковник Носов и его адъютант ели и пили со всеми вместе, по другую сторону за столом сидели Петраченко, Рославлев и Томинский. Были тут и гости из старших офицеров, но Григорий их имен не знал.

Это был праздник, простой солдатский, которого все ждали, в какой-то мере он был семейным, дорогим каждому сердцу, так уж было принято в 43 Охотском полку. После первых тостов бойцы зашумели, первое напряжение было снято, солдаты ели с аппетитом и Григорий радовался их смеху, грубоватым шуткам и вспоминал своих крестьян, таких далеких и таких похожих на этих ребят. Все же, пока присутствовало начальство, некоторая грусть осеняла чела бойцов запасной, да и ротному тоже было как-то не по себе.

Потом старшие офицеры вышли. Солдаты поднялись с мест, да Носов милостиво сделал им знак продолжать трапезу и достал платок, чтобы вытереть пот со лба. Адъютант почтительно подал полковнику портфель и, накинув на плечи шинели, они вышли на свежий воздух. Петраченко последовал за ними, тут же, закуривая на ходу.

А Григорий и ротный остались в батальоне. Уходить к себе в домик не хотелось, было бы как-то совсем грустно встречать Рождество в одиночестве, и Агапову пришло на ум рассказать ребятам какую-нибудь историю для развлечения, и не только, тем более, водки больше не осталось, и закуска тоже подходила к концу. Он долго вспоминал «Двенадцатую ночь», но так и не решился воспроизвести нечто из нее, и попытался изобразить в лицах сцену из «Гамлета», где Марцелл и Горацио видят призрак, и все получилось здорово. Сначала ему долго пришлось рассказывать солдатам о Гамлете. Они всегда хорошо слушали рассказы Агапова, который выражением, четким поставленным голосом умел привлечь внимание кого угодно.

*«Кто там, железной поступью идя,
Ночной порой, приняв обличье,
Монарха датского –
Ответь, я заклинаю!» (ред. автора)*

Временами бойцы задавали вопросы: про короля датского, и как они тогда все жили, да какое оружие у них было, что такое алебарды, кто такие – «сатиры». Григорий терпеливо останавливал действие и разъяснял. Но в целом Шекспир был тем и хорош, что непонятных моментов в нем немного, язык прост и доходчив. Добрались и до Офелии и ухаживаний Гамлета.

Его слушали сначала внимательно, но к третьей картине ему стало казаться, что все это так далеко от людей, что сидели рядом.

– Ваш благородие, – перебил Митрофан, – ты нам бы лучше анекдот или сказку рассказал...

– А про бабу тебе не надо сказку рассказать? – солдаты покатались со смеху. Все знали Митроху как тихоню, блаженного, скабрезных историй и сальностей он не говорил, все строил из себя святого.

Он грустно вздохнул и отвернулся. Что творилось в этой маленькой рябой голове, оставалось только гадать.

– Ну и что, Охвеляя? А красивая была она, Ваш благородь? – спросил Семен, дабы поддержать прапорщика и нарушить неловкое молчание.

Агапов секунду помедлил.

– Да, она была хороша собой. Только против наших девушек, русских бледнее, тоньше. Вы вспомните наших, – румяные, бодрые, с охапкой дров зимой, али с двумя ведрами на коромысле? Нет, Офелия не такая. Она тихая, задумчивая, но с сильным характером...

Тут вообще что-то все загрустили и задумались.

– А не спеть ли нам, – предложил Григорий, про Стеньку? Ротный командир разрешает? Он покосился на Рославлева, тот махнул рукой – валяйте, пойте...

Они долго драли глотки, иногда и «Глаз» подпевал, да в такт не попадал, певец из него был никудышный, слов он не знал, слуха у него отродясь не было, только это его не смущало и в целом получалось смешно, хоть и не очень складно. В перерывах между песнями глянули с грустью на пустые кружки и продолжили тему о любви.

– Что вам сказать о бабах? Вот погодите, – шутил Григорий. Война кончится – у каждого молодца по три жены будет. Точно, готовится такой указ царя во имя пополнения русского человеческого рода.

– Верно прапорщик говорит, слышал я про такой указ, – подмигнув, поддержал его ротный. Он у нас ученый государственный человек – земский статистик, советник, все знает.

Митроха заморгал глазом.

– Да чем такую прорву прокормить? Разве ж моя земля столько харчей даст? А детишки? Сколь их будет, от каждой по семеро?

Ротный раскраснелся, в уголках глаз сверкнули слезы от смеха:

– Ты настрогай сначала столько, тихоня!

– Это он на людях тихоня, а что он бабам задает, один черт знает!

Смеялись все, беззлобно, как дети. Много раз Григорий замечал – они здесь как его ребята, не те, что остались дома, тех не заменить никем, но все же он нянчился с ними, беспокоился об их здоровье, закалял, тренировал. И они отвечали ему добрым словом, делились с ним радостью и горем. А главное, в основном рота не сильно уменьшилась по составу. Он знал, у других полуротных и людей-то почти не осталось, где 25%, где 30.

Болезни, вши, холод добивали солдат, если не было куража, желанья выжить, душевного настроения оставаться вместе с друзьями до конца, во что бы то ни стало победить, но не умереть. Если офицер не был товарищем, если наказывал по делу и без дела, да грубо покрикивал, чаще всего бойцы уходили. Высокомерия никто не прощал. К австрийцу шли в плен, прятались в лесах, скрывались в деревнях, дезертировали, сговорившись. На Западном фронте были отмечены случаи братания с немецкими солдатами. Не все солдаты, конечно, понятны были прапорщику, некоторые оставались темными лошадками, тащили свою лямку, да и только. Что от них можно было ожидать в трудную минуту, одному богу было ведомо.

Агапов также не склонен был приписывать дезертирство и членовредительство эсэровской порче, напавшей на людей, влияние ее еще не набрало сил. Да и понимания сложных правовых вопросов в людях не было. Бойцы просто устали от страха, остервенились от всех этих кошмарных лишений и ежедневного вида смерти. Равнодушие высшего штабного начальства, стяжательство интендантов и лихость унтеров солдатам отнюдь не добавляли патриотизма. К тому же солдатская масса на 60–70 процентов была крестьянского происхождения. Обиженные, оторванные от земли, оставившие свои семьи умирать с голоду, они, наверное, поверили бы обещаниям социалистов. Каким образом экономические и правовые вопросы втолковать бесправному человеку? И кто повинен в его бесправии?

Еще более Григорий задумывался о политике, сидя в окопах. Времени думать и записывать свои мысли в черный лаковый блокнот было предостаточно. Когда привозили газеты, он с жадностью читал и перечитывал их, часто оставаясь в разочаровании. То, что ранее казалось незыблемым, святым, правдивым по самой сути выглядело сегодня по-другому. Ужасные слухи ползли о семье императора, о влиянии Распутина. Рост цен, падения политиков. Черное, страшное виделось между строками истлевших, зачитанных до дыр листов: простонародье голодает или идет на фронт умирать, а государственные мужи пьют шампанское и развлекаются вне опасности. Нет, разве все это было правдой?

Статьи о Западном и Юго-Западном «без перемен» выглядели откровенным враньем. Наступления, громкие крики ура, захваченные в плен австрийцы, подбитые аэропланы – этого он почти не видел. Понятно, газеты призваны поддерживать дух у населения и патриотизм в войсках... Больше прочих изданий за правдивость и культуру слога он любил простое и понятное «Солнце России», да, к сожалению, многие выпуски на фронт не доходили. А еще попадались листовки меньшевиков и большевиков, призывы к миру, братанию с вражескими солдатами, «обманом втянутыми в бойню» и т.д. Газеты и листовки приходили и уходили на самокрутки и растопку. С ними сгорали строчки, буквы, но сомнения оставались.

Рассуждения о правах, о земле, мире пугали. В простые решения глобальных задач Агапов как крестьянин, земский статистик и человек государственного ума поверить не мог. А как «офицер военного времени», он считал, что воевать нужно до победного конца...

Григорий

Новый Год. «Солнце». Неожиданная встреча. Александров. Александровский сад. Противостояние. Дорога.

1916 г. 27 января.

«Милый мой папа. У нас на елке были только двое детей – Зося и Валя. Мама нам выписала журнал «Золотое Детство» с играми и приложениями. Еще для склеивания «станция железной дороги, паровоз и тендер», вагоны, а еще старинная помпейская вазочка и биоскоп. Сегодня пришел подарок № 6 – в нем было приложение «Русский терем», и картина «Наигрались». Мы несколько раз зажигали елку и плясали. Когда пришли журналы тогда мы плясали как краснокожие».

Милая Аля! Григорий Иванович прочитал еще не один раз этот листок, вырванный из тетради в линейчку. Он любовался на эти крупные, старательно выведенные карандашом буквы. Кто еще мог больше порадовать его сейчас. Будто эта маленькая заснеженная избушка наполнилась запахом пряников и мандаринов. Он представил маленькую златокудрую девочку с большой куклой на руках и книжкой про индейцев. Аля любила книжки с приключениями, про отважных мореплавателей или покорителей дикого запада. А ведь она теперь уже почти на целый год старше. Присланные в посылке сухари и варенье, вмиг были съедены, в углу охотничьего домика еще валялась пустая упаковка...

За окном распоряжалась переменчивая западная зима, то с морозами, то с оттепелью и влажными ветрами. Под жестяной крышей висела громадная сосулька, спускавшаяся до самой завалинки. Снега выпало много, и морозы, чередовавшиеся в январе с дождями, образовали на нем толстую наледь. Когда

выпадали редкие солнечные дни, наст сиял, наполняя домик бриллиантовыми искрами. Чаще все же погода оказывалась пасмурной, напоминая о том, что рядом горы.

Юдин был погружен в чтение журнала, полученного с почтой. «Солнце России» всегда радовало здесь, вблизи фронта. Особенно интересным открытием для него как любителя фотографии стали работы новых фотохудожников – пикториалистов – Мирона Шерлинга, Наппельбаума. Их священнодействия с фотопластинками и бумагой породили необычные творения – фото, раскрашенные вручную по точкам, монтаж композиций редкой красоты. В номере были и рассказы, но их чтение он отложил на потом, как ребенок жадно разглядывая репродукции художников. Последние страницы, отведенные для рекламы, притягивали взгляд: красавицы с перманентом рекламировали тут шелковые чулки, французские духи, шоколад и печенье. Давно знакомые названия: «Эйнемъ», «Абрикосовъ», «Мюр и Мерилизъ»... От всего этого веяло той настоящей жизнью, где был театр, синемаграф, музыка, любимые книги. А главное мир. Без выстрелов, гнойных ран, вшей и всякой прочей мерзости. Если бы те, для кого сейчас роскошь была реальностью, могли знать, видеть обратную сторону войны, почувствовать ее на своей шкуре?!!!

О приближающемся наступлении все знали. Короткая, такая сладкая передышка кончалась, снова летящая земля, снег, и ледяной ветер. Они переглянулись, будто думали об одном и том же. В самом деле, о чем еще было думать. Вещмешки уже были собраны.

Около полудня в передней послышались чьи-то шаги, затем раздался грохот опускаемого на пол чемодана и ругань:

– Черт, какой тяжелый, всю руку оттянул, гад! Где тут дверь, темень египетская!

Только один человек, один везунчик на всем этом проклятом фронте мог это сказать. Дверь распахнулась, и на пороге предстал перед ними во всей своей красе прапорщик Александров.

– Вот и я. Что, не ждали? Ну, встречайте, черти. Не рады, что ли?

Они бросились обниматься и, шутя, мутузить неожиданно-го гостя, даже сдержанный в чувствах Григорий не удержался. В конце-концов, они вдвоем повалили его на пол, и покатались, как дети, смеясь и хохоча.

– Ну, будет, будет, дайте же раздеться, слезайте с меня, дурачки!

– Сашка, какими судьбами? С особой миссией от ставки, не иначе? С инспекцией?

– Кончайте дурака валять! – Сашка снял шинель, повесил на крюк у двери, поправил усы.

– Жизнь непроста и фортуна переменчива. Иногда может к тебе и задницей повернуться. Но сегодня не тот случай. Если бы вы знали, как я рад вас видеть живыми и здоровыми! Он тут же открыл саквояж и извлек из него бутылку шампанского Абрау-Дюрсо зеленого стекла. Хлопок, стаканы наполнены, пена стоит горкой.

– Ну да, будет грустить, Новый Год на дворе!

Друзья долго разглядывали его, будто не веря своим глазам. В самом деле, появление здесь Александрова было подобно грому среди ясного неба. Кто мог ожидать здесь этого холеного типа? Он рассказал свою историю. Как и предполагал Григорий, она оказалась банальной. После расставания с друзьями осенью съездил в краткосрочный отпуск, вернувшись, многократно был командирован в Могилев и Каменец, и пути его не пересеклись тогда ни разу с 387 ротой, где служил Агапов. Работая при штабе очень старательно и аккуратно, он уже готовился к повышению. Благодаря протекции родственника это казалось возможным. Нелишне при этом сказать, врагов и завистников себе нажил немало, да по недомыслию не обращал на них внимания, недооценивал. В конце года в ставке начались перемены, многие, в том числе и влиятельный родственник, оказались персонами *non grata*.

Однажды Сашка был направлен с первым важным заданием к полковнику Арефьеву. Как можно было догадаться, речь шла об организации помощи союзникам в переброске моторизованной бригады на Западный. Ехал не один, с подпоручиком

Вольским, времени было вдоволь собраться в дорогу и отдохнуть, как следует. Будучи при деньгах, пайке и окрыленный важностью происходящего, Александров в Тернополе уговорил Вольского сходить в гости к знакомой, молодой вдове офицера П...ской и провести там вечер при свечах и с гитарой. Отчаянный повеса Вольский с радостью согласился, они сговорились с вдовой по телефону, и для компании пригласили еще одну даму, работавшую в госпитале. Вольскому эта девушка была знакома еще с зимы 1914, когда он с ранением ноги провалялся там целых пять недель. Рослая русая красавица с голубыми глазами – Тамара обладала удивительной чистоты и силы голосом. Александров, как увидел ее, просто спятил от ее шарма. Трепетная встреча состоялась, они провели незабываемый вечер с водкой и шампанским вином, перешедший в бурную ночь. Он и сам не заметил, как отключился, а когда на другой день поздно утром проснулся, обнаружил пропажу своей полевой сумки с бумагами. Исчезли бесследно деньги и... Тамара. Они перерыли весь дом П..ской, все тщетно. Александров поехал в тот госпиталь и с немалым удивлением узнал, что такой медсестры там не значилось. Он вспоминал все детали вечеринки и ничего не мог понять – сумка была все время в поле зрения, женщины были явно благонадежными...

В итоге – горькое признание, потом поход на поклон к родственнику. Фронт был лучшим исходом в той ситуации. Документы, правда, не могли представлять интереса для противника, но утеря их в военное время сулила очень большие неприятности. Родственнику удалось с трудом и подарками, естественно, кому надо, замаять дело Александрова. Вольский, при всем том, каким-то чудным образом вышел сухим из воды и вернулся в ставку, как ни в чем не бывало. Он-то никаких документов не терял. Это вызвало у Сашки подозрения и обидные разочарования в окружавших его людях. Направление в Охотский полк к старым друзьям он выпросил сам – это явилось для него нормальным логическим завершением всего случившегося.

Естественно, радость встречи с живыми и здоровыми друзьями по Временной затмила на мгновение все неприятные

мысли об окопах и прочее. Они были вместе, вспоминали Киев, поезд, дом Балака, фотографический аппарат.

Вытряхнув последние капли шампанского в стаканы, он вернулся к грустной теме:

– Что, помыли бойцов в бане, теперь и в грязь! Когда выступаем?

Юдин ничего не сказал, лишь опустил взгляд в «Солнце». Из журнала выпал и закружившись, приземлился на дощатый пол маленький засохший красный листочек вяза.

Григорий поднял его и, крутя в руках за стебелек, молча сел за стол, грустно задумавшись. Мысли его мгновенно унесли к дому, и он вдруг неожиданно для себя представил прогулку с Мэри в Александровском саду осенью 14-ого.

Он ясно, ясно помнил тот день. В середине сентября сад завален золотом и пурпуром листьев. Она любила собирать их, соединять в большие и маленькие букеты, приносить их домой...

И в тот день они гуляли по аллеям вместе, с упоением вдыхая прелый сладкий запах осени, собирая большие желтые и красные кленовые листья. Солнце еще немного грело, и Мэри была без головного убора, ее волосы, так любимые им, непослушные, шевелил легкий ветер. Они спустились на одну из террас откоса и болтали как дети обо всем. Григорий держал ее руку в своей, они стояли на площадке деревянной лестницы под большими вязами. В просвете между деревьями блеснула свинцовой краской Волга, за ней желтели пески и луга Бора, домики на другой стороне реки казались крохотными. Радость ощущения рядом этой замечательной женщины, с которой его так много теперь связывало, переполняла Григория Ивановича. Он был покорен ею окончательно и бесповоротно. Дети, работа, дом – все связывало их. Он все думал о том, что пора бы узаконить их отношения браком, а она не торопила, все говорила – мы и так с тобой целыми днями на работе и дома вместе, шутила, мол, могу надоесть. А еще все откладывали: вот сдадим годовой отчет, уж тогда и... вместо годового отчета встала другая неразрешимая проблема – война.

Фронт нисколько не отодвинулся за эти дни. Раскаты гаубиц, обрушивавших смертоносные удары на наши позиции, продолжали следовать с небольшими перерывами. Иногда этот вой затихал, сменялся на щелканье русских орудий. Безумное тупое противостояние продолжалось и днем, и ночью. Ночное небо фронта наполнялось иллюминацией осветительных ракет, летящих на парашютах, вспышками прожекторов, рыщущих в низких темных облаках. Природа щедро добавляла к этой картине то снежные метели с холодными сырими ветрами, то оттепель с дождем, то трескучий мороз. Окопы ненасытно требовали несметное число новых солдат, а пушки – снарядов.

Агапов поглядывал на Юдина и на Александрова, и радовался, что снова с ними, хотя, на первый взгляд, совсем не многое их объединяло в начале пути. Тогда все они казались ему чужими, путь к его, Агаповской душе, его личным, драгоценным мыслям был закрыт. Что происходит? Теперь они вместе и главная их задача – выжить и победить. Да, они будут стоически добиваться этого, другого не дано. Так нужно ему и Мэри, их детям. Он должен! Если он не сумел раньше съездить в отпуск домой, то через 2-3 месяца будет вновь подавать рапорт. Тогда не откажут. Не могут отказать.

1 февраля

Опасность для артиллерийских офицеров в особенности в настоящей стадии войны, когда нет быстрого движения вперед или назад, ничтожна. Убыль у них крайне незначительна. За все отдувается святая пехота. Ее и вошь ест, и пули и бомбы и снаряды и штыки донимают.

6 февраля.

Детишек целую. Хотел бы еще с ними поиграть, или еще разок посмотреть представление. Теперь стараемся петь песни. Эти окопы далеко – не услышат. Это там было: как распоемся, так бомбы швыряет окаянная сила

10 февраля.

В окопах все страшно занесло. Чистить, чистить – беда.

12 февраля.

Теперь я опять на передней линии окопов, шагах в 100 от неприятеля, но хуже всего погода. Метет и метет, анафема – совсем измотала. Нет сил справиться со снегом. Ходим все мокрые и почти нет возможности обсохнуть. Одним словом, погано.

18 февраля

Теперь мы снова на 2-ой линии. Снегу нанесло – беда. Грандиозные канавы – ходы. Глубиною 4-5 аршин, задувает снегом до самого верха. Бедные солдаты натерпелись такого, что просто беда. Весь мокрый, с головы до пят, до самой последней жилки. Согреться нигде, в блиндаже грязь по колено. Оказалось, что я знаю невероятное количество песен. Кто бы и что бы не запел, я все поддерживаю, и благодаря знанию песен сильно помогаю. Особенно безголосым (как и я) любителям пения доставляю я много удовольствия: со мною и за мною можно петь много и интересно. Даже от картежной игры отставали. Уехать в отпуск как-нибудь свержурочно я не сумею. На себя не надеюсь. До меня очередь дойдет месяца через четыре.

Противник стоял так близко, что в те редкие перерывы в стрельбе, когда австрийцы доставали свои котелки, острый запах кислой капусты долетал до русских окопов. Совсем рядом, метрах в тридцати от бруствера русских стояли покосившиеся столбики, от одного к другому тянулась колючка, местами густо переплетенная, кое-где она была нарушена бомбами. По иронии судьбы заграждение это являлось общим достоянием. Рославлев даже как-то мрачно пошутил, что восстанавливать его следовало бы совместными усилиями.

Блиндаж мог вместить, по меньшей мере, человек двадцать, но чаще всего в укрытии вообще мало кто находился. Дело в том, что вода от таяния снега прибывала угрожающими темпами, и убежище на два-три вершка наполнилось бурой жижей. Сапоги быстро промокли, солдаты непрерывно работали лопатами и даже пытались ведром откачивать воду с грязью из блиндажа. Тщетно. Температура воздуха поднималась, снег таял. Как могли, сопротивлялись натиску воды. Копали оттоки

в сторону снижения уровня, ненадолго это спасало. Пытались также построить сваи. Рядовой Перевезенцев при очередных водоотводных работах обнаружил вмерзшую в лед подкову. Подкова почему-то не хотела выходить из льда, и солдат, подкопав вокруг, понял, что она прикреплена на совесть. Он все же в расчете на счастье извлек её с куском копыта.

Все подручные строительные материалы были пущены в ход для создания мостков над прибывающей водой, свай и укрепления брустверов.

Работали и днем, и ночью, кроме того, как и положено, несли караул, ходили в разведку, готовились к штурму укреплений неприятеля в ночь на 20-е. Ожидалось усиленное подкрепление огнем артиллерии. Никто не знал всех деталей наступления, но можно было догадаться: численность русских войск на этом участке намного больше и откладывать штурм нельзя.

В тот день Григорий в бинокль увидел в утреннем свете движение со стороны тыла и услышал вой артподготовки. Через какое-то время вспыхнули сигнальные ракеты. Снаряды, полетевшие за ними в высоту, исчертили дымными линиями всю видимую над окопами часть неба. Мощные разрывы раздавались со стороны леса. Над черным массивом деревьев взмыла стая испуганных птиц, затем опять последовал грохот пушек.

Телефон в блиндаже затрещал, и Агапов только успел услышать до следующего разрыва доклад ротного о состоянии резерва. Еще высунулся в сторону своих: шло наступление.

Огонь австрийских орудий усилился невероятным образом, но участь их была уже предрешена. В бинокль Григорий увидел громаду авангарда, устремившегося в атаку. До окопов противника было едва пятьдесят-семьдесят шагов!

Растянувшись цепью, бойцы бежали вперед, через две минуты оказались на уровне остатков колючей проволоки. Снег в некоторых местах предательски проваливался, ругаясь, солдаты падали, поднимались, и вновь продолжали бежать вперед.

– Заряжай! Огонь! Ветер доносил команды невидимого ротного, его бойцы уже поравнялись с буковой рощей, затем засвистели пули.

Впереди, один за другим, последовали разрывы австрийских снарядов, осколки, земля, куски льда пронесли над окопами резерва.

В этот момент ударила русская артиллерия. Ударила вовремя и точно, разом накрыв огневые точки террасы на холме. Однако сила сопротивления не спадала. Огонь пулеметчиков из фортификации австрийцев стал шквальным, пехота страдала. Агапов с ужасом увидел, как вблизи вражеского окопа цепь нападавших русских поредела. Более двадцати солдат рухнули, скошенные очередями, затем еще и еще...

Из окопов противника полетели гранаты. Стоявшие ближе к австрийцам на левом фланге ребята авангарда метнули свои смертоносные цилиндры и залегли на снегу. Бой вошел в заключительную фазу.

Артиллерия после мучительно долгого молчания дала залп по укреплению над террасой. Бойницы холма замолкли, потонув в дыму. Говор шкоды (*марка пулемета, прим. А.Л*) оборвался на полуслове. Земля, мешки с песком, части орудий, людей, куски дощатых и плетеных из ивняка и обмазанных глиной сооружений – все это падало вокруг плотным дождем. Удар был удивительно точным, снаряды шли плотно друг за другом в одну точку. Прижав к себе винтовки, нападавшие залегли на секунду, чтобы вскоре подняться и выпустить следующий заряд. Многие уже не встали тогда, раненые или мертвые, и Григорий не мог понять, кто где. Сердце сжалось в комок. Дым и летящая в глаза земля – более ничего невозможно разглядеть.

Движение в окопах противника остановилось, и последний шварцлозе в окопе на левом фланге, добитый шрапнелью, замолчал – русские пошли в штыковую, сопротивления уже почти не было. Где-то в ходах еще копошились люди в австрийской форме, Агапов видел шевеление касок, но основная масса была уже перебита.

Уцелевшие бойцы авангарда в упор из трехлинейек расстреливали противника и лезли в ходы, били прикладами лежавших живых и мертвых для верности без разбору. Кто-то из вражеских солдат устремился в сторону леса, но скрыться в нем было

нельзя: пространство среди редких стволов простреливалось. Все было кончено.

Зрелище было ужасным. Все пространство от позиций австрийцев до укреплений русских было равномерно покрыто мертвыми и ранеными. Какова была судьба самых смелых, брошенных на штурм? Взятие узла обороны и новой высоты обошлось им недешево, но был ли другой выход?

Но противнику все это стоило еще дороже. Разбитые блиндажи, полностью уничтоженные бойницы с крупнокалиберными орудиями и пулеметами, огромные потери людей. Укрепление на середине холма превратилось в огромную выбоину, воронку, земля из которой сползла по склону вниз, в сторону леса и заполнила собой до бруствера край окопа на левом фланге.

Он поднялся слегка по восточному склону холма и увидел то, что и ожидал – самое страшное, самое ужасное. Окоп австрийцев был наполовину заполнен талой водой, и в воде той плавали убитые, (кто говорил: у них, австрийцев окопы суше, лучше...). Просто убитые, и части человеческих тел, разорванных взрывами. Сотни убитых, чаще всего это были молодые солдаты, совсем мальчишки, им бы еще учиться, а не воевать. Лишь только несколько трупов капралов и взводных офицеров лежали в стороне. Пулеметчик, откинутый взрывом на другую сторону канавы, перевесился, неестественно выгнувшись и улыбаясь... Каска, полная окровавленного снега валялась в двух шагах. Что так развеселило его?

Агапов сделал несколько шагов над окопом, стараясь не съехать по склону, и не глядеть вниз. Его рвало на снег, усеянный гильзами, Григорий распахнул шинель, снял папаху, чтобы дать себе больше воздуха, стало не лучше, лишь холодней...

Несмотря на статус запасника, ему уже не в первый раз приходилось видеть смерть, впрочем, не дай бог к этому привыкнуть...

Солдаты, расположившиеся в лесу, развели костер и грелись, учебные собирались на краю леса. Ротный ходил по лесу с побелевшим от ужаса лицом. Ему легче было видеть смерть на расстоянии ста метров и более. Сегодня она смотрела на

него в упор. Буковый лес – беспристрастный свидетель бойни с легким шумом монотонно раскачивал свои верхушки. Рославлев достал из ножен саблю и срубил несколько сухих веток для костра. Его трясло от страха и холода.

К полудню прибыл дополнительный санитарный обоз, священник. Занимались ранеными, убитыми. Прощались с погибшими, тут же хоронили. К запаху смерти прибавился запах ладана, карболки и прочие медицинские ароматы, некоторых бойцов с трудом укладывали на носилки, промокшие шинели и сапоги почти вдвое увеличивали вес несчастных. Потери были и у запасников. Тяжело ранен осколком в живот был Перевезенцев, сжимая до крови в руке подкову, он старался превозмочь боль.

– Вот тебе, и счастливая примета! – вырвалось у Юдина. Тут Агапов заметил, что друзья рядом, все живы и почти невредимые. Только у Сашки левый рукав шинели потемнел от крови.

– Зачем высунулся, дурак?

– Да ты не смотри, царапнуло чуть-чуть. Уж фельдшер прижег и спирту дал... Завтра как новый буду. Что, думаешь, я за смертью приехал сюда – не видать ей меня!

Сашку от спирта здорово развезло, он и дальше нес что-то, бравирова, наверное, чтобы забыться немного, да никто его не слушал.

По телефону передали распоряжение о переходе на новую позицию. Маршевый батальон должен был выйти через освобожденный участок к тракту и по нему двигаться в направлении села Пригорки. А еще, часть артиллерии получила приказ и готовилась к походу, сворачивая орудия. На тракте ожидали крытые грузовики и подводы, подтянувшиеся с востока в последние часы. Войска противника теперь стояли значительно западнее и на переходе опасности не представляли.

Ротный занимался погрузкой кухни, и охрипшим голосом отдавал команды кухонному наряду. Самые сильные и крупные Федоров и Комаров грузили с подвод тяжелые ящики с провизией:

– Раз-два, взя-яли! – и отправляли в кузов машины.

У обочины стояли, дрожа от холода, пленные. Их было немного, и они тоже совсем юные и без усов, лишь корпорал (*кап-*

рал – прим. А.Л.) в полевой куртке с двумя звездами с оторванным погоном выглядел постарше. Вид их был жалок. У некоторых из них не оказалось шинелей, обувь была разорвана, раны кровоточили. Григорий впервые так близко видел врага, он был удивлен их головными уборами с кокардами и двуглавыми орлами, почти такими же, как и в российском гербе.

К вечеру слякотная погода сменилась легким морозом, тракт стал пригоден для марша, и отряд, немного передохнув, выступил в путь.

Самый страшный бой забывается. Есть время спеть песню, почувствовать новую дорогу, выкинуть из головы кошмарные картины оторванных рук и ног, снега, розового от крови...

Дорога и смерть – тяжелый труд, привычная доля пехоты. Все годится, чтобы согреться – и песня, и частушка. Коль и петь ты не можешь – не беда, главное, жив, горлань со всеми вместе, то есть сил. Тянет к земле рюкзак, скатка, а все же это не шрапнель в воздухе и не рукопашный бой. В дороге вспоминаешь, кто ты есть, да по сторонам поглазеешь, вот они, поля кругом бескрайние (наверное, там рожь озимая, а здесь капуста да свекла...). Вот вдоль дороги стройные, как девушки пирамидальные тополя, а за ними озимые. Крестьянские домишки уцелевшие порой попадают. А поглядишь – если в ином искрится свет за слюдяным окошком, так сердце и загрузит.

В пути и вошь не так ест (наверное, по сторонам смотрит), а промокшие сапоги сами-с собой высыхают. Офицер кричит:

– Не отставай! А сам норовит шмыгнуть в кузов грузовика или на телеге отсидеться.

А еще есть такое счастье – привал. Чай в стальной кружке – прямо с огня, комок сахара, сухарь, да самокрутка. Разжиться душистым табачком у друга. Разговор душевный у костра, да что б ноги поближе к огню. Негромкая песня, забавная история – тут все сгодится...

Нет, жизнь в дороге не променяешь на низкий блиндаж или осыпающийся окоп с водой.

Будь она благословенна эта дорога, дай бог ей чистого неба. Дуй, солдат, до следующей позиции, пой песню и жди следующей дороги, если выжил.

В мыслях о предстоящих бесконечных дорогах Григорий вернулся к семье, далекой и такой близкой. Уже год он без нее. Возможно, что-то из писем не дошло.

Он представил себе дом и сад во дворе, заваленный снегом, сарай с тянущимися к ним прокопанными в сугробах ходами, покрытые инеем деревья. Все это такое милое, домашнее казалось миражом, оазисом, возникшим в голове усталого путника посреди заснеженной пустыни. Агапов сомкнул глаза и отключился.

Батальон интенсивно продвигался вперед по твердой заледеневшей дороге. Люди смертельно устали, но командиры не давали команду на привал. Надо было пройти за остаток светового дня больше. К тому же и подходящих условий для разбивки лагеря не находилось поблизости, даже никакого укрытия от ледяного ветра не было.

Одинокие голые пирамидальные тополя, небольшие холмы – нигде даже не было намека на возможность ночной стоянки. Три часа марша. Три часа встречного холодного ветра, голод и усталость давали себя знать.

Григорий

*Переменчивость весны. В Котелеве. Вид на соседнее село.
Новая команда.*

Переходов было еще много. Западная весна, неожиданная и нестабильная пришла. Снег, дожди, холод и оттепели чередовались. Под ногами расплзлось месиво грязи, куски льда, но, порой, сухие и солнечные апрельские деньки высушивали дорогу и, тогда поземкой летела мелкая пыль, забивая глаза. Кажущееся наступление лета исчезало и весь цикл повторялся снова...

Он снова стал обитателем квартиры, а прапорщик Юдин занимал соседнюю койку. Будто и не было того боя, сидения в окопах, гниения заживо. Вновь он замечал доброе отношение к себе солдат, это радовало его измученное сердце, больше и радости не могло здесь быть, кроме как сознание своей полезности.

За радостями приходили разочарования, начальство пребывало в плохом настроении, командир полка появлялся неожиданно, то тут, то там, доставалось и Петраченко. Григорий невольно слышал, как Носов отругал его за дисциплину. Большое недовольство вызывало у него качество учебной подготовки в полку. Ожидали визита генерала от инфантерии, необходимы были документы, карты, планы...

Капитан после того разговора сник, стал еще более молчаливым и посуровел. Агапов помнил его с временной – боже, фронт сильно изменил его. Петраченко, холеный киевлянин, гордый и независимый, мучился сомнениями. То, что казалось незыблемым для него: правда, достоинство и честь офицера, вера в командира – все это рассыпалось, как карточный домик. Жестокая реальность постоянного нарушения устава, хозяйственная неразбериха, ложь, подхалимаж, отсутствие дисциплины и полное отсутствие веры во все доброе – что еще могло быть хуже на войне? Низшие чины еще могли свыкнуться со многим, все равно деваться было некуда, да, впрочем, разве они не нарушали ничего? Капитан многое носил в себе, вовсе не желая нагонять излишний страх на них, увы, так мало зависело от этого сейчас. Поступило пополнение, старые и новые проблемы перепутались, смешались в головах офицеров военного времени, ни к чему не пригодных.

Агапов открыл дверь хаты и вышел во двор. Из под ног выскочил пестренький поросенок и рванул в кусты. Григорий улыбнулся: беги, малыш, прячься, пока не съели тебя эти первобытные люди. Снабжение продовольствием было вполне сносным, грех жаловаться, но желание украсть и полакомиться на дармовщинку, увы, оставалось неистребимым. Для некоторых солдат и низших офицеров на войне стало просто привычкой пользоваться чужим, тащить все, что плохо лежит. Эти новые проявления среди военного люда очень не нравились прапорщику, и, если ему приходилось ловить кого-то на воровстве, последствия для нарушителя оказывались серьезными, чаще всего ему приходилось выполнять самые тяжелые и неприятные работы. Увернуться от наказания не было никаких шансов.

Но сейчас настроение у Григория было благостным. Он аккуратно прикрыл хилую калитку плетня, державшуюся на куске проволоки и отправился к реке. Преодолев небольшой подъем, Григорий оказался на вершине.

С этого холма на правом берегу открылся чудный вид равнины и пологих склонов, покрытых темным лесом на западе. Расстилавшееся перед ним зеленое пространство было изрезано грунтовыми дорогами и тремя мелкими речками. С южной стороны на солнце сверкали два озера, а с северной начиналась полоса мелколесья, прикрывающая кукурузные поля. Погода разгуливалась, шло тепло.

В середине равнины цветные хатки соседнего села рассыпались у излучины реки, как стеклышки в калейдоскопе, аккуратным шестигранником. Там разместились казаки. К их плацу, огороженному плетнем, примыкал ряд палаток, тянувшийся до самого села. Агапов поднес к глазам бинокль – к воде в седле спускался отряд шашек в пятьдесят, это была их малая часть, остальные, наверное, занимались во дворах лошадьми и оружием. Ехавший впереди есаул маленького роста смешно привставал в стременах, когда его каурый пускался в галоп.

Природа радовала глаз! В низине местами пробивалась зелень. Снег уже нигде не лежал, земля пробудилась ото сна, берега кое-где светились голубыми и желтыми головками душистого первоцвета. Лишь горы загадочной чередой стояли вдаль и их синеющие вершины напоминали о прохладе.

Здесь, на всем этом огромном пространстве, занятом дивизией от озер до мелколесья закипала настоящая военная работа, какой раньше не было, которой с волнением ждали. Необходимо было укрепиться здесь для мощного неожиданного для врага броска, обучить бойцов, собраться с силами.

Как и другим младшим офицерам, Григорию поставили задачи: на ближних кукурузных полях разметить и подготовить место для занятий по преодолению препятствий, установить сотни метров колючки.

При одном воспоминании об этом Агапов становилось не по себе. Попробуй закрыть глаза и представить летящую на тебя

колючую проволоку, (какой мерзавец только ее придумал!). На бумаге у капитана все получалось относительно легко, на деле было совсем непривлекательно. Опыта по установке подобных конструкций не имелось, к тому же колючка хранилась в очень тяжелых больших бухтах. Несомненно, придется нелегко. Черт бы побрал тех генералов, которые в своих высокопарных речах призывают солдат грудью и зубами рвать колючую проволоку при наступлении. Сами бы попробовали ее на зуб! Для преодоления препятствий Григорий считал обязательным наличие специальных ножниц, взрывных пироксилиновых шашек. Даже отрывочных знаний, вынесенных из Временной было достаточно для таких неутешительных выводов. Нужны были и специалисты – взрывники, хотя бы для обучения.

Он перевел взгляд с брошенных кукурузных полей налево. Отсюда шла черная кривая полоса свежей траншеи. Канавка тянулась саженной в сто и была вчера отрыта бойцами прапорщика Тимофея Гривы, только прибывшего из Киева. Брустверы, сделанные не по правилам, осыпались, но это стоило простить, так как трудились ребята из свежего пополнения. Сегодня им придется исправлять эти ошибки, впрочем, они наделают других.

А жизнь в полку шла своим чередом, Сашка Александров, нес свою службу, не высываясь, старшие офицеры не любили его и старались подбросить дел плохих и тяжелых, а он не строптивился, тащил лямку. Рана его зажила быстро, он все шутил – как на собаке. Порфирьич – полковой фельдшер, тогда еще зимой, обрабатывая рану, обозвал его везунчиком, Александров только хмурился, прикусив губы от боли.

Кругленький, обтекаемый со всех сторон Юдин, большую часть времени бездельничал. Временами даже поучал: не делай ничего, и не будешь ни в чем виноватым. Как ни крути – все одно, ошибешься, да навредишь кому, а, что и того хуже, себе самому. Гриша спорил с ним каждый раз, только зря, все выходило по-юдински: поторопишься выполнить приказ, заставят переделывать, а то и вовсе отменяют. Горько становилось оттого, что полезные идеи вроде и не нужны никому, и хуже безделья они.

Григорий знал: несмотря на пройденное, они в самом начале, все самое плохое и страшное впереди, учебное состояние – временное. Он видел, что происходило с опытными старыми солдатами, о чем они говорят, что им пришлось видеть, какая тоска у них на душе. Агапов мог погрузиться в свой мир, закрыв глаза и думая про литературный кружок, театр, работу в своем управлении. Это был огромный бушующий мир и для него он жил, будто не соприкасаясь с этой мерзкой войной, не зная страха за завтрашний день. Вера в него и любовь помогала ему в мыслях переключаться, подняться над тоской, пусть ненадолго, на миг забыть страх.

А затем вернуться вновь в этот чужой скучный военный быт, в котором ощущались боль и одиночество.

Он услышал сзади неторопливые шаги Василия. Нерасторопность и флегматичность денщика раздражали Агапова. Григорий порой покрикивал на него, только все напрасно, изменить его характер не представлялось возможным.

– Ваш благородь, Григорий Иваныч! Почта пришла, вот взгляни, да дома еще посылка, я уж не захватил сюда.

– Так что ж ты не торопишься, ирод. Знаешь, жду ведь! Будто чужой...

Он взглянул на конверты. Оба были не из Нижнего. Голубенький с расплывшейся от воды печатью пришел из Москвы от друга, а второй – желтой бумаги был переслан из Киева. Григорий нетерпеливо надорвал его и извлек второй конверт поменьше. Письмо пролежало почти год во «временной», вероятно из-за неразберихи со спешным формированием. Досадно было с таким опозданием получить послание от друзей из Семенова. Махнув рукой, он отпустил денщика, оглядевшись, выбрал место и присел на старые доски, видно, с осени запасенные для стройки, вскрыл конверт и жадно стал читать.

Друг из Москвы Александр Иванович прислал весточку в Пасхальную седмицу, писал о каникулах в Думе и каникулах у преподавателей, жаловался, что Гриша пишет очень редко. Еще писал о том, как трудно будет с летним отдыхом в Москве. Хозяева просят с дачников на 100–200% больше. О сыне Ни-

колае он сообщил, что тот в немецком плену, иногда пишет, но не все письма доходят, лишь одно из трех. Он жив и здоров, теперь они надеются на его возвращение в скором будущем. Зинаида Ивановна (супруга А.И.) за военные доблести сына получила орден Анны 4 ст. Вспоминал о своей зимней поездке в Нижегородскую губернию, в Лукоянов с докладом о положении на Кавказе. Александр спрашивал также, есть ли еще новые фотографические снимки, желал здоровья и благополучия...

Закончив с новыми письмами, он вынул из черного клеенчатого блокнота несколько старых от Мери, и просмотрел их.

Вечером, после поверки Григорий достал чернильницу и четвертинку бумаги. В хате еще не было шумно. Собравшись с мыслями, он начал писать, но тут начали один за другим входить постояльцы, и настроение поломалось, все-таки он продолжил, не обращая на соседей внимания.

11 апреля.

Все письма перечитал по порядку номеров. Их стало уже много. Придется уложить в чемодан – в архив. Оставлю только полученные сегодня. Содержимое посылки прикончили с громадным удовольствием. В душе я выразил сожаление, что мало сухарей...

24 апр.

Опять тронулись с места. По правде сказать, сидеть в учебной команде довольно-таки скучно, даже не то, что сидеть на позиции, на боевой страже. Но зато выгодность положения неизмеримая. Живем все вместе: начальник команды и два привата, а всех семеро (есть еще конюх). Давать письменные характеристики – дело мне очень неподходящее. Да не так оно и интересно. В общем, же много, очень много интересного. Только описать нельзя.

Согнув половинку листа аккуратно пополам, он достал блокнот и припрятал письмо между страницами, а отправить решил с оказией через Проскуров – быстрее дойдет.

Кроме Юдина все кругом люди новые, с ними ранее Григорий не встречался. Оба привата – коренастые, похожие чем-то друг на друга (как те ребята из ларца в сказке: «Что, барин, надо?»)

Их повелитель – начальник команды вообще оказался молчуном, лишь несколько слов проронил, угощаясь из агаповской посылки. Вроде, добрый человек, как показалось Грише, но, впрочем, время покажет. Он попытался обсудить с ним вопрос об учебных сооружениях, сразу же понял, что тот в строительстве ни бельмеса не смыслит, и отступился...

Хата, в которой их поселили, была немалых размеров. Хозяин, выстроивший ее в прошлом веке, любил простор и размах, жил зажиточно. Грубовато сработанная мебель из хорошего дерева и рамы окон с мощными ставнями напоминали о том, что тут жил не бедный крестьянин.

Жестяные ходики с неисправной кукушкой показывали половину девятого, и гирия их уже почти касалась земли. Они обгоняли «брегет» Агапова (в шутку он называл так свои карманные часы), который еще не дошел и до пятнадцати минут.

Вечер наступил незаметно, набежали тучки, закат в них был красивый, розовый-розовый и предвещал смену ясной погоды.

Пора было на боковую, но спать ему не хотелось, весенний ветер раскачивал за окном тополек, во дворе похрюкивали поросята, ворчал хромоногий старик, хозяин дома, поминая «бисову холеру», гремел ведрами, задавая скотине корм.

Агапов ворочался и видел, что Юдин тоже не спит и таращится в потолок, думая о своем. Вечерами люди приходили в себя от дневной неразберихи и хаоса, возвращались в мир своих воспоминаний, грез. Вот захрапел один из приватов, затем тихонько засопел второй.

– Что, не спится, Георгий? То-то, друг. Такие перемены, весна за окном, чудо, право! – зашептал Григорий.

Юдин повернулся в койке, взвизгнула пружина под его полным телом.

– Жаль, фотокамеры не стало. Такие виды! Слушай, Гриш, после войны вернись домой, займись фотоделом всерьез, студию свою заведу, святой крест! Нравится мне это занятие просто до страсти.

– Дело хорошее, что ж, и завод оставишь?

– Понимаешь, увлекся я. А завод – это так, без души. А за фотографией и синематографом – будущее.

– Да, ты прав, человек должен делать любимое дело. Вот здесь мы с тобой занимаемся не своей работой, хотя, конечно, нужно с умом и терпением к этому подойти. Ведь люди, это ж ответственность какая! Мне кажется иногда я в роли няньки...

Григорий вспомнил няньку – Катю, они называли ее за невысокий рост – «Катя маленькая». Мария Карловна наняла ее для присмотра за детьми еще тогда, когда они жили на Немецкой улице. Катя была пригожей девушкой, старательной и трудолюбивой. Если случалось задержаться им в земстве на пару часов – Григорий мог быть спокоен, дети будут накормлены, дома будет порядок...

Но эта история с разбитыми окнами! На Немецкой улице все знали этого парнишку. Женя рос с бабушкой, отец его погиб в Японскую, а мать начала с горя пить, да и скончалась вскоре, и парнишка совсем от рук отбился. Пробовал он работать, помогал старику сапожнику в подвале на Полевой, крутился на рынке у торговцев овощами. Только не клеилось у него, усердия, видно, не было. Вот Женька и связался с плохой компанией. Заправляли сообществом мальчишки постарше, кто-то поговаривал, что и оружие у них имеется. Ребята воровали, затевали драки, отнимали мелочь у гимназистов, играли в карты, пили водку. Ежели день у Женьки проходил без воровства, драки или приключений, то это был неправильный, неудачный день. Прохожие сторонились этой компании, гимназисты пробирались домой с опаской дворами, самым коротким путем.

В один прекрасный воскресный летний день Григорий, возвращаясь от приятеля, застал Женьку у ворот немецкого кладбища. Нахально перегородив дорогу Кате маленькой, он предлагал проводить ее домой, а эта скромница, вся краснела до корней волос от страха и волнения...

Увидев Григория Ивановича, Женька ретировался, но в понедельник он пришел к ним прямо во двор клясться ей в вечной любви. Видать, зацепила его Катюха.

Вечером того дня Катя была очень грустной, видно, на душе у нее скребли кошки. Допоздна она мыла и чистила добела сковородки и кастрюли, хоть в том и не было необходимости. Потом, умаявшись, она заснула на сундуке в прихожей, сжимая

в руке носовой платок. Григорий, проходя мимо, старался тише ступать, чтобы не разбудить девочку.

А на другой день, Катя Маленькая встретила Григория Ивановича в переулке на подходе к дому. Она была вся в слезах, русые волосы выбились из-под платка.

– Что с тобой, милая? Григорий наклонился к девочке. Она вся затряслась, рыдая. Губы твердили что-то бессвязное, она вцепилась в его руку, поникнув головой:

– Это все он, он. Он такое сделал... Ужас, ужас. Мне вовек не будет прощенья, Григорий Иванович, дорогой, что делать, скажите? Мария Карловна еще не видела...

– Что ты, Катя, успокойся, рассказывай, что стряслось. Надеюсь, все живы? С детьми все в порядке? Они ускорили шаг.

– Да, конечно, дети в порядке. Юрочка спит, он только просыпался, когда это приключилось, Аля играет в маминной комнате и спать после обеда отказалась, а Верочка пошла к подружке в дом Кирилла Семеновича, а этот негодяй, Женька... Тут ее снова затрясли рыдания, а Григорий уже издалека увидел все, что произошло. Три окна первого этажа дома на Немецкой были выбиты.

– Этот гад кинул в окно камнем и напугал Алю. Я увела ее в мамину комнату, но он разбил форточку и в кухне. Все от того, что я отказалась погулять с ним в парке. Но он ни капли не нравится мне. Он мне вовсе не симпатичный!

– Катя, надо говорить – он мне вовсе не симпатичен! – Григорий посерьезнел... Да-а, Катя, натворил он дел...

– Я во всем виновата, мне и отвечать. Чего он ко мне привязался? Не надо было вовсе говорить с ним, но я не знала, честное слово не знала, что он такой разбойник. Я отработаю, дядя Гриша, простите только меня и не прогоняйте.

Григорий нахмурился.

– Что же делать с тобой, красавица? Обещай, что не будешь больше рыдать. Ты и так уж наказана больше, чем нужно. Но теперь ты знаешь, какие бывают мужчины!

– Он не мужчина, он жалкий сопляк. Катя наморщила носик, – и вообще, я на целых три года его старше, мне двадцать

Катя маленькая и семья Г.И. Агапова.

скоро стукнет. Кто же бьет окна у порядочных людей?! Вот я пойду и сама доложу в полицию на него!

– Ну, полно, Катя. Главное – все здоровы, никто не пострадал. Все образуется... Знаешь, мы собирались переезжать с Немецкой. Я думаю, это произойдет во вторник или в среду. Ты не знала об этом?

Катя не могла знать об этом, поскольку эту идею они даже с Марией Карловной еще не обсуждали. Она постоянно задерживалась допоздна в отделе, работая над отчетом, а Григорий неделю назад вернулся из командировки в Семенов. После удачно завершенной работы по монографиям он наслаждался относительной свободой и старался не задерживаться на службе сверхурочно. Теперь собранная им в крестьянских хозяйствах и промыслах информация приводилась в порядок, так сказать, раскладывалась по полочкам. Вечерами он занимался с детьми, радовался их успехам, ждал со службы Мэри.

Они садились пить чай все вместе в большой комнате, то были лучшие дни. Мысль о переезде занимала его давно. Возникла возможность поселиться ближе к месту работы (ул. Жуковская)

Наступил день переезда. В помощь земство выделило работников для погрузки мебели и прочих вещей семьи Григория. Книги упаковали в коробки из картона, перевязали шпагатом, образовалось несколько чемоданов для платья, да большой холщевый мешок с игрушками.

Он отлично помнил этот день. Дети были возбуждены – мы едем в новый большой дом! Взрослые пересчитывали места багажа, следили за тем, чтобы что-то не потерять. Конечно, многое пришлось выбросить при переезде, так уж всегда бывает. Некоторые детские вещи (в основном Алины и Юрины) были подарены добрым соседям по Немецкой.

Дом на Жуковской не был новым, возможно, его построили в годы турецкой войны или чуть позже. Основательный рубленый дом с подсобными помещениями. Здесь семья Агапова заняла нижнюю четверть. Замечательный двор с садом, сарай для дров, надежный забор, все здесь очень Григорию нравилось.

В размышления Григория снова влез Юдин со своими тревогами:

– Я не против ответственности, не возьму я в толк, для чего нас к хозяйственным делам отнесли... Не нравится мне это. Чую беду. В командиры готовят, факт. С этой колючкой, будь она неладна, одни неприятности, она не снится тебе еще по ночам?

– Куда ж нас еще готовить? Сладим, бог даст силы. А про колючку, будь другом, на ночь не напоминай...

Дотянувшись до лампы, он прикрутил фитиль, и длинные тени на стенах потонули во мраке. Ночь наполнилась пением соловьев с примесью южного голубиноного гуканья.

11 мая

Как странно. Неожиданно быть здесь, о чем бы не могло прийти в голову раньше, не могло бы и присниться когда-нибудь....Поистинне, сон наяву. И все сон. Такое мирное, мирное небо, такие мирные поля на которых копошатся там и сям люди совершенно мирного труда (сейчас как раз пора сажать кукурузу). Мирная река, деревья в садах и в лесу. И даже грохот орудий не кажется таким грозным, наоборот, на общем фоне величия производит довольно мизерное впечатление (конечно, совсем другое впечатление, когда сидишь под огнем). Следишь здесь за дымом от снарядов разрывающихся там и тут и все же не получаешь конкретного впечатления ужаса о того разрушения, которое сопутствует разрывам. Правда, ночью гул орудий имеет более зловещий характер, оттого, вероятно, что утрачивается восприятие окружающей жизни и простора, так, что получается как бы противопоставление себя этой ревущей могучей силе. Ну, что это я пустился в такое плаванье? Все-таки страшное и неразумное это дело – война. Ведь каждый день льется кровь, каждый день рвут на части живых людей... Да, у нас ведь слишком много дезертирства – сознательного или бессознательного. Если бы не это. Много бы пошло иначе. Только солдатская масса отдувается бедная, переносит всякие ужасы и лишения. Какая масса их оторвана от привычных условий жизни и поставлена в необычайную обстановку перед лицом смерти.

Надеюсь скоро приехать в отпуск.

Агапов заклеил конверт и вложил его в записную книжку, затем тихонько приподняв за ручку дверь, чтобы не скрипнула, вышел из хаты.

Григорий

Лето. Наступление. Загадочный мешок. Снова шпионы?

Бесконечно тянулись дни 387 роты. Уже прошло цветение садов, стало совсем тепло. Был еще один переезд, и еще. Западный фронт стал теперь невероятно близким, но все так привыкли к частым походам, что вещи держали наготове и уже почти не обращали внимания на дальние разрывы снарядов. Позиционная война осталась в прошлом, русские войска стремительно двинулись на запад, их успех радовал и давал новые надежды всем на новую жизнь, в мире и спокойствии. Огромное количество убитых, пленных немцев, австрийцев, чехов, тысячи единиц захваченного оружия – все это было результатом неожиданных, быстрых и слаженных атак по всему фронту. Широта действий русских сковала силы врага, заставила его отступить на многие версты. На освобожденные территории продвигались новые русские полки, шло пополнение взамен убитых, раненых.

Вот так и остатки сорок третьего Охотского полка стояли на очищенной от врагов местности и ждали новых приказов. Из тыла на запад двигались многочисленные обозы с продовольствием, боеприпасами, медикаментами.

Был свободный от занятий день. Агапов в очередной раз подал рапорт об отпуске, но полковник, как назло, именно в тот день отбыл в ставку, и ему было велено ждать решения к завтрашнему вечеру. Раздосадованный, Григорий бродил по окрестностям до ночи, терзая себя сомнениями. Нагулявшись вдоволь по холмам, он изрядно утомился и присел около кустов раakitника на краю леса. Сердце билось в волнении, а вдруг опять откажут. Он снял сапоги, ноги задышали. Спокойствие природы действовало благотворно, и Агапов отдыхал душой и телом. Синее небо на западе отсвечивало розовыми тонами, солнце скрылось, с востока надвигалась теплая, обволакиваю-

щая ночь. Григорий никуда не торопился, отсутствие его на квартире вряд ли кого заставит беспокоиться, даже Юдин, верный и понимающий, знает, как ему плохо, какие проблемы угнетают его. В конце-концов, если что, Василия за ним пошлет.

Его мысли прервал звук падения какого-то предмета, негромкий шлепок, а затем раздался тонкий свист, будто кто-то зовет собаку, свист с какой-то периодичностью возобновлялся и снова стихал. Он оглянулся, но людей поблизости видно не было. Григорий порядком отошел от места своего квартирования. Ему стало интересно, на соловьиные трели это было не похоже. Явно что-то происходило. Он приподнял голову из-за куста и увидел в сумерках вдалеке проехавшую телегу, ага, наверное, колесо скрипело. Телега постепенно растворилась в темноте, но Агапов неподалеку услышал какое-то движение, обернулся и явственно увидел удаляющуюся темную фигуру. Фигура пересекла тракт, и направилась по лесной тропе в сторону села.

Ему не стоило труда понять, кто это. Григорий натянул сапоги, и осторожно поднялся. Аккуратно передвигаясь по мху, стараясь не наступать на сухие ветки, он вышел на тропинку и последовал за ним, не теряя из виду.

Унтер Семен Ломов из юдинского взвода, что-то прижимая к себе, шел быстрой походкой в сторону расположения. Что делал он тут, и что это за проезжавшая подвода? Агапов не торопился и не хотел обнаруживать себя. Акации надежно скрывали его.

Ломов тревожно оглянулся, но преследования не заметил, успокоился и переложил мешок в другую руку. Немного передохнул, еще раз оглянулся и зашагал уже быстрее к солдатским палаткам на левом фланге. Почему-то сразу Григорию вспомнился тот рассказ Ломова про Митроху и его прошлогодний подвиг в немецком тылу, и какие-то неожиданные сомнения пришли ему на ум. Но он продолжил наблюдение за унтером. Возможно, он напрасно подозревал его в чем-то плохом.

Семен Ломов решительно приподнял край палатки, положил внутрь свою ношу и, потягиваясь, будто после отдыха, как ни в чем ни бывало, пошел между рядами, уже не оглядываясь, и ни-

чего не опасаясь. Григорий не знал, как ему поступить, чувствуя что-то неладное, и в то же время не собирался учинять допрос Ломову, не имея оснований, или сообщать начальству о столь малозначительном происшествии. Не раздумывая, он просунул голову в палатку, где только что побывал унтер, убедился, что внутри никого нет, и взял в руки мешок. В нем ощущалось, по меньшей мере, фунтов 5 веса, он был завязан странным узлом. Григорий пощупал его и ощутил внутри плотные пачки из бумаги или картона. По размеру содержимое напоминало колоды карт. Любопытство взяло верх, он потянул за веревку, но узел только плотнее стал затягиваться. Некоторое время он провозился с ним, но все же развязал бечевку. Внутри оказался еще один мешочек из более тонкой ткани, вроде батиста. Агапов дернул за угол, ткань порвалась, и на землю высыпалось несколько пачек денежных купюр, обандероленные, новехонькие. Он уже видел такие за время своего вынужденного пребывания в Малоросии, а именно на Юго-Западном фронте. Эти серые «кроновые» бумажки попадались у австрийских пленных, у своих солдат, даже у некоторых офицеров. В том не было ничего необыкновенного, деньги эти были в ходу и в этих местах, во Львове и Станиславе. Но целый мешок! Григорий начал размышлять, что же делать с этим открытием, как быть. Не стесняясь, он высыпал все содержимое прямо на земляной пол, зажег спичку и пересчитал пачки. Их было тридцать девять. Не сорок, и не тридцать восемь, а тридцать девять! Григорий аккуратно сложил пачки снова в мешок и завязал бечевку.

Что делать теперь с этим?! Откуда взялись вражьи деньги у старшего унтера Ломова? Он оставил мешок на том же самом месте и вышел. Оглянулся – никого рядом не было. Куда ж все подевались? Может, случилось чего, подумал Агапов. Но не было ни сигналов тревоги, ни срочных построений, обычный выходной день – наряды, да караул.

Конечно, как старший по чину, он мог немедленно послать кого-то за унтером и допросить, но решил отложить это и посоветоваться с Георгием.

Вернувшись на квартиру, он застал Юдина, который готовился отойти ко сну и все ему рассказал:

– Слышь, Георгий, за ним я шел от самого края леса, чую, неладное что-то. Где он взял этот мешок? Он явно встречался с кем-то в лесу.

– А может, хрен с ними? Что нам до этих чужих денег, ну украли где-то, ну мало ли... - Юдин нахмурился.

– Нет, Георгий. Это не к добру. Не думаю, что следует поднимать шум, но не лишне будет проследить, а, может и доложить кому?

– Ладно, Гриша. Шила в мешке не утаишь. Доложу по инстанции – и вся недолга.

– Надо ли? Это ведь твой человек, и тебе решать, докладывать по инстанции или самому наказать...

– Я не думаю, что стоит откладывать. Пусть капитан решает. А вдруг он политический? А если это шпионаж? Да мне за это...

Он все же заставил Юдина одеться и они вместе отправились к палатке Семена. Пришлось взять с собой керосиновую лампу, поскольку быстро темнело. По-прежнему унтер отсутствовал, а мешок лежал на том месте, где его оставил Григорий.

Затем Юдин сходил в другой ряд и позвал двоих понятых из приватов.

– Вот, теперь у нас есть свидетели. Он вскрыл мешок и продемонстрировал содержимое. Потом пересчитали деньги и сложили пачки в мешок.

– Это, что, деньги Ломова? – удивленно спросил один из бойцов.

– Милый друг, вопросы здесь не ты задаешь, – осадил его Юдин. Вы просто свидетели. Вот придет хозяин, мы его и спросим.

На дворе уже стояла темень. Хозяин мешка не объявлялся, и прапорщики, составив акт об изъятии денег, забрали мешок к себе на квартиру, а караульному велели оповестить их, если унтер появится.

Но ночью унтер так и не появился. Исчез куда-то и Митроха.

Часть III

Иван

Цемент. Памятник

– Вот ведь, прохудилось, чтоб тебя! – ворчал Роман, сетуя на погоду. Сено же сгниет все.

Машинист быстро собрался, натянул сапоги, схватил узелок с харчами и отправился в депо. Оксана проворчала ему вслед, чтоб не задерживался, да не выпивал с друзьями в корчме. Иван Карлович давно уже не спал. Накинув плащ, стараясь не попадаться ей на глаза, не позавтракав, быстрым шагом он вышел из дому и направился к тракту.

Ему нравились эти места, несмотря на мокропогодье. Природа была великолепна, чистый горный воздух – свеж и упоителен. Это была Малороссия, частичка большой Старой России, это было ему близко и дорого, может, еще и оттого, что Григорий ходил по этой земле и воевал за нее...

Действительно, лило, как из ведра. Цепочка елок, указывающих на Яблоницкий тракт, серебрилась каплями воды. Он даже на минуту засомневался, придет ли в такую погоду кузнец, как обещал, однако эти сомнения рассеялись, когда он увидел, что над показавшейся верхушкой кузницы вьется дымок.

Постучав несколько раз, и не дождавшись ответа, он потянул массивную дверь на себя. Она со скрипом подалась, и Иван вошел. С порога обдало теплом, глуховатый Федор что-то мастерил в глубине кузницы и даже не заметил посетителя.

– Доброе утро! – крикнул ему Гибсон. Хозяин обернулся и приветливо замахал руками:

– Доброе! Заходи. Он показал на куски толстой железной проволоки, разложенные на полу. С этого мы с тобой и начнем. Какой высоты и ширины должен быть крест?

Иван обозначил руками размеры будущего памятника и они вместе сложили его приблизительный макет из толстого стального прутка, а в местах пересечения Федор сделал обвязку мягкой медной проволокой. Излишки прутка он отпилил ручной ножовкой. Вся эта конструкция представляла собой внутренний

скелет, который будет заложен в форму для дальнейшей заливки цементной смесью.

Кузнец дал Ивану холщевый мешок и, распахнув дверь на улицу, указал на темневшую вблизи дороги кучу щебня.

– Набери круглых камушков, самых мелких. Светлый галечник – самое то, прочнее будет, а известняк не пойдет. А я пока доделаю ящик для земли.

Добрых полчаса он провозился у кучи. Нужного размера камни попадались редко, чаще можно было встретить остроугольный щебень, ракушечник, да битый кирпич. Вода с неба лилась непрерывно, ноги промокли, а мешочек никак не наполнялся.

Набрав все же, наконец, необходимое количество гальки, Иван вернулся в теплую кузницу и с радостью снял промокшие сапоги.

Федор бросил взгляд на коллекцию собранных камней, отложил молоток, и предложил выпить чаю. На плите, устроенной рядом с топкой, уже посвистывал стальной чайник. Хозяин всыпал в глиняный горшок заварки (что это было, одному ему известно – какой-то набор трав, сушеная морковь?), залил кипятком и накрыл глиняным блюдцем. Сверху все это обернул полотенцем.

– Теперь подождем. Федор, закончив священнодействия с заваркой, достал с плиты эмалированную тарелку с сухарями, комовой сахар, стальные кружки и присел за стол.

Ивану вспомнилось, как заваривали чай в лондонской квартире и пили с сухариками, сливками, молоком. Он усмехнулся. Ничего, скоро уже домой. Немного уже осталось. Может, завтра и в путь?

Он поймал себя на том, что за время путешествия совсем и не вспоминал о своем доме. Мысли о дороге, о судьбе Гриши, о далекой Мэри, о новой, близкой и непонятной России, казалось, вытеснили все остальное.

Оказавшись здесь, на этой многострадальной земле, он совсем не думал о каком-либо комфорте, душа его была исполнена спокойствия, неторопливости и умиротворения.

Они выпили по большой армейской кружке чая, который не имел никакого права именоваться чаем, и Иван пожалел, что не взял с собой остатки кофе. Сухари из ржаного хлеба оказались совсем окаменевшими, но ради приличия он размочил один и съел.

Стало теплей, они вновь принялись за работу, и к полудню наполнили грубо сколоченную деревянную форму землей. Теперь предстояло изготовить пуансон. Федор обстругал рубанком края широких брусьев, затем опилил углы и зачистил заготовки рашпилем. Затем он сделал в середине прорези и соединил оба бруса так, что получился крест. Все неровности тщательно обработал ножом и рубанком, затем придирчиво оглядев то, что получилось, снова укоротил и долго тер наждачкой, мурлыча что-то под нос.

Иван, разровняв землю в форме, давно уже ждал, когда все эти плотницкие работы закончатся, пытался что-то спрашивать, но Федор вообще никакого внимания на него не обращал и продолжал строгать.

Когда пуансон был аккуратно отшлифован, его погрузили в землю, плотно утрамбовывая сверху, потом вынули – форма была готова. В центр ее поместили стальной каркас, изготовленный с утра.

– Все готово. Теперь разводим смесь и заливаем, – кузнец достал кiset и в первый раз в этот день закурил, настолько его поглотила работа. В душе Иван надеялся, хоть слово, хоть полслова услышать от него о войне, узнать что-то новое. Может, больше и не будет случая? Федор молча закурил, затем вышел на улицу глянуть на небо, на погоду, выругавшись, тут же вернулся в дом.

– Цемент, бетон – заворчал он, – тепло любят. Без пропаривания плохо затвердеет. Только в моей мастерской этого не сделать. Так что будем молиться богу, чтобы на улице сделалось теплее, и этот проклятый дождь перестал.

И он вскрыл один из пергаментных мешков и насыпал совком три части сухого цемента в большой жестяной таз, из пожарного сундука добавил одну часть мелкого речного песка

и гальки из мешка, перемешал все тщательно и велел Ивану подать ведро с водой.

Когда с работой было покончено, Иван Карлович стал предлагать кузнецу плату, но Федор с таким укором посмотрел на него, что Гибсон тут же отступился, будто он чем-то обидел этого огромного русского мужика.

Алеша

Поход на старое кладбище. Поиск.

Послеобеденное время выдалось солнечным и мы, вооружившись картой и компасом, отправились в сторону кладбища, где должна была находиться могила Григория Ивановича. Выходя из неизменной чайной, я вновь увидел того здорового детину, что недавно так лихо выпивал пиво со сметаной. Вероятно, он уже здорово набрался и вел себя шумно. Рядом собралась кучка любителей пива, они о чем-то с жаром спорили, упоминая киевлян и «Динамо». Сыпались анекдоты, шутки.

Мужик обратил на меня внимание и добродушно заулыбался. А потом подмигнул деду и сказал, кивая на праздных селян:

– Ведмідь реве, корова реве, а кто-кого дере, сам черт не разбере!

Мне понравилась и запомнилась эта забавная поговорка, по сути, означающая «много шума из ничего».

– А ведь когда-то Русь называлась Киевская?

– Это точно. Ленька. Киев был главным городом на Руси.

– А как же Москва?

– Так не было ж ее тогда, она почти через два века после того была основана!

Мы прошли около километра вдоль улицы Ленина, затем свернули через переезд налево. Сразу же по левую руку начался подъем, и я заметил деревянную лестницу, ведущую наверх. Поднявшись по ней, обошли длинную череду сараев, и вышли к покосившемуся домику Михайло Гавриловича, как я позже узнал, хранителя кладбища. При нашем приближении за плетнем отчаянно залаял пес. Мы долго звали его, стоя у

ограды, но хозяин за капитку не вышел, очевидно, дома его не было. Мы продолжили свой путь по склону, благо перед нами лежала сухая тропа, которая как змеиный язык раздваивалась у входа в лес. Может быть, тут и стоял когда-то хвойный лесок, только сейчас темнели высокие величественные красавицы – ели. Любая из них могла бы украсить своим присутствием новогодний праздник! Мы пошли по правой стороне «змеиного языка» и тут же увидели, как по левой из леса вышли сельяне, возвращавшиеся с покоса. Дед расспросил их, косари закивали головами и что-то стали показывать руками в сторону леса.

– Они, действительно, говорят: за этим лесом – старое кладбище.

Нас охватило волнение. Мы приехали сюда за тысячи километров от дома с приключениями и пересадками, и скоро увидим то, что являлось нашей целью. Лицо бабушки выглядело очень встревоженным. Растянувшись вдоль тропинки гуськом, мы ускорили шаг: впереди, как Паганель с тростью из еловой ветки, раскачиваясь, вышагивал высокий дедушка, его незастегнутый плащ развевался на ветру, за ним буквально летела бабушка, замыкал шествие я, быстро перебирая ногами и еле поспевая за ними.

На выходе из леса нам преградила путь ограда кладбища, и пришлось обходить ее справа, чтобы найти вход. В действительности все находилось почти как на плане, который дедушка держал в руках. За оградой кладбище со всех сторон было обсажено молодыми фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, вишней. Трава была повсюду скошена, и оттого место выглядело чистым и ухоженным. Слева от тропы стояла часовня, очень аккуратная, свежее-побеленная, с красной черепичной крышей. Прямо таки, домик-пряник. Дедушка достал из бумажника план и внимательно взгляделся в него. Тут общий азарт поиска и нетерпение овладели нами полностью.

Григорий

Наступление? Тыловые паразиты.

Наутро все закипело. Во-первых, противник активизировал полеты авиации и бросал на русских бомбы. Во-вторых, артиллерия австрийцев заговорила, будь она неладна. Где-то совсем неподалеку за правым флангом заухали разрывы гигантских снарядов гаубиц. Командование дало приказ о срочной смене дислокации. Как понимал Агапов, это могло означать – наступление. Было ли это обманным маневром для противника или же нет, никакого значения для него лично не имело, кроме как реальный шанс вовсе не попасть в обещанный отпуск. Сборы оказались трудными. В суматохе что-то было оставлено и навсегда забыто в квартире. Хорошо, еще, что документы, письма от Мэри и гляцевый черный блокнот Григорий упаковал заранее. В небольшом чемодане на дне он оставил несколько номеров старых ведомостей и два фронтовых еженедельника «Солнца».

Что ж, он морально не был готов к переброске, очень сильно хотелось хотя бы ненадолго домой, в отпуск, приближение смертельной опасности, стрельбы, взрывов, не столько пугали, сколько злили и раздражали его своей горькой иронией.

Части тянулись, то на северо-запад, то на запад, соединяясь и образуя мощный фронт для удара. За двое суток маршевые бригады 7 армии продвинулись на полтора десятка верст к западу и заняли выгодные позиции на карпатских высотах. Ожидая дальнейших передвижений, командование не отдавало пока никаких приказов, кроме, разве, не разводить огня. Эта мера продиктована была не столь соблюдением секретности, сколь опасностью пожара ввиду нахождения в сухой лесистой местности. Так продолжалось двое суток. Не было ни в чем ясности, одни догадки и сомнения. 387-ой разбросало по палаткам и землянкам, Григорий не видел в эти дни Юдина, работа с обеспечением взводов поглотила их. Бюрократизм, бездушие хозяйственных офицеров и наглость «тыловых паразитов» действовали на нервы, каждую позицию приходилось отвоевывать.

«13 июня.

Ах, не знаю, что и писать. Так много ужасного. Еще – очень тяжело быть постоянно в среде совершенно чужих людей. Быть механически связанным с тем, что для меня совершенно неприемлемо. Не следует так волноваться из-за меня. Я пока еще почти вне опасности».

Иван

Памятник. Домой!

Будто гора свалилась с плеч. Гибсон мог вновь помечтать о скором возвращении домой, к своей жене, к отложенным делам. Осталось еще совсем немного побыть в этом замечательном горном краю, но все больше думалось о выполнении своей цели и меньше о красотах природы.

Когда цемент застыл, и форма была снята, стало ясно, что крест получился на славу. На первый взгляд материал напоминал мрамор.

Как и задумал мастер, края памятника получились ровными и скругленными, мелкие белые камни сделали цемент светлее; в центре Федор проволокой привязал выпиленную из латуни и аккуратно отшлифованную наждачкой табличку с надписью. Скупые слова, выбитые на ней, означали судьбу русского офицера, гражданина, семьянина, погибшего за Родину на этой земле.

Как и договорились, через сутки во второй половине дня Иван погрузил его в подводу, которую дал Федор и отвез на кладбище.

Работа не заняла много времени, старый деревянный крестик был вынут, а ямка, оставшаяся от него расширена. Гибсон в душе сетовал на свою торопливость и неверную почву, предполагая, что памятник со временем может опуститься вглубь. Он засыпал пространство вокруг комеля мелким галечником, потом землей, утрамбовал. Поправил могильный холмик, сделав его аккуратно прямоугольным. Сначала долго стоял перед ним, глядя на свою работу и отдавая последнюю дань Грише,

затем повернулся и, положив лопату на плечо, зашагал к хате машиниста.

Завтра утром он уедет отсюда, сначала, с оказией, на дрезине, а затем, как придется, пешком или на попутных машинах. Обратная дорога сейчас совсем не занимала его, главное было сделано, а дальше как-нибудь все образуется. Незаметно на горы спустился загадочный вечер в голубоватой дымке, солнце на короткий миг напомнило о себе розоватым светом, озарив Хомяк, и скрылось. Уже вблизи своего временного жилища он почувствовал, как сильно устал и проголодался и ускорил ход.

Григорий

Заторы. Дело о шпионах

Приказ о наступлении был громом среди ясного неба. Оказалось, что враг стоял рядом, совсем под боком, оставалось такая малость – выбить его с позиции и закрепиться. Носов, Батранов часами обсуждали план взятия очередной высоты. В штабе изучали карты, что-то просчитывали и выверяли, наносили направления удара, снова перепроверяли, звонили и по телефону говорили только кодами. Носов уверял в бесполезности артиллерийского удара по высоте, естественные пещеры в туфе и построенные укрытия надежно оберегали пехотинцев противника, тогда как наши соединения окажутся совершенно голыми на склоне, ведущем к реке. Прорабатывались варианты с поддержкой авиации и мотопехоты. Григорий не мог судить ни о предстоящем выдвигении, ни о точном времени нанесения удара из-за режима строгой секретности. Он твердо знал: чем больше эта секретность, и чем труднее окажется операция для наших соединений, тем лучше сумеет подготовиться враг. И виной тому не утечка информации и не разведка, а просто правило немцев и австрийцев просчитывать все ходы противника наперед. Например, зная точность боя наших артиллерийских батальонов, австрийцы старались не высовываться при артподготовке, а вступать в сражение неожиданно, действовать решительно и наперняка. Так случилось и ранее, и, хотя вояки

они были неважные, но бои в горной системе давали им определенные преимущества перед русскими. А еще хуже всего было то, что враг наладил переброску всех своих ресурсов вдоль всей линии фронта.

Это уже была не Отечественная война с ее лошадами, да подводами, по ту и другую сторону линии фронта теперь автомобили и поезда тащили на себе солдат, вооружение, продовольствие, снаряды и патроны. Это была война рокировок, и в этих шахматных ходах враг был куда поворотливее.

Мобильность русской армии к середине лета была подорвана заторами на дорогах, штабной неразберихой, в частности, вызванной поездками крупного командования и самого императора по местам активных боевых действий. Высокие чины любовались успехами летнего наступления, строили новые планы. Чинопочитание расчищало дороги генералам от инфантерии, но тормозило передвижение техники и людей. Заторы на извилистых карпатских дорогах, увы, стали обычным делом. Из-за этого снабжение патронами и продовольствием ухудшилось.

Душа от всех этих размышлений у Григория была не на месте, он вновь написал домой, и между строк повисла неуверенность. Потом вымарал некоторые описания местности, не желая дразнить цензуру, из-за этого все в письме вышло сумбурно и непонятно.

История с деньгами, казалось, его уже почти не занимала, всеми фибрами Агапов ощущал – война скоро кончится, австрийские кроны, к чему они? На русских территориях будут действовать рубли и порядок вещей восстановится. Тогда, на другой день Юдин, позвав свидетелей, доложил начальству обо всей этой неприглядной истории и передал акт и мешок Петраченко. Капитан помрачнел, выслушав его, ничего вразумительного не ответил, только приказал пока не распространяться о находке. Мешок доставили в штаб, Семена Ломова арестовали, все формальности были соблюдены.

17 июля утром для разбирательства прибыл офицер из безопасности фронта Константин Сильковский. Митрофана, как

подозреваемого в соучастии, к тому моменту тоже арестовали. К предварительному следствию подключили и капитана Петра-ченко. По-видимому, ему это было очень некстати, капитан был мрачнее тучи.

Среди документов и личных вещей Митрохи при обыске обнаружили большое количество сухарей, шоколада в плитках, 8 банок тушенки, несколько русских и иностранных справок, карточек, монет разного достоинства, в основном немецких и австрийских. При нем также был документ, выданный на имя некоего Фридриха Штолля, поручика австрийской армии, фото которого было выдрано. Все это казалось бы очень подозрительным, не выгляди «Глаз» блаженным. Всю войну этот парень собирал разный хлам на полях сражений. И сейчас, будучи арестованным, он улыбался во весь свой щербатый рот своей доброй идиотской улыбкой, моргал нервно глазом и отпирался от всего. Он говорил, что документы нашел у какого-то убитого немца под Станиславом и прихватил вместе с шоколадом и сухарями. Что касается старшего унтера, то при нем не было обнаружено никаких австрийских денег и документов, как и вообще чего-либо, не положенного по уставу и должности. Ломову был учинен допрос о том, куда же все-таки он дел мешок с деньгами, принесенный им в расположении части, и какова, собственно, история происхождения этих денег. Семен сначала вовсе отнекивался, но припертый свидетелями, признался, что вечером проник в дом, примыкающий к старой мельнице на краю Станислава. *(Название этого города может варьироваться на русский и польский манер. Прим. А.Л.)* По слухам, там мог быть оставлен клад. Слухи подтвердились отчасти: он обнаружил только один мешок с новыми кронами. Возможно, австрийцы не успели забрать все при отступлении в июне.

История выглядела совершенно неправдоподобно, но Семен упорно стоял на своем. Допрашивали подозреваемых отдельно, для выявления вранья. Вечером 17-ого Сильковский внимательно ознакомился со скудными материалами дела, и приступил к своим обязанностям с самого утра 18 июля. Злодеи были доставлены к Александру Константиновичу в штаб

под охраной. Была учинена очная ставка. Допрос затянулся до обеда, затем до полуночи, и зашел в тупик.

Свидетели припомнили все предшествующие отлучки Митрофана, однако на отлучки рядовых и унтеров давно все смотрели сквозь пальцы. К тому же действия блаженного нельзя было считать вредными или опасными. Да, это не считалось преступлением. Да, Митрофан любил собирать вещи убитых, этого у него не отнять, но вот документы и деньги... Это наводило следствие на мысли о предательстве и подкупе. Возможно, оба готовились перебежать и передать врагу какие-либо секреты. Да какие секреты были им известны?!

Сильковский искал в этом деле политическую подоплеку, вероятно, таковы были данные ему инструкции. Однако подозрения по поводу участия обоих в политических партиях выглядели несостоятельными – у подсудимых не было выявлено ни листовок, ни связей с подпольными или открытыми группировками оппозиционеров.

Да, солдаты в частях поругивали царя и правительство, причем, следовало отметить, что не какие-нибудь эсеры, анархисты или марксисты, а совсем простые, уставшие от безумной войны солдаты и унтеры, бывшие рабочие или даже крестьяне, абсолютно неграмотные в политике. Но были ли они готовы к предательству Родины и товарищей?

Вряд ли. Все проблемы с разоблачением арестованных солдат теперь стали обязанностью г-на Сильковского, который продолжил сбор информации с необычайным рвением. Агапов и Юдин, как командиры обоих злодеев, дали свои показания, расписались в протоколе и на этом их участие в следствии по делу о загадочном мешке закончилось. Сильковский был очень признателен прапорщикам за проявленную бдительность и своевременно предоставленную информацию, но при этом не упустил случая высказаться по поводу общих настроений в армии и, в частности, в их батальоне. После Григорий показал следователю место, где он увидел Ломова с мешком. К концу второго дня Сильковский, собрав все улики, и записав показания, отправил задержанных под конвоем в Каменец.

Учитывая тот факт, что все это происходило в военное время, Митроху, скорее всего, ждала самая плохая участь, т.е. каторга, но Семен Ломов мог еще рассчитывать на снисхождение... *(Из числа офицеров, преданных суду, значительная часть оправдывалась; иногда офицеры освобождались от суда по Всемилостивейшим манифестам (особые заслуги и т.п.), оставлялись в подозрении (эта формула применялась при недостаточности улик) и подвергались церковному покаянию (за незначительные проступки нравственного характера).*

Ни Григорию, ни Юдину так и не пришлось узнать о дальнейшей судьбе своих подчиненных. Слухи ходили разные. Одни говорили, будто, Митрохе удалось сбежать из-под стражи еще до прибытия в Каменец, другие утверждали, что конвой стрелял в него и «Глаз» убит при попытке к бегству.

Полковник Батранов не принимал участия в дознании, более того, у Григория создалось впечатление, что он не хочет производить большого шума. Хотя сама эта история и оставила неприятный осадок, на самом деле она никого особо не занимала накануне выступления. Тем не менее, поход в штаб по поводу отпускных документов Агапов отложил до более благоприятного момента. Не хотел рисковать, боялся, что не подпишут.

16 июля.

Вчера поднимался вопрос о том, чтобы нас двоих из учебной команды отчислить: нет опытных офицеров командовать ротами, сказал в моем присутствии командир полка. Правда, в роту назначили только что прибывших молодых прапорщиков. Ах, какое у меня плохое настроение. «Где же те люди, где же те добри, що сердце собиралося с ними жити, их любити. Немае, пропали!» Тяжело.

28 июля...

Вот я на горе сижу в заброшенной хате.

Григорий чувствовал тревожное сосание под ложечкой, сегодня, завтра или послезавтра будет это наступление, жестокое, неизвестное, неожиданное?

Здесь у самых карпатских перевалов и Прута стояла мощная русская армия, накапливая силы для освобождения района Южного Буга и Галичины. Готовились к наступлению скрытно. Рыли траншеи днем и ночью, там, где встречалась твердая порода, работали кирками, готовились к штурму колючих ограждений, обучались работать с ножницами и подрывными шашками. Команды grenадер соревновались в метании гранат.

Днем и ночью подходили новые силы и вооружение, шел подвоз пулеметов, винтовок и патронов. По горным дорогам нескончаемой лентой тянулись к местам боев пехотинцы, подвозили продовольствие и обмундирование.

Солдаты в батальоне переодевались, старая форма у всех обветшала. Артиллерия принимала орудия и снаряды. Подвозили и продуктов – кухня готовила кашу с ливером, иногда макароны.

Эти дни принесли большие перемены: сменились младшие командиры, Рославлев был совершенно неожиданно для всех переведен с повышением в другой корпус армии, Петраченко с каким-то неизвестным заданием командирован в Киев.

В конце июля Григория вызвали в штаб. Мрачный полковник Батранов ходил из угла в угол в кабинете, останавливаясь только на звонки постоянно дребезжавшего телефона. Папироса в уголке рта давно потухла, и он даже не обращал на это внимания. Впервые Агапов видел командира так близко и разглядел ужасный шрам, пересекающий его щеку от уха до подбородка...

Злые языки поговаривали о том, что в молодости полковник был отчаянным бретером, но может, шрам этот был вовсе не следом дуэли, а боевым ранением?

– Да, слушаю! – захрипел в трубку полковник. - Нет, еще не привозили, сегодня ждем по команде «80». Нет, пока не было распоряжений. Да, поверьте, от меня это не зависит, эти суки бессовестно срывают поставки, сидя в тылу. - Он постепенно переходил на крик.

Григорий навытяжку стоял у двери, Батранов коротко глянув на него, махнул рукой, мол, вольно.

– Так, так, Агапов... Что же мне с вами делать... Видел рапорт, отпуск вам должны предоставить в ближайшее время, но

вызывал не для этого. Вы числитесь в учебной роте уже давно, а командиры нам сейчас нужны как воздух. Многие командиры убиты в боях, кто-то переведен. Солдаты вам доверяют – это много, поверьте, Агапов, это дорогого стоит... а эта история с австрийскими деньгами, – полковник поморщился – мы забудем про нее. Ваш авторитет у солдат в сто крат важнее. Безопасность Фронта разберется с ворами и предателями и без нас. Пусть солдаты занимаются своим делом.

Я слышал о Ваших подходах к военной работе, и очень ценю это. Вы знаете, сберечь жизнь солдат на войне очень важно.

– Рад стараться, Ваше.. – Агапов вытянулся, но Батранов его перебил, приблизившись к нему и положив руку на плечо. – Не сомневаюсь, что Вами движет желание истины и справедливости, но сейчас...

– Григорий Иванович, у Вас есть дети?

– Так точно, мальчик и две девочки, Ваше Превосходительство, – Григорий был смущен столь личным вопросом.

– Это очень хорошо. Полковник помедлил и что-то еще хотел сказать, но тут задребезжал телефон, и он взял трубку. Разговор был непонятен Агапову, и он почувствовал себя не в своей тарелке. Скорей бы, что ли, полковник перешел к делу...

– Вы должны знать, идет перелом, – полковник положил трубку и придавил потухшую папиросу в пепельнице, – наступление будет очень важным и трудным и мне нужна сейчас полная отдача сил и понимание. Поэтому я и вызвал Юдина, Трофимова, Горюнова и Вас, и очень на всех надеюсь. Полагаю, тактические задачи до вас доведены, но все же я хочу переговорить с каждым из вас... Готовы ли, вот Вы, например, командовать ротой? Он ткнул в него толстым пальцем, и, не ожидая ответа, подошел к стене с картой, утыканной флажками.

– Здесь та самая высота, что нам нужна. Сил и техники у нас достаточно, разведчики говорят о том, что на левом фланге противник построил стандартные укрепления, проволочные заграждения под токовым зарядом, но в этом нет ничего принципиально нового. Однако солдат у австрийцев на этом участке

либо крайне мало, либо нас пытаются обвести вокруг пальца. Узкоколейка, – он ткнул желтым прокуренным пальцем в линию на карте – по ней ходит бронированный поезд, это неприятность, но мы можем предвидеть его передвижения. Скорее всего, его прячут где-то на правом фланге. Возможно, загнали в тоннель, – палец переместился за правый фланг – это далеко, очень далеко от нашей высоты. Но даже этот поезд не сможет переместить большое количество солдат на левый фланг. В любом случае мы должны с минимальным для себя риском и, я подчеркиваю, малыми людскими потерями, выйти к берегу Прута и вышибить отсюда мадьяров и австрийцев.

Полковник задумался, потом поднял палец к карте и хотел что-то еще пояснить...

Снова раздалось простуженное дребезжанье телефона. Батранов взял трубку и поднял взгляд на Агапова. По характеру телефонного разговора стало ясно, что аудиенция окончена.

Батранов кликнул адъютанта и, когда тот появился, попросил его проводить прапорщика для оформления документов и пригласить следующего, подпоручика Горюнова.

В коридоре ожидали аудиенции остальные. Юдин с удивлением смотрел на подавленного Агапова, но тот прошел мимо, будто не видя его.

Вообще, было странно, почему полковник не вызвал для разговора всех вместе, но это и новая должность не очень занимали его мысли.

Агапов отправился в комнату, находившуюся в конце коридора сельской школы, приспособленной временно под штаб. Ноги его стали ватными, сердце бешено колотилось. Он постепенно старался взять себя в руки, чтобы все осмыслить.

Тут на нескольких столах, заваленных офицерскими книжками погибших и новоприбывших без усталости работали штабные писари с красными от усталости глазами. Пришлось подождать, когда найдут все его рапорт, другие документы. Бюрократическая машина работала, контора писала.

– Агапов? – переспросил штабной работник, – из 387-маршевой?

– Да, да, он самый, так точно!

– Да, подписано.... – писарь порылся в ящике стола, извлек штамп и продолжил – но общий список еще пока не утвержден командиром. И вообще, Вы второго июля должны были явиться...

– Так ведь второго пополнение встречали, – смутился Григорий, – как же теперь быть?

Писарь развел руками – надо разбираться с этим. Прапорщик, вы знаете, сколько у нас таких дел?

Сейчас пришел приказ об отмене всех отпусков. Но Григорий, будто не слышал ничего, обернулся в поисках адъютанта, но его и след простыл. Выйдя из канцелярии, раздавленный несправедливостью, он вернулся к кабинету Батранова. Но все было напрасно. Хозяин отбыл в автомобиле в ставку командующего фронтом.

Полеты наших аэропланов над линией фронта стали в августе реже, вероятно, основные данные для командования были получены. Враг не мог не знать о готовящемся ударе, его силы передвигались и скрытно перераспределялись вдоль Прута. Иногда ветер доносил звук вражеских моторов, но машины противника двигались вдалеке от расположения их батальона. Это тоже навевало мысли о нехорошем затишьи. Возможно, за действиями русских производилось наблюдения с высот и из укрытий противника, но сам Григорий, сколько не вглядывался в бинокль, ничего важного высмотреть не мог. Он уже знал, что мадьяры на левом и правом флангах углубились в сторону тыла почти на 500 метров соединенными между собой ходами и окопами.

Русские тоже копали, не покладая заступов, приближаясь к укреплениям врага на 200–300 шагов.

Такие же спокойные горы, зеленые склоны с легкой дымкой тумана. Возвращаясь из штаба в плохом настроении и с дурными предчувствиями, Григорий залюбовался чудным явлением: погода под вечер преподнесла сюрприз – моросил мелкий дождик, сквозь всю эту серебряную взвесь ударило лучом заходящее солнце, перекинув далеко за перевал, как волшебный

мост, широкую цветную радугу. На мгновение тяжелые мысли отступили. Он достал карандаш и лаковый блокнот и набросал рисунок этой красоты. Потом посчитал, что рисунок не получился, зачеркал его, а ниже написал стихотворение, будто моментально само по себе возникшее в голове:

*Темнеют синие просторы,
Чуть слышно дождик моросит,
Садится солнышко за горы,
А завтра снова озарит
Карпат высокое молчанье,
Склон, расстелившийся как плед,
И может быть, откроет тайну,
Сокрытую на много лет.*

Последние две строчки дались ему не без труда, но помпезность стиха получилась, были здесь цвета природы и какой-то незримый стык прошлого и будущего. Агапов сложил и убрал в сумку блокнот и карандаш и зашагал к ужину.

Ночью он спал плохо, в палатке было душно, на душе – тревожно. Ему снились странные сны, снился конопатый Митрофан, холеный и выбритый, почему-то в австрийской офицерской парадной форме, в кепи, с моноклем в том самом, подергивающемся глазу, снилось то, как он отнимает у него мешок с кронами, а тот рвется, и купюры летят по воздуху, поднимаются на ветру над бруствером, падают в окоп. Снилось, как летит ему навстречу колючая проволока, врезается в лицо, в глаза, эта картина многократно повторяется.

Балаж Мольнар

«Карпатия». Правый фланг

Балаж Мольнар, цугсфюрер 3 взвода девятой роты, прихватив с собой зеркало и несессер для маникюра, выбрался из палатки и огляделся. Поднимающееся из-за гор солнце освещало поляну, где находился лагерь. Длинные тени буков пересекали траву пятью полосками гигантского нотного стана...

Балаж устроился на скамье под деревом, вынул из несесера миниатюрные ножницы и, глядя на себя в зеркало, стал очень осторожно подстригать редкие усики, пробивавшиеся на его губе.

Закончив с усами, он очень аккуратно удалил все лишние волоски с бровей и ушей. Потом цугсфюрер привел в порядок мундир.

Даже очень придирчивый командир не смог бы упрекнуть Балажа. Голубой мундир был безукоризненно отглажен, прямо хоть на парад. Видела бы его Богларка, подружка из родного Вечеша. Да, что Богларка, на ней свет клином не сошелся. Да тут на фронте он и таких девчонок видел, что дух захватывало. Чешские девочки-санитарки, ласковые львовские польки, черненькие и рыженькие венские еврейки.

Мольнар уложил ножницы в несесер и отнес его в палатку. До подъема оставался час... До войны он с грехом пополам успел окончить три курса факультета искусств Королевского мадьярского научного университета Будапешта, к тому времени от греческой мифологии и латыни его уже мутило. Но весной 14 года, запутавшись в экзаменационных и карточных долгах, Балаж заявил в деканате об академическом отпуске и поступил на военную службу. Сараевские события не особо напугали юного бездельника, он продолжал оставаться в резерве, неспешно постигая военное ремесло и скучный устав. И не было бы ему никакого продвижения по службе, если б не его университетский приятель по картам и кутежам и дальний родственник со стороны матери – Дьюла Рен.

Он учился на том же факультете, и к весне 1914 защитил диплом (что-то связанное с «Кольцом Нибелунгов» в немецком театре). Дьюла Рен был страстно увлечен всем германским и вступление в армию Центральных государств было для него делом чести и совести. Прекрасное знание немецкого, французского и русского языков, знакомство с театром и искусством перевоплощения стали после начала войны очень важным фактором в его карьере. Имея прекрасные анкетные данные и обширные связи отца, Рен почти сразу же перешел на службу в войска разведки, где на первых ролях были германские

специалисты, стал через пару месяцев гефрайтором и очень гордился этим.

Они встретились случайно в Будапеште, когда Балаж находился в увольнении. Дьюла покурил папиросу, сидя на лавочке у фонтана, и, заметив товарища, очень обрадовался и приветливо замахал ему рукой.

– Ну как ты? Рассказывай, рассказывай, старик. Все пути ведут в Будапешт?

Сам он тоже был родом из провинции, отец Дьюлы занимался в Дьёрском районе оптовыми закупками кожи для галантерейного производства.

Рен с деловым видом посмотрел на дорогие часы.

– Время обеда, а за обедом ты мне все и расскажешь! Он увлек приятеля в ресторан «Карпатию», хотя, поблизости были и более дешевые кафе. Да на этой улице – десятки кафе!

– О, «Карпатия» – воскликнул Балаж, – там же все безумно дорого, может не стоит?

В небе сгустились тучи, собирался дождь, и приятеля не пришлось долго уговаривать. Они прошли в высокие двери этого достойного места, о посещении которого можно было только мечтать. В обеденный час публики в ресторане было много, но в конце зала для них нашелся столик у служебной двери. Пожилой кельнер появился не сразу.

– Сельтерскую, два кофе, два рислинга, пирожные... – заправски заказывал гефрайтор.

– Есть миндальное, тирамису с клубникой, – начал перечислять официант

– А штрудель? – не унимался Рен.

– Есть, сударь. Желаете яблочный или вишневый?

– Хорошо, пусть будет яблочный, но сейчас закажем что-нибудь посущественнее – Дьюла глянул на него, опустив круглые очки на кончик носа – тут восхитительно готовят филе гуся, а если заказывать рыбу, то, пожалуй, сом под соусом из паприки лучшим образом подойдет к рислингу!

– Но я не голоден, – Балаж сглотнул слюну и мысленно стал подсчитывать, во что выльется этот поход в ресторан, но Дьюла, поймав его взгляд, спохватился.

– Не переживай, старик, сегодня я за все плачу. Я получил командировочные, послезавтра отбываю в Вену. Ну, в общем, не в саму Вену, надо смотаться в одно местечко неподалеку от столицы – надо же отпраздновать это дело. Начинается новая жизнь! Как здорово, что мы тут встретились, верно говорят – мир тесен! Он сделал заказ, и кельнер скрылся за служебной дверью.

– Как поживают родители? – спросил Балаж

– Неплохо, ты знаешь, отец расширил свой бизнес, взял в аренду склады под Дьёром. Хорошее место, до Вены – рукой подать, до Будапешта – рукой подать. Война нас двинула вперед! Армии нужны ремни и подсумки. Пришлось взять двоих помощников, объемы растут как на дрожжах, и vater один не управляется. Я пробовал с ним работать, но семейное дело мне не по душе. Но ты же знаешь, какой он властный и своенравный человек... Да и не люблю я всю эту бухгалтерию, которую он на меня свалил. Эти чертовы накладные и реестры сводят с ума молодого человека.

Рен громко расхохотался и рассказал о своей карьере, и о том, что собирается продолжить обучение в специальной школе разведки.

– Понимаешь, пехота, фронт, это не для меня. Погибнуть во цвете лет? Ты знаешь, сколько юных героев вроде тебя уже сложили свои головы? Война дает такие редкие возможности развития и воплощения таланта. Золотая беспроигрышная потеря для человека с головой на плечах! Вдумайся в слова – «театр военных действий»

Собственно, я и тебе хотел сделать предложение перейти в наше ведомство, «театру» нужны игроки с особыми талантами, улавливаешь?

– Но ведь ты знаешь, я не силен во французском. Немецкий – это еще куда ни шло.

– Так ведь и знаний особых не нужно, у этих вояк все просто, делай раз, делай два. К тому же французский, скорее, и не понадобится. Речь идет о восточном направлении. Они пили сельтерскую, потом кельнер принес рислинг и показал бутылку. Дьюла со знанием дела покрутил головой и попросил при-

нести мозельского, урожая 1911 года. Это было в его духе, пустить пыль в глаза, и обязательно пить самое дорогое немецкое вино, будто наше мадьярское хуже.

Балаж с интересом разглядывал величественный интерьер дорогого ресторана. Мебель темного дерева. Стены были украшены яркими геометрическими узорами в национальном венгерском стиле, на окнах расписные шторы в тон помещению. Несмотря на внушительные размеры зала и высокие сводчатые потолки, здесь чувствовался замечательный домашний уют. За столиками обедали состоятельные горожане, вероятно, владельцы фирм или крупные чиновники. Дьюла даже привстал и подобострастно поприветствовал кого-то, но Балаж ни с кем из них вовсе не был знаком.

Минут через двадцать вновь показался официант с горячим блюдом и торжественным выражением на лице. Внушительных размеров стейки из рыбы светились золотистой корочкой в аппетитном окружении поджаренных ломтиков картофеля. Алый соус из паприки был подан в красивом фарфоровом соуснике с изображением фазана. Кельнер наполнил рислингом большие бокалы.

Они принялись за еду. Балажу тут так нравилось! Встретить старого друга и побывать в «Карпатии»! Об этом просто можно было только мечтать.

– Рислинг, это я вам скажу, – король славных немецких вин! Ну, давай, Бал, за встречу, Prosit! – бокалы звякнули запотевшим стеклом.

Они медленно смаковали рислинг, потом Дьюла продолжил.

– Сейчас в армии сделать хорошую карьеру с твоими мозгами – пара пустяков. Тебе ведь всегда прекрасно давались анализ, интерпретация...

– Я пока не понимаю, к чему ты клонишь. Эта интерпретация и профессор Пфланце... Я вспоминаю их с ужасом.

– Ну, ладно, я не могу тебе все объяснить на пальцах, поверь мне на слово, люди с такими знаниями, как мы, сейчас жизненно необходимы новой имперской армии. Немцы... знаешь, Бал, у них неважно с фантазией, особенно у военных. У тебя есть время встретиться завтра?

– Завтра к вечеру я обязан быть в расположении роты – Балаж поковырял вилочкой в рыбе и отпил глоток мозельского – но мой учебный полк стоит в Будапеште.

– Вот и отлично, я успею переговорить кое с кем, написать тебе хорошую рекомендацию и вытащить тебя к нам, ну, скажем недельки через две, так как, рискнем? Дорогой мой, уверяю, дело стоит того, а моему ведомству уладить твой перевод – сущий пустяк, тем более, отец на короткой ноге кое с кем из больших чинов. А он помнит тебя...

Он понизил голос – неужели ты хочешь сделаться пушечным мясом для Габсбургов? Им все равно скоро конец, наступают новые времена. Нет, уж, позвольте, я постараюсь ради старого приятеля и, между прочим, родственника. Надо работать головой. Но это справедливо для тех, кто имеет голову на плечах, а у тебя-то с этим как раз все в порядке!

Кельнер снова наполнил огромные бокалы, забрал опустевшую бутылку и скрылся за дверью. Дьюла обмакнул кусок рыбы в сладкий соус, и уже вполголоса продолжил:

Конечно, тебя будут серьезно проверять, после того дела с полковником-предателем безопасность еще долго будет всех перетряхивать, но зато и жизнь станет интересней, и продвижение по службе и жалование... *(речь идет о подкупленном русской разведкой Альфреде Редле – прим. А.Л.)*

Окинув взглядом замечательный стол с закусками, Мольнар подумал, что жалование разведчика и в самом деле было неплохим.

– Я, конечно, согласен, Дью, но вот что подумает на это счет мой капрал? Я боюсь попасть в немилость.

– Herr Korporal! – Рен покотился от хохота, – Бал, подымай выше, такие вопросы будет решать командир твоего полка. Вполне возможно, тебя на новом месте начнут основательно экзаменовать. Но если тебе повезет, думаю, дело не затянется надолго, к тому же вопросы они задают простые. Да и чем ты рискуешь? Ну что ж, теперь давай рассказывай, кто там у вас командует приходом. Дьюла усмехнулся, достал блокнот и карандаш и принялся записывать, – положишься на меня, я знаю, как это делается, считай, твоя жизнь устроена.

Принесли штрудель, они вспомнили университет, преподавателей, разговор перешел на карты, скачки, актрис, они заказали еще по рислингу и медленно тянули его из пузатых бокалов.

Вино, которое тут подавали, в самом деле, было отменным, такого рислинга Балаж, отродясь, не пробовал. В нем была изумительная легкость и богатство вкуса и совсем незначительная кислотность.

– А как у тебя с твоей подружкой Богданкой?

– Богларкой, ее зовут Богларка! Ты все забыл, приятель.

– Что ж ты не пригласил Богларку в Будапешт? – съехидничал Рен.

Балаж смутился.

– Я, право, звал ее приехать, но у нее мать прикована к постели и бедняжке не до развлечений.

– Разве мало хороших девчонок здесь, в Буде? Я думаю, у тебя все впереди... – Дьюла Рен хитро прищурился.

– Я вовсе не собираюсь оставлять Богларку, она чудесная девушка, к тому же нравится моей матери. Возможно, мы поженимся после войны.

Штрудель просто таял во рту. В глубине пустой сцены тапер наигрывал попури из Штрауса, время текло в безмятежном разговоре, Мольнар наслаждался уютом «Карпатии». Прошел короткий теплый будапештский дождь, оставив несколько капель на стекле зарешеченного арочного окна, под которым они сидели... Он думал над предложением друга, конечно, это было бы здорово, если бы все устроилось. Но Дьюла был редкостный трепач, и все казалось сомнительным.

Дьюла оставил кельнеру плату, включающую щедрые чаевые, на подносе, и приятели, потягиваясь, двинулись к выходу.

Брусчатка уже просохла, город сиял чистотой, воздух был прозрачен и свеж. Они шли по улице и щурились от выглянувшего солнца, их слегка развезло от доброго вина, и все было здорово, ни о какой армии и войне не хотелось думать. Война была далеко. Стайка гимназисток с ученическими сумками, о чем-то громко щебеча, пронеслась мимо них, над парком после дождя взлетела многоцветная радуга, удивительный мир радости и удовольствий был близок и осязаем...

Сейчас Балаж с отчетливостью понимал, что жизнь могла сложиться совсем по-другому, если бы той встречи в «Карпатии» не состоялось, и не было бы подписано направление, которое изменило все в его жизни. Он мог с самого начала попасть на фронт и погибнуть в первый же год войны, как Лайош, с которым был неразлучен в гимназии, пропасть без вести, как его дядя Михай Мольнар. Служба в корпусе разведки была интересна, полна неожиданностей и риска, но все же риск гибели от пули или шального снаряда был сведен к минимуму. Людей разведки ценили и оберегали.

Он вернулся в палатку за табаком и раскурил трубку. Отряд отдыхал. Их было здесь только восемь, да еще четыре расчета пулеметчиков, дежуривших в замаскированных блиндажах. Работы были закончены.

В случае атаки все они могут погибнуть, но Балаж... Он нащупал в кармане связку ключей от казематов...

После перевода в специальную школу военной разведки нагрузки возросли.

Во-первых, пришлось догонять радистов по азбуке Морзе, шифрованию и перехвату.

Но это было бы еще терпимо, если бы не сопровождалось жуткой муштрой и наказаниями за малейшую неточность и неаккуратность в оперативной работе.

Во-вторых, их наставник лейтенант Сёми был суров и непреклонен, получить у него увольнительную на день практически не представлялось возможным, ибо количество накапливаемых к концу недели баллов редко кем достигалось. Сюда входили стрельба, физические упражнения и бег, станционная служба и оценка выполнения различных нарядов. Особенные трудности вызывали упражнения на турнике, мускулы вчерашнего студента оказались слабыми. Балаж висел, вцепившись руками в перекладину, не в силах подтянуть ноги.

Но вскоре наступило некоторое послабление со стороны свирепого учителя, поскольку ученик выказал замечательные результаты по тактике и языкам. Здесь Балажу не было равных, подавляющее большинство еще могло освоить работу с

телеграфом и автоделом, некоторые тупицы даже заправски вертелись на турнике, но там, где требовалось быстрое решение задач, требующих логического мышления, он просто на голову опережал остальных курсантов. Хоть и не сразу, его изобретательность и исполнительность были оценены по заслугам. Пригодились и актерские качества: ему посчастливилось поработать с самим Фридрихом Штоллем – мастером трюков и перевоплощений. Этого разведчика и преподавателя курсанты промеж себя называли «горбуном Парижской богоматери». Действительно, красавцем он не был, очень сутулый, рыжий, весь в веснушках.

Отлично сданные экзамены по специальности открыли для молодого искусствоведа прекрасные возможности: теперь увольнительные для Балажа стали частым делом, он увидел прекрасную Вену, мог бывать в Будапеште два раза в неделю по службе.

И вот он на передовой. Задача, поставленная перед ним начальством в лице того же Дьюлы была несложной – вызвать огонь на себя, оттянуть сюда часть дивизии русских и уничтожить, тем самым облегчив жизнь своему левому флангу. Пересеченная местность благоволила: лес, река, продуманный вариант отхода в безопасное место – все факторы были на стороне отряда, руководимого Мольнаром. Всю остальную работу доделает артиллерия – пушки, стоявшие за рекой, заранее были пристреляны. Это был спектакль!

Мольнар стоял на окраине Ворохты уже вторую неделю. Имитация бурной подготовки – рытье траншей, установка многочисленных палаток, различных муляжей, все фиксировалось русским аэропланами разведки. Конечно, основные заграждения на подступах к левому флангу были построены ранее. На переднем фланге, действительно, стояли несколько рядов колючей проволоки под током, на могучих столбах. Даже с применением ножниц и бомб наступающим под артиллерийским огнем придется оставить тут немало солдат. Телеграфные, телефонные переговоры под шифром тоже не должны были оставлять сомнений у русских в подлинности. Балаж регулярно

получал с нарочным новую порцию дезинформации из штаба, радист отсюда отправлял в эфир, отбивал телеграммы. Кое-что из этой информации было чистой правдой. Использовали старые шифры, вероятно, известные русским. Лагерь стоял фактически на рельсах узкоколейки, по которой почти параллельно линии фронта мог оперативно передвигаться малый состав бронепоезда. Иногда кто-то прибывал с инструкциями из штаба тем же путем, но важные эмиссары для пущей безопасности предпочитали ночные рейсы на дрезине. Ручная дрезина по ночам перемещалась абсолютно незаметно для противника.

Мольнар в который раз придирчиво осмотрел весь лагерь, пытаясь оценить его глазами русских: убедителен ли дым костра полковой кухни? Впечатляет ли количество сохнувших на веревках голубых брюк? Любитель животных – старый фельдфебель Иштван Кори прикормил стайку голодных одичавших собак, каждый вечер они с оглушительным лаем носились между палатками, играли, развлекая солдат в минуты отдыха и перерыва на обед.

Пожалуй, лишний шум был тоже на руку.

Надо сказать, тот, кто все это придумал, был в душе режиссером, ну, а Мольнар был у него на службе всего лишь исполнителем. Ему даже и не положено было знать все об операции.

Все же он догадывался: если русские разгадают маневр – штурма правого фланга не будет, Мольнар и его команда безнаказанно смогут покинуть расположение и перебраться через Прут южнее Ворохты.

В случае прямой атаки правого фланга большими силами русских в дело вступают пулеметчики основных фортификаций, а затем по сигналу на открытом пространстве артиллерия уничтожает живую силу и технику противника. Даже, если враг сумеет в каком-то количестве преодолеть открытый пяточок, путь на север будет закрыт бронированным поездом.

Строились фальшивые фортификационные укрепления, и все тщательным образом маскировалось зеленью веток, кустами, палками, ни дать, ни взять: мадьярский редут. Правда, окопы строились по-настоящему: длинными ходами они шли к правому флангу, ответвлениями – вперед, к русским позициям.

Только большая часть этих окопов для стрельбы с колена отлично простреливалась с огневых точек. От шрапнели такие окопы и вовсе не защищали. Настоящий блиндаж был очень удобно расположен и хорошо замаскирован ветками – он находился по правому краю в лесу, а построен был еще до Галицийской операции.

Блиндаж казематного типа не примыкал к фальшивым окопам. От него к просеке вел подземный ход, которым можно было уйти в сторону Прута. Конечно, были и сомнения насчет полной безопасности. А что, если русские вообще с этого фланга не станут штурмовать высоту? Разнесут тут все артиллерией к чертовой матери? Вся задумка – псу под хвост.

Здесь был риск, и немалый.

В тот день поезд, доставлявший рабочих на строительство укреплений, не прибыл в назначенное время, это могло означать – противник собирается атаковать. Однако, как долго теперь ждать этой атаки? По тактическим правилам, которые русские позаимствовали у французов, можно было ожидать следующий план развития событий.

Конец артподготовки. Бомбометы, аэропланы, пехота с гранатами первой волной накрывает ближний край укреплений, сносит часть колючки и прочих заграждений. Волна № 2 – те же пехотинцы, ступая по трупам первой волны, забрасывают гранатами остатки укреплений, срезают ножницами проволоку под ураганным огнем пулеметов и шрапнели, подавляют оставшиеся укрепления гранатами и бомбами.

Третья волна пехоты под прикрытием своей артиллерии и пулеметов с криками «Ура!» преодолевает пространство, заполненное трупами первой, второй волны и противника, растягивается в цепь и истребляет все живое на своем пути.

Волна четвертая – кавалерия завершает картину захвата укреплений, входя в долину, добивает противника шашками, саблями или берет в плен.

События могут в силу специфических особенностей местности варьироваться. Например, можно добавить в первую или четвертую волны броневики, мотоциклы...

(Балаж несколько перевирает сущность волн, их взаимодействие и общий ход атаки – прим. А.Л.) Все эти картины, особенно последнюю, самую неприглядную, с рубкой шашками рисовало воображение Мольнара. Лезть в бой, особенно рукопашный, инструкциями не было предусмотрено. Для этого существовали системы отхода, лазы, тайники, в которых можно было отсидеться до нескольких дней с сухим пайком. Например, тот самый блиндаж с казематами...

Но, несмотря на немалый опыт, тревога трясла Балажа мелкой дрожью: никогда раньше смерть не была так рядом.

Отряд поднялся и был построен. Мольнар давал последние указания. Начинался длинный день.

Воздух наполнился страшным воем, на склон полетели снаряды и бомбы, выдирая клоки земли с мхом и туфом и поднимая все на невыносимую высоту. Одно из деревьев на поляне, перебитое посередине, рухнуло на пустую палатку, в которой хранились заступы и кирки. Тут же рядом разорвался фугас. Подсохшая трава вспыхнула, секунд через пять палатка запылала. Снаряды падали и падали, как из рога изобилия. Их нескончаемая цепь, кучно ложась, тянулась вдоль фланга к железнодорожным путям узкоколейки. Вот еще взрыв, и тупик снесен, а концы рельсов взвились в воздух и пересеклись, образуя в воздухе гигантскую X. Обломки пропитанных креозотом шпал падали рядом с блиндажом, затрудняя проход к нему.

Страшная тень низколетящего аэроплана легла на поляну, летательный аппарат выбросил смертоносный груз, и, кренясь, ушел влево от укреплений, целый и невредимый. Отряд выпустил залп из винтовок по аэроплану, да куда там, только его и видели.

На подходах к окопам русская артиллерия рвала бомбами и снарядами все девять рядов проволоки. Похоже, артиллеристы работали со знанием дела, заряды падали почти через каждые два-три метра, вырывая и ломая столбы, словно спички. Дождь из падающих бомб продвигался все дальше, накрывая окопы, палатки. Он видел, как полевая кухня, получив пробоину, завалилась набок, выпуская пар. С запозданием в две-три

минуты ударили австрийские батареи, и небо стало темным от роя пролетающих встречных снарядов. Балаж Мольнар, лежа в укрытии под большим камнем, со склона наблюдал, как огонь уничтожает брошенные палатки. Он видел отчетливо скатившееся вниз тело Иштвана. Голова неестественно подвернулась под плечо, голубая форма на боку была разорвана, осколком снесло правую руку.

– Ему теперь уже не помочь. Балаж, дрожа, прижался спиной к прохладе нависающего камня, рядом с ним, ничего не видя и не слыша, уткнувшись лицом в землю, и готовясь зарыться туда как страус, распластался корпораль Сегерт.

– Йозеф!-заорал между разрывами бомб Мольнар. Корпораль слегка дернулся, затряс головой, сообщая, что еще жив. Они даже не были ранены, но осколки снарядов вновь и вновь зловеще врезались в тuff, служивший им убежищем.

Внезапная тишина коршуном упала откуда-то сверху, она продлилась секунд двадцать или тридцать, а затем отряд, или то, что от него осталось, услышал протяжное уханье с австрийской стороны. Ручкой пистолета, ногтями Мольнар разгребал землю под камнем, пытаясь зарыться во временное укрытие. Мелкие камни мешали ему, руки кровоточили, но он не обращал на них внимание, страх не давал ему опомниться. Бежать к казематам через эту страшную поляну? Как заставить себя это сделать? Что-то сдвинулось в планах.

Снова тишина. Неужели артподготовка окончена? Цугсфюрер 3 роты осторожно, медленно, словно улитка из своей раковины, высунул голову из-под камня. Пора.

Григорий

Левый фланг.

Артиллерия беспощадно била по левому флангу, и Агапов слышал мощный вой в высоте над собой и разрывы уже около двадцати минут. Казалось бы, сотни, тысячи разрывов... Пушки били без остановки, земля содрогалась.

Голова начинала гудеть. Чтобы не оглохнуть вовсе, Григорий периодически закрывал уши руками.

Ударный батальон, сформированный из трех рот, был готов начать штурм. В каждую роту теперь вошли новые подразделения – команды гренадер – бомбометателей. Григорий лично знал унтеров и не сомневался в их подготовке, а руководил командой сам Александров. Каждый из 37 гренадер нес с собой в сумке 7-8 гранат и являл собой грозную силу. Это были отборные, самые крупные в батальоне солдаты. Агапов вспомнил, как во время июньской операции австрийцы после нескольких удачных бросков одной из команд бомбистов в ужасе сдались в плен. Команда кроме ручных гранат имела на вооружении бомбометы с зарядами для поражения бронированной техники и блиндажей.

Отец Михаил шел с кадилом вдоль окопов, солдаты крестились, произносили молитву...

Этого священника им прислали взамен погибшего под Станиславом отца Валентина. Смерть его была ужасной и нелепой, австрийский снаряд угодил прямоком в его палатку. Говорят, даже хоронить было нечего.

Командиры, попутно раздавая указания нижним чинам, шли следом.

Рота Агапова должна была пойти в третьей, заключительной волне, соединиться с авангардом в конце и закрепиться на заданной позиции высоты. День штурма обещал быть жарким.

Он еще раз открыл новенькую полевую сумку и сверился с планом и компасом, закрепленным на ее внешней стороне. Даже в том случае, если командование не ошиблось в своих прогнозах, левый фланг враг без сопротивления не отдаст. Закрепляться в этом случае придется постепенно.

Уже в 9 утра солнце жарило просто нестерпимо, но сейчас все заслонило марево порохового дыма и пыли. Он присел на ящик из-под снарядов, предусмотрительно захваченный на батарее. Это был ящик с боеприпасами из новой поставки: на нем была нанесена красной краской надпись: «Снарядов не жалеть!» Эта броская фраза будто поднимала настроение

батарей – каждые несколько секунд пушки выпускали по врагу серию смертоносных подарков. Отсюда ему хорошо было видно Юдина и его многочисленную роту. Его штурмовая команда с бомбами, лопатками, ножницами для разрезания колючей проволоки насчитывала более 50 человек. Не было в ней теперь только Семена Ломова, и командовал отрядом юдинских grenадер угрюмый унтер Матвей.

К 10 часам утра заговорили гаубицы противника, несколько огромных снарядов пронеслось с левого фланга и, вздымая горы грязи и песка, взорвались в районе болота, изрядно вдалеке от расположения корпуса. Ветром песок разнесло далеко над лесом. Следующие несколько выстрелов лишь немного приблизились к укреплениям. Два аэроплана пролетели на Ворохту с левой и с правой стороны, сбросив бомбовый груз, они очень быстро развернулись над Прутом и ушли на базу для того, чтобы пополнить запас бомб.

Подготовка шла по плану...

Наступление началось около 11 ч утра.

По зеленой ракете двинулся правый фланг. Почти никаких звуков там в первый момент не было слышно, потом вдалеке раздались разрывы гранат, вероятно, крушили остатки заграждений с переднего края наших окопов. Через пять-шесть минут, которые Агапову показались вечностью, последовала красная ракета – сигнал штурмовой группе с левого края, за ней, соблюдая дистанцию, двинулись остальные. Издалека Григорий видел как «волны» пошли ходами.

Где-то далеко впереди они выбирались из окопов и, перекачиваясь, неслись по склону, почти не встречая сопротивления. Это было красивое, и в тоже время тревожное зрелище, солдаты прошли большой отрезок, отделявший их от укреплений врага почти без потерь.

Лишь двое или трое солдат были остановлены выстрелами, остальная масса продолжала атаковать. Для верности было брошено несколько гранат. Григорий, выглянув из-за бруствера, видел, как grenадеры по всем правилам режут в клочья проволоку первой линии заграждения. В какой-то момент ему

показалось, что кроме поредевшего снарядного воя и клацанья ножниц, все звуки замерли.

– Спокойно, – сказал он себе, а вслух дал знак прапорщикам приготовиться и достал бинокль.

Первая штурмующая рота катилась в окоп противника, как шар в лузу. Никакого плотного винтовочного огня. Стоп, что это? Окоп имел глубину вершков 10, не более. Канавы для огня с колена. Это же не защита.

Григорий напряженно думал. Час назад по этим позициям было выпущено несколько десятков шрапнельных снарядов. Такие канавы не спасают от шрапнельного огня, и по всем данным разведки должны были быть усеяны мертвыми бойцами в голубых мундирах.

Он передал несколько слов сигнальщику, и солдат просемафорил в тыл. Почти одновременно с этим в воздух устремились две и потом сразу три ракеты.

Пошли юдинские.

Рота Григория Агапова с криками «Ура!», «За царя!», поддерживая дистанцию, устремилась за ними к укреплениям австрийцев. На фоне возобновившегося воя гаубиц слышались крики и редкие выстрелы с левого фланга. Скоро они поравнялись с обломками столбов и скомканными витками колючки. Эти напоминающие перекасти-поле обрывки проволоки, брошенный мусор, старые газеты, представляли собой унылое зрелище. Гранадеры впереди расчищали дорогу для бронемашин. Александров, шедший почти все время рядом, обратил внимание Григория на то, что возможен подвох.

– Смотри, Гриша, в окопах дальше никого. Где убитые, раненые? Трое – четверо на всю линию? Либо мы сосем пустой рожок, либо здесь какая-то хитрость. – Он наклонился, поднял газету и обрывок голубой ткани с двумя сохранившимися пуговицами. Газета в двух местах была пробита шрапнелью.

– Саш, а ты посмотри, что за окоп?! Это ж курам на смех!

Александров схватил лопатку и со всей силы ткнул в землю.

– Ясно, здесь глубже не выкопаешь, сплошной камень.

Куда австрийцы подевались, вот вопрос?! – Эти окопы вроде

построены вчера, а газета – двухмесячной давности. А вот эта тряпка не могла выгореть на солнце за один день, если вчера была мундиром капрала. – Слушай мою команду, растянуться, но не останавливаться! – приказал своим Александров. – Но ведь разведка не могла ошибиться! – у него уже закрадывалось сомнение, что враг подsunул ловушку.

Волна притормозив, осторожно перекачивалась, но замедление было вызвано скорее осложнением рельефа местности, встречающиеся на пути воронки от снарядов, остатки заграждений и завалы из колючих веток. Все это приходилось разбирать. Таким образом, первая волна, пройдя с небольшими потерями этот участок, перекадилась со значительным отрывом в сторону левого края Ворохты. Часть ее прошла в оставленных противником мелких ходах. Это никак не походило на типичные для австрийцев надежные и глубокие *Verbindungsgraben* (*ход сообщения - пер. А.Л.*)

И в этом месте также не было никаких следов пребывания австрийцев.

Григорий видел, как цепь первой волны в дыму и пыли, поднятой снарядами, двигалась, разворачиваясь в сторону центра поселка. Вот уже они вышли на линию железной дороги, где-то здесь должен быть тупик ветки...

Он увидел нескольких убитых солдат противника: голубые мундиры – мадьяры: один, два, три. Вот цепь прошла по тому месту, где стояли палатки защитников фланга, огонь практически уничтожил их, разметав куски брезента и остатки продовольствия около перевернутой полевой кухни.

Раздались очень знакомые звуки Шварцлозе, к нему присоединилось щелканье чешской «Шкоды», но пока не было видно, откуда ведется стрельба.

Очевидно, огонь велся из укрытия. В первую минуту никто не мог понять, что происходит, и бойцы первой волны запаниковали. Кто-то бросился назад к укрытию, и тут же щелканье удвоилось. Работали три или четыре смертоносных орудия.

В дыму отчетливо было видно, как несколько бойцов первой волны покинувшие укрытие, рухнули, как подкошенные.

Пулеметчики штурмового отряда, закрепившиеся в окопе, развернулись на 180 градусов в сторону тыла, и принялись палить из своих «максимов» с водяным охлаждением наугад в сторону леса. Юдин приказал занять оборону в окопе, но, к сожалению, большая часть его роты оказалась под обстрелом. Время было упущено. Пытавшиеся бросить гранаты, были убиты на месте.

Блиндаж, спрятанный на краю леса, вновь начал бить очередями, и теперь уже представлял опасность для подошедшей второй волны. Это долговременное фортификационное сооружение казематного типа с могучими бетонными щечками, почти в человеческий рост. Судя по всему, построено оно было еще до 1915 года. Как долго они продержатся?

13 часов. Подошли две бронемашины, третья прямым попаданием была выведена из строя на склоне. Агапов отдал приказ как можно быстрее подавить огневую точку.

Первая цепь третьей волны бросилась к лесу, ища безопасные подступы к блиндажу. Бежавший в первом ряду рядовой из зоны недоступной для обстрела, метнул одну гранату, потом другую. Одна из них, попав в бетонный борт, отскочила и разорвалась в стороне, вторая бомба разорвалась в воздухе прямо перед входом. Возникла пауза, может, это было хитростью противника, но Говоров и Семенов успели бросить еще пару гранат по входу в сооружение. Говоров был тут же сражен короткой очередью. Григорий слышал, как одна из гранат глухо разорвалась внутри. Из глубины леса доносилось потрескивание – с юга от просеки двигался пожар, вызванный обстрелом, под ветром он быстро продвигался к месту боя. В основном горели сухостой и мох. Пламя под ветром быстро распространялось на северо-запад и северо-восток.

Бойцы, пытавшиеся обойти укрепление с тыла, очень скоро покинули лес, из которого бежало буквально все живое. Агапов видел бегущих зайцев, стайку одичавших собак, ползущих к воде змей. Жар и пылающая сухая трава уже не позволяли приблизиться к огневой точке, оказавшейся в эпицентре пожара. Сверху падали сухие стволы деревьев, образуя гигантский костер... Если кто-то и уцелел внутри каземата после бомбовой атаки – то он должен был бы поджариться заживо.

С трудом собрав солдат, бегущих от огня, Григорий приказал им немедленно двигаться вперед, в северном направлении. Там и должен был произойти основной удар по остаткам мадьярских сил.

14 часов. Обстановка усугубилась вновь начавшимся обстрелом с австрийской стороны. То были уже не гаубицы, а пристрелянные орудия среднего калибра, которые из-за реки вели огонь по атакующим. Это доказывало то, что ловушка сработала...

Значит, все же прав был Батранов...

В ответ заговорила наша артиллерия, и небо превратилось в крошечный ад. На другой стороне реки прицельный огонь русских батарей поднимал в небо столбы вырванной земли и камней. Некоторые заряды нанесли австрийским расчетам серьезный урон, и к этому часу около половины их орудий замолчали. Тем не менее, т-образное окончание окопов, в которое устремились бойцы, спасаясь от пулеметного обстрела, не могло их спасти от кучно падающих австрийских снарядов и бомб. Остатки отряда оказались вообще неприкрытыми, надо было немедленно рассредоточиться и продвигаться вперед на соединение с частями правого фланга. Совсем близко упал и разорвался снаряд, прилетевший из-за Прута.

Осколок врезался в край сапога Григория, глубоко порезав ногу, но он бежал со всеми, прихрамывая. Вскоре, преодолев гибельное место, последний край третьей волны покинул поляну, поравнявшись с тем местом, где еще утром пролегалo узкоколейное полотно. Теперь здесь уже было труднопроходимое месиво из разорванных столбов, шпал и рельсов. Атака буквально увязла, образовался затор из большого скопления бойцов второй и третьей волн. Люди замедлили ход, и если бы артиллерия австрийцев воспользовалась заминкой, нападающие левого фланга были бы наголову разбиты.

Вскоре Григорий увидел Георгия Юдина, который, отчаянно жестикулируя, что-то показывал своим подчиненным. Бойцы, выслушав его, двинулись в разные стороны, насколько позволяло пространство между рекой и каменистым склоном.

Солдаты отступили шагов на сто к югу. Он понял сразу же, что Юдин велел разбирать шпалы и строить из них укрытие. Агапов велел своим солдатам на подходе ко второй волне рассредоточиться и занять оборону, используя бронемашину и естественные укрытия.

14 часов 20 мин. Они продвинулись еще на четверть версты к правому флангу. Пространство расширилось, теперь солдаты медленно шли вдоль уцелевших путей. Цепь значительно растянулась, опасный при обстреле участок был почти пройден, но худшее было впереди. Издалека приближался бронепоезд. Вот, очевидно, почему австрийские пушки замолчали, на правом фланге стало жарко. Он шел на малом ходу, и на повороте Григорий разглядел прицепленные вагоны, он поднял бинокль и увидел тусклую холодную сталь башен, ощерившихся орудиями. Он перевел бинокль в сторону леса: там было все без изменений – пулемет молчал, изредка пролетали снаряды, тлел пожар.

К этому моменту Агапов уже с горечью осознал потери своей роты. Тела убитых и раненых были разбросаны по пройденной ими поляне. Некоторые раненые остались в окопах и у них, конечно, был определенный шанс выжить, если, конечно, им своевременно окажут помощь. Он понял, что общее число его бойцов почти вдвое уменьшилось.

Один из броневиков, продолжая гореть, по инерции полз к подножию склона. Он снова перевел взгляд на север, и увидел зловеще смотрящие на него глаза-прорези бойниц, башню с пушкой. Локомотив еще сбавил ход, выпустил облачко дыма, дал резкий гудок. Тут же его башня выстрелила по штурмовикам из главного орудия. Пользуясь всевозможными укрытиями, солдаты заняли оборону. Пулеметчики разместились за горой вывороченных взрывами рельсов и шпал, стрелки Юдина впереди залегли за импровизированными укрытиями. Разорвалось несколько снарядов.

15 ч. Агапов приказал расчетам атаковать поезд бомбометами и организовать поднос зарядов для них. Расчет под прикрытием пулеметов развернул свои орудия на салазках, и произ-

вел несколько выстрелов. Один из конических снарядов удачно поразил крышу вагона, следовавшего за локомотивом, второй прошел мимо цели, чиркнул по поверхности брони, а затем упал в канаву за поездом и разорвался. Пришлось развернуть подбитую бронемашину для укрытия бомбометателей.

Тем временем обстрел усиливался, и поезд неумолимо надвигался. Часть солдат вопреки приказу, в панике бросилась на склон, прилегающий к полотну справа, и тут же была поражена винтовочными и пулеметными выстрелами. Из вагонов спрыгивали уцелевшие голубые мундиры в полевых кепи и касках. На бегу они стреляли из пистолетов, рота Юдина тоже не осталась в долгу, выпустив по ним град пуль из винтовок и пулеметов. Григорий видел, как трое мадьяр выбрались из окна первого вагона. Один сразу же залег в канаве около путей, было видно только край голубого кепи с лентой. Двое побежали по склону, постепенно забираясь вверх, один из них, вероятно, капрал размахивал пистолетом и что-то кричал. Почти одновременно оба были подстрелены пулеметчиком, занявшим выгодную позицию за блоком из шпал. Выстрелы в долине шелкали, не смолкая.

15 часов 30 мин. Расчеты при бомбометах из команды Григория были уничтожены почти на две трети, но свою задачу они выполнили – последними зарядами была успешно повреждена башня локомотива. Редкая винтовочная стрельба продолжалась теперь из бойниц, и локомотив по-прежнему полз с черепашьей скоростью.

Агапов разделил оставшихся на две группы, они получили задание снять с поезда уцелевших австрийцев, прятавшихся между вагонами и ожесточенно отстреливающих. Поезд еще пытался продолжать движение, когда поврежденные рельсы, наконец, разъехались в разные стороны и передние колеса локомотива врезались в шпалы. Страшный лязг и грохот прокатился по долине, внутри бронированного монстра что-то глухо стукнуло, зашипело, из башни повалил едкий черный дым. Вагоны по инерции дернулись, и на какое-то время поезд перестал стрелять.

15 ч. 40 мин. Расстояние между противниками предельно сократилось, и Юдин тут же бросил свой авангард на солдат в голубых мундирах. С криками они кинулись на поезд, стаскивая мадьяр на насыпь. В ход пошли штыки, приклады, сабли.

Отчаянно сопротивляясь натиску, они лезли на крышу поезда, в упор палили по русским из пистолетов.

В тот же момент он увидел Сашку Александрова, поднимающегося на ступеньку локомотива. Он размахивал окровавленной ручкой маузера, нанося тяжелые удары кому-то невидимому. Потом Сашка скрылся внутри.

Рана на ноге все больше напоминала о себе Григорию. Кровь уже запеклась, но ступать стало нестерпимо больно.

– Ты как, Григорий Иваныч, ранен? Нужна помощь? – спросил нагнавший прапорщик Грива, – я пошлю за Порфирьичем, сей момент, а?

Агапов снял с себя саблю с ножнами и, опираясь на нее как на костыль, двигался, не поспевая за своим подразделением. К тому времени бойцы его роты тоже вступили в схватку. – Нет, Тимофей, пустое, Порфирьича больше нет, убит. Сейчас – главное добить это чертов поезд, потом займемся ногой. Горюнов... Горюнов погиб, понимаешь?

– Так ведь, идти не можешь, Иваныч!

– Ничего, доползу кое-как. Главное – мы вышибли их отсюда!

Откуда-то сверху послышалась пулеметная очередь, и они инстинктивно пригнулись и попадали на склон, ниже обрывистой насыпи. За их спинами неслась шумная река. Вода, разрезаемая камнями, буквально кипела, но звуки эти казались тишиной против грохота выстрелов и воя снарядов.

Он что-то хотел сказать молодому прапорщику и, подняв голову, толкнул его в плечо.

– Тимофей, Тимофей!

Молчание было ему ответом. Грива лежал без движения, струйка крови стекала из-под его фуражки. Григорий в ожесточении поднялся. Стрельба затихла, и Агапов огляделся. Справа бушевал лесной пожар. Пламя, взлетая в небо, низким тоном гудело между стволами, трава горела теперь на большей части пятачка.

Только сейчас он заметил какое-то осторожное движение на противоположном склоне, и не поверил своим глазам. Из-за насыпи, вышел невысокий молодой офицер. Агапов не мог понять, как он вообще здесь оказался, и каким чудом уцелел во всей этой кровавой бане.

В нем легко было узнать мадьяра по голубому обгоревшему мундиру, кепи на нем не было. Прыгая с кочки на кочку, преодолевая жарко горящий мох, он бросился в сторону реки, стремительно приближаясь к Григорию.

Не мигая, он смотрел на Агапова, это был взводный, о чем свидетельствовал воротник с белыми звездами. Молодой парень весь был в земле и крови, волосы обгорели, лицо выражало полное отчаяние. Его дрожащая рука вытащила из кобуры маленький блестящий пистолет. Это был дамский браунинг. Когда до берега оставалось 6-7 сажень, этот ненормальный снял пистолет с предохранителя. Григорий нисколько не сомневался, что с такого расстояния из браунинга мальчишка непременно промажет, все же, инстинктивно сделал несколько шагов по направлению к реке, и встал к нему боком. Потом он еще в таком положении проделал несколько шагов, казалось, боль в ноге стала нестерпимой и отдавалась во всем теле. Теперь он стоял почти на самом краю обрывистого каменистого берега. По левую руку от него шла схватка в поезде, прямо по курсу стремительно приближался обезумевший мадьяр. Агапов, будто загипнотизированный, смотрел на происходящее. Вытянув руку с браунингом, парень в голубом мундире нажал на спусковой крючок, из короткого дула вырвалось пламя, но выстрела не было. Продолжая приближаться, *vzvodny* с удивлением глянул на блестящий пистолетик, обжегший руку, затем бросил его и замахал рукой, будто его укусила оса. Как лунатик, ничего не видя и не соображая, он буквально летел грудью на Агапова.

Когда взводный оказался на расстоянии удара, Григорий рванул саблю из ножен. На долю секунды увидел его испуганное мальчишеское лицо, скованное страхом. Тяжелый удар эфесом пришелся в висок. Взводный зашатался, замахал руками и, потеряв равновесие, полетел в воду. Его голубой мундир,

увлекаемый мощным потоком, завертелся среди камней в кипящей воде Прута. Оступившись, Григорий сам чуть было не оказался в реке, град мелких камней посыпался за ним в воду, но он удержался, вцепившись в прутья ивы.

16 ч. Выбравшись на берег, он увидел продолжение битвы. События развивались стремительно. Рота Агапова потеснила австрийцев уже за конец поезда, стрельба из вагонов стихла. Он сделал несколько шагов, кровь хлюпала в сапоге. Что-то свистнуло рядом, укололо в спину. Агапов оглянулся, но никого сзади не разглядел. Забыв о боли, опираясь на клинок сабли как на палку, он сделал несколько шагов к ближайшему вагону. Повсюду лежали тела заколотых, застреленных, зарубленных русских, австрийцев. Тут лежали голубые и серые мундиры. Живых он не нашел. Ступени, ведущие в тамбур были все липкие от крови. Агапов не стал подниматься в вагон.

Держась за ручку погнутой взрывом двери, он некоторое время стоял, прислушиваясь к отдаленным выстрелам и крикам, пытаясь найти своих ребят. Они переместились теперь к концу состава и слышались с каждой минутой все менее отчетливо...

Голова кружилась, в висках стучало. Он двинулся к реке. Здесь, в тени ив стояли вросшие в землю камни, выброшенные когда-то на берег рекой. Он присел и прислонился к одному из них щекой, почувствовал прохладу. Достал фляжку, выпил воды. Стало лучше, но идти он дальше не мог, навалилась слабость. Он попытался подняться, зацепившись за край камня, но рука не слушалась, поднимались только пальцы.

– Это ничего, пройдет, – подумал Григорий, главное, ребята-молодцы не подвели. Эричка, наверное, будет меня ругать.

Солнце давно уже перевалило на западную сторону. Агапов смотрел, как вырастают тени деревьев, двигаясь к востоку. Выстрелы стихали, и на первый план выходили со своей оглушительной музыкой цикады.

Вместо эпилога. Алеша

*На кладбище. У могилы. Вечер. Ночь рассказов. Кузница.
День Рождения.*

Продвинувшись далее метров на пятьдесят, дедушка вскрикнул: «Тут!». Мы увидели памятник в виде глубоко утопленного в земле широкого замшелого бетонного креста. Он стоял далеко от остальных могил, ближе к тропе, надпись на металлической позеленевшей пластине гласила:

«Прапорщикъ Григорий Ивановичъ Агаповъ
Погибъ 12 августа 1916»

Мы долго стояли перед ним и смотрели и не верили собственным глазам, потом бабушка присела на корточки рядом и очистила рукой надпись от паутины и мха. На глазах ее блеснули слезы. Мы не ожидали, что так легко найдем могилу Г.И., и стояли в каком-то оцепенении перед ней. Все слова не имели никакого смысла, дед снял с головы свою льняную кепку и мял ее в руке, а я присел рядом с бабушкой, и она обняла меня и улыбнулась, как бы говоря: «мы вместе, наш союз нерушим».

Оставив у могилы букетик полевых цветов в найденной мной неподалеку баночке, мы потрясенные, вернулись в отель. Ощущение победы, чувства выполненного долга переполнило нас в тот вечер. Бабушка много рассказывала про отца, про брата Юру, про войну и про наш дом. Не хотелось идти в чайную, мы перекусили хлебом и сыром в номере и, взволнованные, легли спать. Но уснуть не могли и долго говорили в темноте о разном, дедушка рассказал мне одну из придуманных им историй про цирк и обезьяну Бимбо (он очень любил цирк) и только глубоко за полночь я услышал его храп, а вскоре и сам заснул.

Я любил смотреть на огонь, а тут в кузнице, он был особенный, малиново – яркий. Печь топилась каменным углем, и жар от нее распространялся нестерпимо сильный. Кузнец длинными щипцами брал заготовку для гвоздя, нагревал его в горне добела, затем закладывал ее в специальный паз на наковальне и

Памятник.

ловко, всего несколькими ударами молотка придавал нужную форму. Появлялась широкая шляпка, затем он, поворачивая щипцами еще не успевший остыть гвоздь, расплющивал его кончик, заостряя. С острия далеко летели, красиво сверкая, искры, с шипением падая в стоящее рядом ведро и мокрую от только прошедшего дождя траву. Затем он ловко опускал свежую поковку в жир, чтобы поворонить и тем самым защитить ее от ржавчины. Под конец изделие закалялось в холодной воде и отправлялось на просушку. Как он выковывал подкову! Бабушка, немного уставшая от жары и шума в кузнице, боялась, что на меня попадет искра или какая-нибудь докрасна раскаленная деталь, все пыталась увести меня, только мне уходить не хотелось, и я смотрел внимательно на процесс, боясь что-то пропустить. Кузница, правда, была совсем маленькая. Несколько столбов, навес, грубый пол из толстых, ничем не скрепленных досок. Может, когда-то тут стояло строение гораздо большее, вокруг находились остатки старого широкого фундамента. Говорили, огонь уничтожил здание во Вторую мировую при отступлении немцев, только каменный амбар с широкими коваными воротами уцелел. Дедушка попросил кузнеца сделать что-нибудь мне на память, и он спросил, сколько мне лет. Я выпалил, не задумываясь, что мне 8, а он, разогрев гвоздь, искусно отковал из него аккуратную восьмерку за считанные секунды и поворонил в расплавленном жире (она где-то и сейчас лежит в кабинете моего отца много лет спустя!).

Вот и мой день рождения. Проснувшись, как всегда, раньше всех, я с радостью убедился, что на дворе солнечно. Кроме того, на столе у моей постели аккуратный сверток, а в нем что-то большое, плоское. Книга? Нет, по весу не похоже, да и гремит что-то в упаковке. Развернул бумагу и от радости подскочил на кровати: железная дорога, та самая, с миниатюрными рельсами и паровозиком, с двумя чудными зелеными вагончиками. И все это должно работать от батарейки, для которой в комплекте был предусмотрен специальный контейнер с переключением полярности, для того, чтобы можно было менять направление хода и скорость движения состава. И еще бабушка положила в коробку

несколько карамелек в шоколаде, моих любимых! Я даже не мог ожидать такой радости. Да, мне будет, чем заняться вечерами! Дело в том, что все окрестности мы уже осмотрели не по одному разу, а идти или ехать куда-то далеко из-за сырости не хотелось. Честно говоря, мы сильно устали от дождей. Дедушка иногда даже жаловался на свой ревматизм. Немудрено, ведь в густых лесах за последние дни все отсырело. Пытались с бабушкой собирать грибы и сушить. Я люблю собирать грибы и здесь их полно, да только все наши труды напрасны. Они не сохнут, а гниют, солнышко выходит редко, ветра нет. Две нитки подберезовиков, висевшие за окном, были полностью проедены червяками и нам пришлось их выбросить...

Но зато у меня теперь железная дорога. Настоящий «РiКО»! Вот уж я поиграю!

Мы сели в проходящий большой электропоезд, чтобы проехать в сторону Закарпатья и посмотреть соседние места. Электричка с деревянными лакированными сиденьями. Погода благоволит – солнце светит, откуда только взялось! Один из городов, запомнившихся мне – Яремче. Кругом залитые солнцем зеленые склоны гор. Чудный курорт. Здесь на каждом шагу продается множество карпатских сувениров для туристов – резные гуцульские дудочки, деревянные змейки, бусы из розового бука и много-много всяких разностей. Дедушка купил мне на память дудочку и змейку.

Мы с интересом осмотрели местные строения, искусно срубленную деревянную церковь, новое здание пансионата и пообедали очень вкусно в громадном ресторане «Галичина», расположенном на одном из живописных склонов. Наш столик находился на веранде, и пока ждали официанта, любовались великолепным видом на пастбище и лес по ту сторону железной дороги, на голубые горы вдали.

Бабушка за обедом заметила, что отец ее, прошедший во время войны этими местами, любил природу, восхищался постоянно ее красотой, величием. Конечно, наши скромные черно-белые фотографии не смогли бы передать те необычайные панорамы видов, те краски, глубину простора, свежесть запаха лугов и гор, но все это запомнится мне навсегда.

Расплатившись с официантом, одетым в гуцульский костюм, мы покинули ресторан и пешком спустились по пологому склону к станции. Поезда долго не было, и я заскучал, сидя на перроне. Мне хотелось поскорей вернуться к своей новой игрушке, собрать большое кольцо из рельсов, установить стрелки и тупик, входившие в комплект. Дедушка, видя мое нетерпение, посмеивается: ничего, будет еще плохая погода, насидишься дома.

Надоел дождь, не успевающая просохнуть одежда, но я терпел. Мы все же на несколько дней еще останемся здесь, в готеле. Бабушка будто преобразилась. Я не узнавал ее – здесь она была рядом со своим отцом, эти места заряжали ее какой-то особой энергией, несмотря на все её молчаливое поведение, я всем сердцем чувствовал это. Она часто уходила в чтение любимой книги, но видно было – в мыслях она не в рассказах Лаусона и Брет Гарта. Дед все больше молчал, любовался природой, лесом, резными строениями, фотографировал, рисовал и не задавал лишних вопросов. Иногда он ворчал, если ему не уделяли внимания, но и это он делал любя, больше с иронией к самому себе. Они все же такие разные по характеру с бабушкой! Дедушка может очень сильно чем-то увлечься, и тогда он ничего не слышит и так задумчив. Когда такое случалось, я старался придти на помощь. Мы усаживались с ним на лавочке около гостиницы и вырезали перочинным ножом кораблики из коры, я возводил на них мачты с парусами и отправлял в путь по ручейкам цвета кофе с молоком. Они быстро исчезали вдаль и уходили в опасное плавание по канаве вдоль ул. Ленина. Там они переворачивались в водовороте, сталкивались с острыми камнями и продолжали свой путь вниз по бурному ручью в Прут.

– Пойдем обедать, Ленька! – дедушка поднялся со скамейки. Пойду, бабушку позову...

Он перегнулся через плетень около нашего окна и помахал рукой. Бабушка, увидев его знаки, распахнула форточку.

– Ну что, Аля, идем обедать? Она кивнула.

Вновь непросыхающий путь: готель – чайная – готель.

Мне хотелось скорей домой, к друзьям, в свой палисадник, в свой сухой и теплый август или, хотя бы в последние его дни,

к велосипеду, к любимому откосу над Волгой, к родной улице в желтеющем наряде липовых листьев.

Вечерами я строил и разбираю железную дорогу, или читал что-то из школьной программы, заботливо захваченное из дому бабушкой. Часто она рассказывала мне разные истории из своего детства. Вспоминала своего брата Юру, которого очень любила. О том, какой он был любознательный, мужественный, как он построил детекторный радиоприемник с кристаллом и пружинкой, какие у него были золотые руки.

Меня всегда захватывал её голос неподражаемый, до удивления чистый и внятный. Чтение стихов или рассказов в её исполнении всегда было на очень высоком уровне. Недаром, ранее ей приходилось работать диктором на радио. То были истории о благородных и бесстрашных ковбоях, приходящих на выручку обездоленным крестьянам в Мексике или о мужественных советских моряках, штурмующих Арктику на ледоколах. Это был её мир, который она бережно хранила в себе и в то же время щедро делилась им со мной, – мир доброты, смелости и благородства Жюль Верна, Сервантеса и Ги де Мопассана. Много я прочитал и понял впервые с ней, будто ни в чем мне не было отказа – на все свои вопросы я получал ответы в её любимых книгах и рассказах. Но сюжеты о войне приводили её в грустное настроение. Её меланхолия передавалась мне, тогда я надолго замолкал, не задавал никаких вопросов и погружался в сочинение стихов или рисование.

Увы, мои стихи выходили совсем короткими, и, хотя, некоторые карандашные наброски гор и камней мне удавались, что-то серьезное не выходило, я сердился, вырывал из альбома листы, комкал и отправлял в корзину – вдохновения не было...

В конце недели установилась хорошая погода, мы еще наслаждались теплом, бабушка, сняв туфли, сидела на траве, змеи её более не пугали, я тоже валялся, наслаждаясь ароматом горных цветов. Наступал конец августа, близился наш отъезд домой. Последний день нашего отдыха. Мы вновь сходили на кладбище и простились с Григорием Ивановичем, оставив простые луговые цветы на его могиле. Тут было все

Часовня.

по-прежнему, только скошенная трава отросла за эти дождливые дни... Чудесный горный воздух и лучи солнца, которые пробивались через ветки фруктовых деревьев, причудливо озаряя крышу часовни...

Когда-то, когда я стану большим, я приеду сюда вновь. И что я увижу? Чайная сгниет и рухнет, и на ее месте будет построен роскошный дом отдыха или санаторий. Да и наш готель, конечно, заменят высотным домом. Дорогу заасфальтируют, улица Ленина станет широким проспектом, не станет привычной

грязи и луж, прогнившие скамьи у входа сменяют зеркальные двери и шикарный подъезд, у которого будут останавливаться ситроены и мерседесы постояльцев. Зимой уважаемые европейские туристы будут кататься здесь на лыжах с гор, а летом приезжать подышать чудесным горным воздухом и любоваться из окон отеля-небоскреба дивными видами Верховины.

Наверное, там, за подлеском кладбище станет чудесным местом отдыха – красивым фруктовым садом с ажурной кованой оградой, а возле часовни будет стоять большой гранитный памятник русским солдатам и офицерам, погибшим здесь, на рубеже Родины и остановившим врага.

1915–1963–2014

А.Ю. Лебский

Содержание

Часть I.....	3
Часть II.....	57
Часть III.....	139

Лебский Алексей Юрьевич

ПАМЯТНИК РУССКОМУ ОФИЦЕРУ

Консультант:
Ю.В. Лебский

Работа с фотографиями:
Ю.В. Лебский

Обложка:
А.Ю. Лебский

Компьютерная верстка:
Г.Е. Шайгам